

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 7

Киров
2014

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,

тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Ю. В. Данг**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Белас Л., Беласова Л.</i> Мультикультурализм в глобализирующемся мире.....	6
<i>Моторина Л. Е.</i> Проблема Родины в жизни и творчестве русской эмиграции.....	10
<i>Сопова М. Н.</i> Детская игра и театрализация жизни.....	15
<i>Хлопонина О. О.</i> Женский мир в русской культуре рубежа XIX–XX вв.: типологические характеристики и художественная репрезентация.....	19

ИСТОРИЯ

<i>Машковцев А. А.</i> Польское восстание 1863–1864 гг. в освещении губернской прессы Волго-Уральского региона.....	25
<i>Яковлева И. В.</i> Города и городское население Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. в контексте повседневности.....	31
<i>Чемоданов И. В.</i> Сельское хозяйство и крестьянство Кировской области накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.).....	36

К 100-летию начала Первой мировой войны

<i>Гужва Д. Г.</i> Взаимосвязь российской провинции и действующей армии в годы Великой войны (1914–1918 гг.): по материалам российской военной периодической печати	48
<i>Казакова О. Ю.</i> Война под стук колес: роль железных дорог в жизни прифронтовой Орловщины	53
<i>Андреев А. Е.</i> Влияние Первой мировой войны на функционирование местных административных учреждений (на примере Тверской губернии).....	58

ПРАВО

<i>Фещенко П. Н.</i> К вопросу о строгости наказания за коррупционные преступления, вызывающие широкий общественный резонанс и рост социальной напряженности	65
<i>Рогова Н. Н.</i> Уголовная ответственность за квалифицированные виды убийства	70

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Ильченко Н. М., Чистяков И. А.</i> Древний Херсонес как тема русской истории и литературы (по произведениям А. Н. Муравьева и А. М. Горького)	77
<i>Клэстер А. М.</i> Когнитивно-дискурсивные особенности немецкой терминологии инженерной психологии	83
<i>Балакин С. В.</i> Универсальность категории «первичность / вторичность» при изучении деривационных процессов на языковом и концептуальном уровнях.....	87
<i>Порческу Г. В.</i> Английское предложение в аспекте восприятия.....	93
<i>Самсонова А. И.</i> Миф о вечном возвращении в романе Дж. Макдональда «Фантастес».....	99
<i>Калиничева М. М., Решетова М. В.</i> Креационное и креативное в проектной культуре дизайна	103

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Лебедева О. В.</i> Педагогическое наследие К. Д. Ушинского и проблемы современного образования в России.....	109
<i>Ковров В. В.</i> Воспитательная работа в общеобразовательной организации как ресурс обеспечения психологической безопасности	116
<i>Венгерова Н. Н.</i> Интегративный подход в организации физической подготовки школьников 12–14 лет	126
<i>Сараева Е. В., Николаев С. Г.</i> Связь толерантности к неопределенности и мотивации достижения.....	129
<i>Азарных Т. Д.</i> Алкогольное поведение при посттравматических стрессах в юношеском возрасте	134
<i>Сведения об авторах</i>	141
<i>Information about authors</i>	144

CONTENTS

- Belas L., Belasova L.* Multiculturalism in a globalizing world
- Motorina L. E.* The problem of the Motherland in the works of Russian emigration
- Sopova M. N.* Children's game and the theatricality of life
- Khloponina O. O.* The *Female World* in Russian Culture in the 19th–20th Centuries: Typological Characteristics and Art Representation
- Mashkovtsev A. A.* The Polish uprising of 1863–1864 in the coverage of the provincial press the Volga-Ural region
- Yakovleva I. V.* Towns and town dwellers in the Vyatka gubernia in the second half of XIX – beginning of XX century
- Chemodanov I. V.* Agriculture and the peasantry of the Kirov region on the eve of the Great Patriotic War (1939–1941s)
- Guzhva D. G.* Relationships of Russian province and the army during the Great War (1914–1918): based upon the materials of the Russian military periodicals
- Kazakova O. Yu.* War under knock of wheels: role of the railroads in life of Orel province
- Andreev A. E.* Influence of World War I on functioning of lokal administrative agencies (on the example of the Tverckaya Province)
- Feshchenko P. N.* To the question about the severity of punishment for corruption crimes, causing a wide public resonance and growth of social tension
- Rogova N. N.* Criminal liability for qualified types of murders
- Ilchenko N. M., Chistyakov I. A.* Ancient Tauric Chersonese as a topic of russian history and literature (by works of A. N. Muravyov and A. M. Gorky)
- Kloester A. M.* Cognitive-discursive features of the German terminology of engineering psychology
- Balakin S.V.* Versatility of category “primary / secondary” in the study of derivational processes in linguistic and conceptual levels
- Porchesku G. V.* The English sentence as a unit of perception
- Samsonova A. I.* The myth of the eternal return in G. MacDonald’s novel “Phantastes”
- Kalinicheva M. M., Reshetova M. V.* Creation and creative in the culture project design
- Lebedeva O. V.* K. D. Ushinsky’s pedagogical heritage and problems of the modern education in Russia
- Vengerova N. N.* Integrative approach in the organization physical training schoolgirls 12–14 years
- Nikolaev S. G., Saraeva E. V.* The relationship between tolerance to ambiguity and achievement motivation
- Azarnyh T. D.* Alcohol behaviour in posttraumatic stress at juvenile age

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.733

Л. Белас, Л. Беласова

Мультикультурализм в глобализирующемся мире

Исторический опыт относительно *мультикультуральности* не внушает оптимизма. Все религиозно, этнически, национально и даже культурно определенные виды партикулярности являются факторами риска. В качестве выхода из кризиса представляется переход к такому государству, которое гарантирует одинаковые права для всех, является «слепым» в отношении культурного разнообразия, и в то же время признающим индивидуальные права и свободы. Выдвигается тезис, что гомогенность правового государства является условием возможности культурного плюрализма при наличии индивидуальной свободы.

Современный политический плюрализм также является опасной игрой, приводящей к фундаментализму. Дело в том, что существует угроза превращения мультикультурализма в политическую программу культурной дифференциации. Политика дифференциации, отдающая предпочтение отличиям внутри государства, укрепляет их и совместно с цивилизационной основой, подмывает предпосылки общественного сосуществования.

Historical experience regarding multikulturalism is not encouraging. All religious, ethnic, national and cultural certain particularity are risk factors. In the quality of the solution of this crisis is the transition to such a state that guarantees equal rights for all, is a „blind“ in relation to cultural diversity, and at the same time recognizing the individual rights and freedoms. Put forward the thesis that the homogeneity of a legal state is the condition of possibility of cultural pluralism in the presence of individual freedom.

Modern political pluralism is a dangerous game, leading to fundamentalism. The fact that there is a threat of transformation of multiculturalism in the political program of cultural differentiation. The policy of differentiation, giving preference to differences within a state, strengthens them and together with the civilization basis, tempted prerequisites social coexistence.

Ключевые слова: мультикультурализм, права человека, правовое государство, глобализация.

Keywords: multiculturalism, human rights, rule of law, globalization.

Глобализацию как универсальный феномен современности можно рассматривать с экономической, политико-властной, идеологической, культурной, правовой, технологической и других точек зрения. Научный анализ вскрывает как положительные, так и отрицательные стороны этого процесса. Постепенно данная тема становится предметом философской рефлексии, тематизирующей глобализацию и ее проявления как серьезную проблему современного образа историко-культурного мира.

Конечно, существуют и противоположные мнения. Э. Ангерн отмечает, что переформатирование исторического сознания в планетарную цивилизованность порождает попытки возвращения к *историчности*. Появляется *новый интерес* и новое требование к истории и ее философской рефлексии: «...вновь возникающие музеи, конъюнктура ежедневных происшествий в публикациях и массмедиа, возрастание исторических выставок и памятных мероприятий, возрастающая политическая вирулентность историей закрепленных убеждений о принадлежности к регионализму, к новым национальным движениям – все это принадлежит к символам духа времени, как и постмодернистские похороны мироисторических перспектив» [1].

Глобализирующийся мир приносит с собой великие вызовы: плюрализм культур, национальные и политические конфликты, угрозу терроризма, возможность конфликта цивилизаций, проблематизируется даже вопрос о правах человека. Уменьшаются перспективы постепенных, на основах разума преобразований порядка мира народов и государств на земле. Философия должна заниматься не только *современностью*, но и образами возможного *будущего*. Есть необходимость такого философского видения будущего, в котором определенное и существенное место должна наконец занять мораль.

Сегодня часто обращаются к понятию, обозначаемому термином *мультикультурализм*. По У. Беку, мультикультурализм ориентируется на более или менее гомогенные группы, воспринимаемые в качестве разнородных или однородных, но интегрирующих отдельного индивида. В этом смысле мультикультурализм является противником индивидуализма: «Если мы верим в мультикультурализм, то индивидуум вообще не существует. Он является только эпифеноменом своей культуры и общества» [2].

Р. Бергер пишет: «Мультикультурализм сам по себе не является ни нормой, ни ценностью, но является фактом. Почти во всех западных странах он есть результат демографических миграций и политических заклиний, но одновременно результатом того, что обычно не учитывается – *собственной продукции модерна*. Большинство проявлений мультикультурализма не является импортом, а продуктом плюралистической динамики самих индустриальных обществ, достаточно вспомнить определенные проявления молодежной субкультуры, даже сектантство. Культурное разнообразие может быть эстетическим обогащением, но также и политической опасностью. Действительно, жить по принципам мультикультурализма возможно лишь в эгалитарном светском государстве, сформированном как модификация либерального гражданского общества. Все это и предполагает – *sit venia verbe* (простите за глагол, лат.) – интеграцию, значит, доминирование цивилизации над культурой» [3].

Исторический опыт относительно *мультикультуральности* вообще не радостен. Преимущественно на заре новой эпохи в обществе со смешанными конфессиями «эксклюзивные абсолютные претензии на правду сталкивались друг с другом и друг против друга, и дело доходило до кровавых войн» [4]. Таким образом, единственным выходом из кризиса явился надкультурный рационализм. И в этом духе можно заявить, что *людей соединяет не конкретное, а абстрактное*. По Бергеру, мы не должны забывать о том, что все религиозно, этнически, национально и даже культурно определенные виды партикулярности являются факторами риска. И, наоборот, конституционное государство гарантирует одинаковые права для всех и должно быть «слепым» в отношении культурного разнообразия, в то же время признавая индивидуальные права и свободы. Таким образом, *гомогенность* правового государства является *условием возможности культурного плюрализма при наличии индивидуальной свободы*.

Современный политический плюрализм – опасная игра, поскольку и «светские культуры имеют так же, как и спрофанированные религиозные системы, определенное, еще не совсем охладевшее теолого-метафизическое ядро, которое вполне можно рефлексивно раскрыть» [5]. Именно это и приводит к фундаментализму. Вспомним тезис о столкновении цивилизаций (*clash of civilizations*). Именно он порождает скептическое отношение к *добродушным похвалам мультикультуральности*. Речь идет об угрозе превращения мультикультурализма в *политическую программу культурной дифференциации*. Политика дифференциации, отдающая предпочтение отличиям внутри государства, укрепляя их, таким образом, совместно с цивилизационной основой, подмывает предпосылки самой *общественной коэзистенции* (сосуществования).

Для борьбы с такого рода тенденциями необходимо постоянно задаваться вопросами герменевтики, вслед за этим – деконструкции культурных дифференциаций и после того – воссозданием *интеркультурного климата взаимопонимания*. На данном этапе кажется уместным оживление универсалистских и, одновременно, индивидуалистических принципов европейского просвещения. По Метзу, «его несущей силой является разум, желающий остаться самим собой, стать практическим осуществлением свободы, т. е. осуществлением свободы других и, тем самым, справедливости» [6].

М. Кастилло, рассматривая мультикультуральность, утверждает, что в определенной ситуации достижение культурной дифференциации исходит из признания гуманистического требования равенства. Предполагается, что она касается не только равенства людей, но и

равенства культур. Приведенная интерпретация ведет к гуманистическому осмыслению: не основывается ли релятивизм на расширении всеобщих прав человека, на уважении всех людей, *подобных друг другу*?

В принципе, в гуманистическом релятивизме над отличиями преобладают солидарность и единство человечества: я уважаю другого в его отличиях потому, что это не является препятствием взаимного уважения. Однако радикальная идентифицирующая версия культурного многообразия требует большего, чем просто взаимного уважения: она говорит не только о признании отличий, но и о признании *благодаря* различиям [7], причем признание себя связано с отказом от другого и подтверждается *благодаря* другому. Дифференциация в таком случае понимается как радикальная и непреодолимая.

Приведем пример: французский антрополог Леви Стросс, озабоченный защитой многообразия культур перед лицом европейского этноцентризма, в 1971 г. подчеркнул антигуманистический и антиуниверсалистический смысл культурного дифференциализма. Этот пример, – пишет Кастилло, – «четко показывает, почему здесь существует риск смешения: стремление к предотвращению господства одной культуры над другой предполагает некий замысел, гуманистическую цель (равенство), но, однако, применяемые средства сами по себе являются негуманистическими и воинствующими: в самом деле, право на разность в своем сепаратистском намерении подразумевает как право на освобождение, так и на самоосвобождение» [8]. Данные рассуждения находят свой образ в современности, когда насилие все чаще проявляется в виде простого средства *подтверждения идентичности*.

Реальную ситуацию современности характеризует Г. Сартори. По его мнению, мультикультурализм является носителем определенной идеологии, которая в своей агрессивности, тенденции изолироваться и нетолерантности прямо отрицает плюральность [9]. Сообщества иммигрантов основывают свои гетто, и затем возникает ситуация: когда «сообщество из стран “третьего мира”, достигнув критического числа, начинает добиваться своих прав на культурно-религиозную идентичность и нападать на своих мнимых угнетателей» [10]. Вопрос *интеграции* оказывается сомнительным. Известно, что интегрировать можно лишь того, кто хочет и кто готов от чего-то отказаться, кто осознает принятие чего-то и считает себя должником. Мультикультурализм же перенес проблему миграции в контекст, в котором обязанность что-то преобразовать автоматически переносится с пришельца на принимающую страну.

Т. Ярмара утверждает, что миграция уже «не воспринимается как значительное событие в жизни иммигранта – тот только переселяется на другое место. Принимающая страна прежде всего должна приспособить свои обычаи и институты к иммигранту в большей степени, чем преобразовать его и побудить к приспособлению к новым условиям» [11]. Можно считать полностью оправданным следующий вопрос: не будут ли иметь негативные результаты в политической области подтверждение и развитие этнокультурной идентичности некоторых меньшинств?

Оценивая недавнюю ситуацию в Париже, чешский журналист К. Гвиждяла заметил: «Франция снова столкнулась с накаленной ситуацией, связанной с протестами приезжих из Северной и Средней Африки... никто не знает, где и какие последствия это может вызвать... Государство перестало функционировать, маргинальные социальные группы отвергают западную модель мира и заявляют о своих отличиях. Они видят, что Запад уже сам не доверяет своей модели, и поэтому к нему уже никто не должен приспосабливаться» [12]. В связи с этим он подчеркивает: «Во второй половине XX века этнически гомогенное европейское общество превращается в этнические сообщества. Сначала приезжих приветствовали (например, турков на станциях в Германии встречали с оркестром), и общество не сомневалось в том, что возникшая сложная ситуация с иностранцами имеет лишь временный характер. Предполагалось, что после зарабатывания денег на Западе они вернутся домой. Их приравнивали к странникам-ремесленникам XIX столетия.

Но когда была осознана ошибка, придумали модель мультикультурной Европы, в которой все должны были быть равными и решили верить в постепенную ассимиляцию: третья генерация приезжих должна превратиться в англичан, немцев, французов и т. д. Но все эти концепты развалились. Приезжие не вернулись домой, миграция не остановилась, но продолжается; культуры, не действуя вместе, сегментируются и социально замыкаются в свои группы. Эмигранты в следующих поколениях не ассимилируются. Противоположная ситуа-

ция встречается редко. Ситуацию ухудшает государство плохо отрегулированной социальной системой, которая ведет к тому, что приезжие часто имеют в распоряжении лишь компенсационные выплаты на детей» [12]. Поразительным в данной ситуации является то, что демократический Запад подобный факт не видит, даже не хочет видеть в иной части европейского континента.

Сегодня планетарное пространство как диапазон *политических отношений* народов и государств на Земле представлен растущей гегемонией одного военно-властного центра, угрожающего свободе, равенству и применению международного права. Это напоминает уже Кантом намеченную и им же осужденную идею международного единства, перерастающего в универсальную монархию. После эпохи биполярного мира философ и эссеист В. Белоградски написал: «Быстро началась эпоха унилатерализма, союзники превратились в *обычных услужливых помощников*. ...Но страна, которая не требует союзников, а только *услужливых помощников*, опасна, и цели ее – неизбежно неразумные. Мне плохо из-за того, что много интеллектуалов и политиков в посткоммунистических странах с удовольствием подменили роль союзника на роль *услужливых вспомогателей*» [14]. Опыт на сегодняшний день нам говорит, что в данной тенденции есть что-то *глубоко тревожное*... Война, агрессия, нарушение международного права, угроза применения силы обосновываются защитой прав человека, признанием всеобщих ценностей, созданием *нового* мирового порядка (!). Происходит это обычно под вывесками «миротворческая миссия», «гуманитарная акция», «международная операция». Куда-то исчезли еще недавно принципиально акцентированные требования свободы, демократии, плюрализма, суверенитета.

Можно констатировать и нечто такое, что вселяет немалую тревогу: оказывается, что мы снова на деле не хотим обратиться к разуму, и лишь впоследствии снова учимся на тягостном историческом опыте. Огромный риск реальных и потенциальных конфликтов современности сигнифицируется цветом: *коричневое проявляется в виде черного, но постоянно изменяется, и за сценой уже готовится новая пара красок*... Сомнительный, даже циничный прагматизм и реализм, выходя из заранее целесообразно сформированной и историей деформированной действительности, доминирует над правом и элементарной моралью.

Примечания

1. Angehrn E. Geschichtsphilosophie. Verlag W. Kohlhammer. Stuttgart; Berlin; Köln, 1991. P. 10.
2. Beck U. Moc a protiváha moci v globálním věku. Nová ekonomie světové politiky. Sociologické nakladatelství. Praha, 2007. P. 388.
3. Berger R. Multikulturalizmus vo svetskom právnom štáte // FILOZOFIA. 1999. № 54. P. 419.
4. Ibid. P. 413.
5. Ibid. P. 417.
6. Metz J. B. Křesťanství a evropsky duch // REFLEXE. Filosofický časopis. 1993. P. 8.
7. Кастилло М. Космополитизм Канта сегодня // Иммануил Кант: наследие и проект / под ред. В. С. Степина, Н. В. Мотрошиловой. М., 2007. С. 400.
8. Там же.
9. Sartori G. Pluralismus, multikulturalismus a přistěhovalci: esej o multietnické společnosti. Dokořán. Praha, 2005. P. 10–12.
10. Там же. P. 71.
11. Jarmara T. Multikulturalismus: ideologie polarizace // ČLOVĚK – DĚJINY – HODNOTY III (Eds. J. Petrucijová a J. Feber). Ostrava, 2007 P. 186.
12. Hvizdala K. O globálnom šachu // Salón Kumštu. Pravda. Sobota 15. Marca 2008. P. 6.
13. Hvizdala K. V globální vesnici jako na pustém ostrově // Hvizdala K. Restaurování slov (eseje). Portál. Praha, 2008. P. 79.
14. Belohradsky V. Společnost nevolnosti. Eseje z pozdější doby. Knihnice Sociologické aktuality. Praha, 2007. P. 12.

Notes

1. Angehrn E. Geschichtsphilosophie. Verlag W. Kohlhammer. Stuttgart; Berlin; Köln. 1991. P. 10.
2. Beck U. Moc a protiváha moci v globálním věku. Nová ekonomie světové politiky. Sociologické nakladatelství. Praha. 2007. P. 388.
3. Berger R. Multikulturalizmus vo svetskom právnom štáte // FILOZOFIA, 1999, № 54, p. 419.
4. Ibid. P. 413.
5. Ibid. P. 417
6. Metz J. B. Křesťanství a evropsky duch // REFLEXE. Filosofický časopis. 1993. P. 8.

- 7 Castillo M. *Kosmopolitizm Kanta segodnya* [Kant's cosmopolitanism today] // *Immanuel Kant: nasledie i projekt - Immanuel Kant: the heritage and project* / ed. V.S. Stepin, N.V. Motroshilova. Moscow. 2007. P. 400. 8 Ibid.
9. Sartori G. Pluralismus, multikulturalismus a přistěhovalci: esej o multietnické společnosti. Dokořán. Praha, 2005. P. 10–12.
10. Ibid. P. 71.
11. Jarmara T. Multikulturalismus: ideologie polarizace // *ČLOVĚK – DĚJINY – HODNOTY III* (Eds. J. Petrucijová a J. Feber). Ostrava, 2007 P. 186.
12. Hvizdala K. O globálním šachu // *Salón Kumštu. Pravda. Sobota 15. Marca 2008*. P. 6.
13. Hvizdala K. V globální vesnici jako na pustém ostrově // Hvizdala K. *Restaurování slov* (eseje). Portál. Praha, 2008. P. 79.
14. Belohradsky V. Společnost nevolnosti. Eseje z pozdější doby. Knižnice Sociologické aktuality. Praha, 2007. P. 12.

УДК 821.161.1-3

Л. Е. Моторина

Проблема Родины в жизни и творчестве русской эмиграции*

В статье рассматривается тема Родины в творчестве русской эмиграции; раскрывается ее основное противоречие, с одной стороны, происходит разрыв связей с родной стихией, с другой – укоренение в чужой культуре; приводятся оценки зарубежных исследователей творчества русских эмигрантов и их влияния на интеллектуальную среду Запада; акцентируются особенности отношения русского человека к данной проблеме.

Показывается, что вклад мыслителей русского зарубежья в общеевропейский философский процесс, переводы их трудов на основные европейские языки способствовали тому, что русская философия, ее национально-своеобразные ценности и идеи заняли определенное место в качестве полноправного компонента современного западного сознания.

Задача эмиграции заключается в том, чтобы не замыкаться в себе, а продолжать жить вместе с родиной и войти вместе с ней в ее будущее.

The article deals with the theme of Motherland in the works of Russian emigration; disclosed its basic contradiction, on the one hand, there is a rupture of relations with native element, on the other hand the establishment of a foreign culture; estimations of foreign researchers of works of Russian immigrants and their impact on the intellectual environment of the West; focus features relations of Russian people to the problem.

It is shown that the contribution of the thinkers of the Russian Diaspora in the European philosophical process, translations of their works on the main European languages contributed to the fact that Russian philosophy, its national trade-a kind of values and ideas took some place as a full component of the modern Western mind. The task of emigration is to not be alone, but about-to continue to live together with the Motherland and to enter with it in the future.

Ключевые слова: эмиграция, родина, расширенная родина, интеграция в чужую культуру, русская эмиграция, зарубежные историки русской философии.

Keywords: immigration, Motherland, extended Motherland, integration into foreign culture, the Russian emigration, foreign historians of Russian philosophy.

Многие выдающиеся мыслители – представители «серебряного века» русской культуры – не по своей воле оказались за рубежом. В 1922 г. советские власти выслали из страны по обвинению в «пособничестве контрреволюции» Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, И. И. Лапшина, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского, Ф. А. Степуна. Из попавших в Германию философов там остались только И. А. Ильин, Ф. А. Степун и С. Л. Франк.

© Моторина Л. Е., 2014

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00029 «Философское осмысление за рубежом во второй половине XX – начале XXI вв.: школы, направления, центры».

Возникло несколько центров русского философского Зарубежья: кроме Берлина, это Париж и Прага. Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков обосновались в Париже, где поселился эмигрировавший из Советской России еще в 1920 г. Л. И. Шестов. В Праге при Карловом университете был создан Русский юридический факультет, в числе преподавателей которого были В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве. Основатель факультета – видный философ, социолог и правовед *Павел Иванович Новгородцев* (1866–1924), создавший и возглавивший в Праге Религиозно-философское общество им. В. Соловьева, автор фундаментального труда «Введение в философию права».

Вклад мыслителей русского зарубежья в общеевропейский философский процесс, издания и переводы их трудов на основные европейские языки в немалой степени способствовали тому, что русская философия, ее национально-своеобразные ценности и идеи заняли определенное место в качестве полноправного компонента современного западного сознания.

Представителей русской эмиграции в различные исторические периоды объединяет одно обстоятельство – «изгнание из страны родной» (М. Ю. Лермонтов) и необходимость жить в другой культуре на чужой земле. Вся трагедия эмиграции точно передана словами Ахматовой: «И изгнания воздух горький, как отравленное вино». Интеллектуальные, художественные, психологические, исторические и другие аспекты перемешаны в сложном мироощущении людей, вынужденных по разным причинам покинуть Родину. В статье я ограничусь лишь рассмотрением историко-философского аспекта проблемы.

Противоречивость такого явления как *вынужденная эмиграция* заключена в том, что, с одной стороны, изгнание – это результат стояния за свободу, т. е. своеобразного служения Отчизне, с другой – это горький, трудный путь, поскольку *разрывается естественная, необходимая связь с родной стихией*. Таким образом, перед каждым эмигрантом неизбежно встают проблемы *связи с родиной* и укоренения себя в чужой культуре. При этом, трансформировавшись в другие проблемы, они продолжают стоять и перед потомками в нескольких поколениях.

Если в пределах первого поколения проблемы эмиграции, хотя и с трудом, преодолены, то с особым трагизмом они встают перед детьми изгнанников.

«Эмиграция, чей смысл в верности высшим ценностям, затоптанном на родине, – пишет Н. А. Струве, – не может позволить своим детям пойти по пути непосредственной ассимиляции, утери языка и связи с отчизной. Но волей-неволей или новая среда (школа, профессия, семья) берет свое, или верность уже только умопостигаемой, но не осязаемой отчизне сохраняется ценой ущербного сознания, оскудения жизненных сил, ценой «полуобморочного» бытия» [1].

Далее, Н. Струве подчеркивает, что, с одной стороны, эмигрант остается верен своим прежним с годами затвердевшим представлениям о родине. Хотя, по его мнению, задача эмиграции заключается в том, чтобы не замыкаться в себе, а жить вместе с процессами, происходящими вдали, «чтобы продолжать жить вместе с родиной, чтобы мочь войти вместе с ней в ее будущее» [2]. С другой стороны, встает проблема отношения к новой среде.

Эта проблема достаточно широко обсуждалась и продолжает обсуждаться как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Приведем здесь точку зрения известного американского исследователя русской культуры Дж. Клайна. В одном из интервью, опубликованном в 1993 г. в журнале «Начала», он поделился своими наблюдениями и выводами о том, что существует, с его точки зрения, два варианта жизни в изгнании. «Один – это вариант Солженицына и Синявского: хотя они между собой и спорят, все-таки они принадлежат к одному типу эмигрантов. Они живут как бы в оболочке, не изучая языка страны, в которой находятся. Например, А. Солженицын не говорит по-английски, хотя живет у нас уже 15 лет. И А. Синявский в Париже... Конечно, у них есть семья и друзья, им есть с кем говорить на родном языке. Но все-таки они как бы еще живут в Москве и пишут для советского читателя, хотя печатаются за границей. Я совсем не знаком с Солженицыным, встречался с ним на двух-трех конференциях: с Синявским мы говорили немного, и я знаю, что он – это было два года назад – в курсе того, что печатается во всех советских журналах... и вообще что делается в литературной, культурной, философской жизни.

Другой вариант, я бы сказал, – это И. Бродский. Он прекрасно знает английский язык, правда, немного он его уже знал до эмиграции, но лучше владел польским – изучил главным образом для того, чтобы читать по-польски запрещенных авторов: Кафку, Вирджинию Вульф, Джойса... Вы знаете, что он новый поэт-лауреат США. Первый поэт-лауреат, рожденный не в Америке. Это не то что в Англии – не пожизненное звание, а на один-два года. И все-таки это

очень важно – это значит, что он вполне укоренился в культуре, скажем так, в англо-американской культуре. У него не только прекрасное знание языка, но он может и судить о писателях...»

«Я бы сказал, что и Лосский, и Зеньковский, и Флоровский ближе к типу Бродского, чем к типу Солженицына. В первую очередь, они все прекрасно знали иностранные языки: английский, немецкий, французский. У них был очень широкий круг общения, например у Зеньковского – с французскими философами, филологами, группировавшимися вокруг журнала “Эспри”. Многие из работ Зеньковского вышли впервые на французском языке... Эти мыслители понимали значение культуры, истории» [3].

С выводами Дж. Клайна можно вполне согласиться. Жизнь и творчество перечисленных им философов русской эмиграции не были оторваны от родины. На чужбине они возделывали родную культуру, расширяя ее через приобщение к местной национальной культуре, и доводили до мирового масштаба. «Несмотря на отдаленность и отделенность от России, они были едины в своем стремлении сохранить живую преемственность русской культуры, не оторванной от корней своего духовного родства. Именно такая укорененность и обеспечила высокий теоретический уровень работ русских философов в эмиграции. Так, софиология С. Н. Булгакова питалась философией В. С. Соловьева и П. А. Флоренского, экзистенциализм Н. А. Бердяева опирался на построения В. И. Несмелова и М. М. Тареева, идеал-реализм Н. О. Лосского отталкивался от идей А. А. Козлова и т. д. И все они, включая таких замечательных мыслителей, как Л. И. Шестов и С. Л. Франк, вдохновлялись творчеством Ф. М. Достоевского и Льва Толстого» [4]. Эмигрантской ветви русской философской культуры принадлежит приоритет в постановке целого ряда философских, культурологических и исторических проблем, сохранивших свою значимость и актуальность в наши дни.

Человек, теряющий родную почву и укореняющийся в чужой культуре, как бы расширяет родину, привнося элементы чужой культуры в свой первоначальный дом, память о котором живет в нем и через него в чужой культуре, пронизывая ее архетипом (Юнг) своих истоков.

Так, например, А. И. Герцена многие называли русским европейцем. На первый взгляд несочетаемое сочетание слов. Вместе с тем, если ум у него был действительно западный, европейский, то сердце оставалось русским. На международной конференции, посвященной 200-летию Герцена, в приветственном слове А. А. Гусейнов так сказал об этом: «Обладая огромным интеллектуальным потенциалом и широкой образованностью, Герцен не изменял своему уму, он следовал логике и истине европейского просвещения. Но суждения ума он выверял своим русским сердцем. Осознание и признание самобытности и ценности национального бытия было для Герцена безусловным приоритетом, тем историческим жизненным началом, внутри которого и во имя которого имеет смысл напрягать ум...»

Русский европеец – не то же самое, что, например, европеец-француз или европеец-англичанин. Да, Герцен был европейцем, но *русским* европейцем, он не изменял своей русскости, чтобы быть европейцем. Да, он был русским, но русским *европейцем*, он не изменял своей европейскости, чтобы остаться русским. Он хотел, чтобы Россия стала европейской в такой же мере, в какой хотел, чтобы и Европа стала российской. Он не хотел быть бессердечным из-за своей европейскости, и не хотел быть внерациональным из-за своей русскости» [5].

Обсуждая (на конференции) проблему «расширенной родины», западный славист Ж. Нива отметил: «От него (А. И. Герцена. – Л. М.) до А. Д. Сахарова идет какая-то тонкая и хрупкая линия, которую можно назвать линией “русского гуманизма”. Гуманизма не против Бога, не децентрализации от Бога к человеку, но прежде всего гуманизма в борьбе против молоха власти... Герцен стал личным другом многих либералов и революционеров в Европе, и эта дружба сыграла немаловажную роль для утверждения и расширения новой Европы, его Европы, и Европы его друзей...» [6]. Таким образом, по мнению Ж. Нива, Герцен «расширил» Европу и не только в пространственном отношении, но и в моральном смысле слова, и это было «расширение его родины» как для себя, так и для его европейских друзей. Россия вошла в состав моральной Европы, но при всех ее пороках и недостатках существует некое моральное первенство русского народа [7]. Ж. Нива поделился еще одним интересным наблюдением и выводом: «Когда Берлин читал лекции о Герцене, было у меня смутное ощущение, что он говорит не столько о Герцене, сколько о себе. Что он видит себя в профиле Герцена. Не только из-за общей судьбы – эмиграции, потери какой-то почвы и приобретения новой почвы, которая не является Родиной, но которая шире, которая есть расширенная Родина. Это может быть Родина идей, может быть Родина надежд. Общее ощущение, что ты, с одной стороны, посланец с Востока

(потому что Берлин, как и Герцен, с Востока). И что ты борешься с этим Востоком, то есть с преобладанием деспотизма, то есть ты борешься за свободу..., с другой стороны ты – человек Запада, хотя ты частично презираешь этот Запад, потому что, когда ты шел к нему, он тебя разочаровал своим мещанством, своим эгоизмом, своей сытостью» [8].

Свобода у Герцена, как и всякая свобода, двойственна: *Liberty from* и *Liberty to* (Герцен обычно употреблял эти понятия по-английски). С одной стороны, ощущая себя человеком Запада, Герцен понимал, что разочарован им: его «мещанством, сытостью и эгоизмом». С другой стороны, *Liberty to* встала для него как проблема – «что мне делать, какую партитуру писать дальше». Эта двойственность, отмечает Ж. Нива, выражающая принадлежность двум мирам, заражает и западного человека, попавшего в Россию. Россия прививает европейцам это чувство двойственности – болезненной и контрастной. Это даже не приобретение дополнительного взгляда, делится своими ощущениями славист из Швейцарии, а чаще всего некое страдание, бремя, жизненное препятствие. В этом препятствии «свобода от» и «свобода к» слишком интимно смешаны. В этом смешении кроется парадокс сочетания предвидимости и не предвидимости жизни с пламенным внутренним желанием бороться против тирании, даже если мы не видим конца партитуры или возможности хотя бы частичной свободы.

Думается, введение в научный оборот понятия «расширенная Родина» во многом помогает понять и осмыслить сложные взаимоотношения того, что называют почвой и чужой землей. Взаимоотношения национальных культур, дающих импульс не только тому, что человек в чужой культуре чувствует себя «изгнанником», но и плодотворной работе в эмиграции во благо своему Отечеству и всему миру. В подтверждение этого можно привести слова польского историка русской философии А. Валицкого: «Герцен в наше время необходимо нужен не только России, но и всему миру» [9]. По мнению А. Валицкого, особое место русской историософии в интеллектуальной истории Запада заключается в том, что в ней с особым драматизмом кристаллизовалась почти вся проблематика глубоких споров об индивидуальной свободе и исторической необходимости, о России и человечестве. Русская философия – это философия личной свободы, отрицающая все попытки оправдать жестокости истории, и «русская идея» как возможное решение болезненных проблем исторического развития как России, так и Европы. Русская философия, с его точки зрения, связывает две довольно разные перспективы, хотя и укорененные в одной системе ценностей. «С одной стороны, философия полностью свободной личности, отказавшаяся от всяческих исторических утешений; с другой стороны, философия надежды, искавшая вопреки всему историческую *возможность* коллективного спасения» [10]. Так оценивают место русской философии в мировой истории зарубежные исследователи русской культуры, лично знакомые со многими ее представителями, оказавшимися в вынужденной эмиграции. Русские мыслители не только перенесли в чужую культуру глубокое чувство к родной земле, к своему Отечеству, но и «расширили» Европу и «расширили Родину». Они творили как бы не расставшись с родной землей, но интегрированные в западную культуру, работали на проблемном поле западноевропейской философии.

Вместе с тем, находясь в эмиграции, ни один русский мыслитель не отвлекался полностью от вопроса об исторических путях России, от чувства присутствия в ее судьбе, от других переживаний, с ней связанных и ею обусловленных. В качестве примера опять же возьмем творчество Герцена. Несмотря на то что в его гениальной брошюре «С того берега» тема России едва маячит на фоне западноевропейских политических событий, в конечном итоге она представляет собой *публичную исповедь* страдающего и мятущегося участника этих событий. В ней в полную силу русского писательского таланта он исследовал лично переживаемую им эволюцию реальной борьбы за *идеал*.

Представить зримо, душевно пережить и осмыслить особенность отношения русского человека к своей родине можно, обратившись чуть ли не к каждому произведению великих русских мыслителей: философов, писателей, историков и публицистов. Показательно в этом отношении творчество В. В. Розанова, который, по словам М. А. Маслина, был мыслителем глубинно и подлинно русским. «Вся его философия в определенном смысле есть русская идея, как понимал ее В. В. Розанов... своим творчеством служивший России и горячо любивший Родину» [11]. «Счастливую и великую родину любить не велика вещь, – писал Розанов. – Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, порочна. Именно, именно когда наша "мать" пьяна, лежит и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от нее. Но и это еще не последнее: когда она, наконец, умрет и... будет яв-

лять одни кости – тот будет "русский", кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет» [12]. Или: Может быть, народ наш и плох, но он – *наш* народ, и это решает все. От «своего» куда уйти? Вне «своего» – *чужое*. Самым этим словом *решается все*. Попробуйте пожить «на чужой стороне», попробуйте жить «с чужими людьми». «Лучше есть краюшку хлеба у себя дома, чем пироги – из чужих рук» [13].

Розановское понимание русского сопряжено с болью за Россию, и в этом схвачена одна из особенностей отношения к родине именно *русского* человека. Для западного человека покинуть свою страну и переехать на жительство в другую – привычная вещь. Для русского человека – это всегда «событие», переживаемое им как разрыв с родной землей, культурой, традицией, наконец. Такой разрыв пронизан болью, страданием, «муками изгнанника», даже если он покинул родину по своей воле. Боль и страдание как бы встроены в архетип русской культуры. Отсюда, все творчество русской эмиграции, не важно, каким вопросам оно было посвящено, всегда включало в себя, выражаясь словами М. Хайдеггера, «нетематический горизонт» – служение своему Отечеству – России. Это необъяснимое и невыразимое в рациональных понятиях стремление «жить вместе с Родиной» часто было наполнено любовью, страстями, болью, муками и страданием.

Примечания

1. *Струве Никита*. Православие и культура. М., 1992. С. 66. (Никита Струве – внук общественного деятеля России, историка и публициста П. Б. Струве).
2. Там же. С. 67.
3. Интервью с профессором Джорджем Клайном // Начала. 1993. № 3. С. 9.
4. *Маслин М. А., Андреев А. Л.* О русской идее. Мыслители русского зарубежья о России и ее философской культуре // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 8.
5. *Гусейнов А. А.* Слово о Герцене // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России // Материалы Международной научной конференции к 200-летию А. И. Герцена. М., 2013. С. 5.
6. Там же. С. 26.
7. Там же. С. 27–28.
8. Там же. С. 25.
9. Там же. С. 42.
10. Там же. С. 30.
11. *Маслин М. А.* О России и русских // Русская философия и формирование патриотического самосознания России. Вып. 2. Калуга, 2013. С. 10.
12. Там же.
13. Там же.

Notes

1. Nikita Struve. *Pravoslavie i kul'tura* [Orthodoxy and culture]. Moscow. 1992. P. 66 (Nikita Struve is a grandson of Russian public figure, historian and publicist P.B. Struve).
2. Ibid. P. 67.
3. *Interv'yu s professorom Dzhordzhem Klajnom* [Interview with Professor George Klein] // Nachala - Beginnings. 1993, № 3, p. 9.
4. Maslin M.A., A.L. Andreev *O russkoj idee. Mysliteli russkogo zarubezh'ya o Rossii i ee filosofskoj kul'ture* [On the Russian idea. Russian thinkers abroad about Russia and its philosophical culture] // O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya - About Russia and Russian philosophical culture. Russian philosophers of post-revolutionary countries. Moscow: Nauka. 1990. P. 8.
5. A.A. Guseinov *Slovo o Gertsene* [Word on Herzen] // Aleksandr Ivanovich Gertsen i istoricheskie sud'by Rossii - Alexander Herzen and the historical fate of Russia // Proceedings of the International Conference for the 200th anniversary of Alexander Herzen. Moscow. 2013. P. 5.
6. Ibid. P. 26.
7. Ibid. Pp. 27-28.
8. Ibid. P. 25.
9. Ibid. P. 42.
10. Ibid. P. 30.
11. Maslin M.A. *O Rossii i russkikh* [About Russia and the Russian] // Russkaya filosofiya i formirovanie patrioticheskogo samosoznaniya Rossii - Russian philosophy and the formation of patriotic consciousness of Russia. Iss. 2. Kaluga. 2013. P. 10.
12. Ibid.
13. Ibid.

Детская игра и театрализация жизни

В статье анализируются вопросы и проблемы детской игры и игрушки в контексте осмысления теории театрализации Николая Евреинова, рассматриваются особенности театрально-игровой деятельности ребенка. Осуществлена попытка сопоставления детской игры с «театром для себя».

The article analyzes the issues and problems of children toys and games in the context of understanding the theory of theatricality Nikolaya Evreinova, discusses the features of theatrical child's play activity. It was made an attempt to compare children's play with "theater for themselves".

Ключевые слова: театрализация, игра, игрушка, ребенок.

Keywords: theatricality, game, toy, child.

В эпоху массовой культуры все более широкое и активное распространение получает феномен театрализации детской игры, который выступает одним из характерных явлений современной цивилизации, выражающих специфику развития ребенка. Анализ и интерпретация смысловых понятий «игра» и «театр» / «театральность» / «театрализация» раскрывают театрально-игровую сущность бытия человека. Нашей задачей является показать связь культурно-антропологической феноменологии детской игры с теорией «театрализации жизни» Н. Н. Евреинова, выявив тем самым ее экзистенциальные истоки, а также влияние на развитие интеллектуальных практик ребенка, его аксиологии и когниции.

Значимость игры как особого вида человеческой деятельности неоднократно становилась предметом пристального внимания философов, социологов, историков и теоретиков культуры. Не касаясь этой обширной проблематики, подчеркнем значимость игры как экзистенциально обусловленной деятельности. Следует согласиться, на наш взгляд, с концепцией Э. Финка, который, рассматривая игру в контексте экзистенциальной феноменологии и продолжая развивать идеи Э. Гуссерля, называет ее пятым из основных феноменов человеческого существования, наряду со смертью, трудом, господством и любовью, которые выступают одновременно и способами бытия, и способами понимания бытия. При этом именно игра обладает исключительным статусом в силу того, что только она может охватить не только себя, но и все остальные, представив их в непривычном элементе воображаемого и давая, тем самым, человеческому бытию возможность самоопределения и самосозерцания [1]. Главное свойство игры – свободная реализация всех творческих сил и способностей человека. «Играть» – значит наслаждаться видимостью и творить нечто идеальное (в сравнении с жизнью) и реальное (в сравнении с продуктом чистого воображения) независимо от того, воплощается ли эта видимость в произведении искусства или существует только в сознании играющего.

Вместе с тем, обнаруживая свою экзистенциальную природу, в истории философской и эстетической мысли, игра неоднократно рассматривалась в контексте художественной деятельности. Эстетическая, протохудожественная природа игры – постоянная тема философии искусства начиная с Аристотеля и – уже в контексте культуры Нового времени – Ф. Шиллера. Однако культура начала XX в. сместила казавшуюся весьма устойчивой проблематику, обнаружив и в игре, и в художественной деятельности новые грани. Изменения в эмоциональном мире человека, стремление понять его в катастрофически изменяющемся мире эпохи fin de siècle, все большее значение культурных индустрий и массовой культуры выдвинули на первый план попытку понять театр как укорененное в самой природе человека действие. Выдающийся деятель культуры, литератор, режиссер, драматург, теоретик и историк театра Николай Евреинов в начале XX в. предложил понимание театральнойности и театрализации как «театра для себя». Театральность в его трактовке предстает как «...инстинкт преображения,

инстинкт противопоставления образам, принимаемым извне, образов, произвольно творимых человеком, инстинкт трансформации видимостей Природы» [2] и освобождения от «оков действительности» [3]. Под понятием «театр для себя» Н. Евреинов подразумевает театр, существующий вне меркантильности, вне заказа, где зритель и актер совпадают в одном лице, и только он есть «тончайшее искусство» [4] и единственная линия реализации инстинкта преобразования. Говоря о типологии «театра для себя» Н. Евреинова, А. Д. Семкин полагает, что пьесы из его репертуара можно условно разделить на две группы. С одной стороны, это пьесы, написанные до нас, реально существующие в жизни, где роль должна быть сыграна так, как предписано этикетом, устоявшимися представлениями о нормальном, естественном в данной ситуации поведении» [5]. С другой стороны, это пьесы, существующие в нашем воображении, «условные в квадрате», но от этого не менее реальные. <...> «Это высший градус условности, высшее воплощение театральности, высшее творческое наслаждение» [6]. Следует добавить, что «театр для себя» предстает в теории Н. Евреинова как экзистенциальное состояние, наиболее полно характеризующее природу человека.

Отметим, что Н. Евреинов одним из первых оценил значимость идеи театрализации жизни как основания социальных практик XX столетия: театрализация жизни станет одной из наглядных форм существования тоталитарных режимов [7]. В то же время театрализация жизни обнаруживает свою амбивалентность, возможность трактовки ее не только как формы социально-эстетической утопии или как манипулятивной технологии управления массовым сознанием, но и как высшего проявления свободы. С этой точки зрения можно провести аналогию между еврейновской концепцией «театра для себя» как экзистенциального состояния и как универсальной социальной практики, с одной стороны, и идеей карнавализации М. М. Бахтина. Как и в «театре для себя», в карнавале стирается разграничение актеров и зрителей. «Карнавал не созерцают, – пишет Бахтин, – в нем *живут*, и живут *все*, потому что по идее своей он *всенароден*. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальная» [8]. Те же свойства обнаруживает и детская игра. «Чувство жуткого удивления вызывает созерцание детской игры, – замечает Л. Г. Оршанский, – наблюдатель видит полное слияние ребенка с игрой; все, что есть в нем жизнеспособного, силы, внимание, восторг, целиком отдаются этой *внереальной и в то же время самой действительной жизни*. Это... редкий случай творчества, совершающегося не в тайниках души, а открыто, безбоязненно, – *тайна на мгновение вынесена на свет...*» [9]

В контексте нашей темы обозначим точки соприкосновения детской игры и «театра для себя», рассмотрев игру ребенка в пространстве ее театрализации. Так, Н. Евреинов считает, что такой свободный театр сохранился именно в мире ребенка, в мире дикаря, поэтому, собственно, они наиболее театральны. Подобно театру и карнавалу, игра – это представление, изображение, спектакль, показ человеком своего внутреннего мира. Но и детская игра – это театр, в котором ребенок выступает нередко одновременно и как «актер», играющий какую-то роль, и как «режиссер», организующий действия своих сверстников и участвующих в игре вещей, и как «драматург», импровизирующий сюжетное действие и словесный текст за себя и за куклу. «Мальчик, играющий атамана разбойников, – пишет Бахтин, – изнутри переживает свою жизнь разбойника, глазами разбойника смотрит на пробегающего мимо другого мальчика...» [10] При этом в игре человек является онтологически свободным. Следует отметить, что и для М. М. Бахтина, и для Н. Н. Евреинова в игре важным оказывается внутренний диалогизм, возможность стать (быть) *другим*, когнитивная и аксиологическая *инаковость* как основание для формирования «я».

Есть две принципиально отличные парадигмы игры: игра как приближение субъекта к реальности и как его удаление от нее. Ребенок не путает грани реальности и игры, зная, что игра – это «жизнь понарошку», «как будто» по-настоящему. В игре ребенок одновременно живет в двух мирах: в реальном пространстве и в воображаемом. Работа интеллекта позволяет человеку, в том числе и маленькому, строить разные варианты картины мира. Именно игра демонстрирует основной признак интеллекта – свободу, как бы предлагая человеку власть над реальностью. Безусловность реальности преодолевается в символизме игры. Сдержанием театрально-игровой деятельности детей является социокультурный опыт, что определяет её место как компонента содержания образования; она создаёт условия для осознания чувств, помогает научиться отстраняться от ситуации, видеть её «сверху»; направлена на развитие театрально-игровых умений человека, которые позволяют адекватно

действовать в социуме, поддерживать и развивать свой креатив. Игра одновременно «захватывает» и чувства человека, и его страсти, и его интеллект, и поведение. Этот факт означает, что игра – полифункциональная и универсальная сфера жизнедеятельности с образным, а не понятийным мировосприятием «человека играющего», при котором главную роль играют фантазия и воображение человека, его эмоциональный опыт и «эмоциональное мышление». На когнитивную и творческую роль игры и игрушки обратил внимание в начале XX в. врач, психолог, специалист по педагогической антропологии Л. Г. Оршанский, отмечая, что «...игрушка способствует естественному развитию двух путей детского творчества. В первую очередь ребенок идет от игрушки к театру... Одновременно с путем имитации театрального характера, от игрушки прокладывается дорога и к производству, и к знанию» [11]. Игрушка – это и «Другой», и, в то же время, материализованное представление о собственном «Я». Представление «Я» как раздвоенной, множественной сущности не только готовит ребенка к принятию разных социальных ролей, но и способствует развитию его интеллектуальных способностей, а также – что немаловажно – формированию его аксиологических моделей. При этом и интериоризация социального опыта и социокультурной аксиологии в процессе игры имеет не всегда осознаваемый характер: Н. Евреинов исходит из того, что театральность подсознательна. Выполняя роль символа, то есть представляя ценности и смыслы в рационально неотрефлексированных, субвокальных формах [12], игрушка в детской игре становится толчком к порождению метафорических и концептуальных миров, началом формирования субъективности посредством нарратива собственного «я» и в то же время – символической вселенной культуры как, используя определение П. А. Сорокина, «надприродного универсума». Говоря о формировании субъективности в процессе игровой – символической – коммуникации, следует, на наш взгляд, обратиться к данным психоанализа, в частности к теории Ж. Лакана. С точки зрения Лакана, базовой моделью индивидуального сознания является схема «Воображаемое» – «Символическое» – «Реальность» [13]. Реальность – то есть целостное представление о мире, «жизненный мир» человека, или, говоря иначе, картина мира, выстраиваемая индивидуальным сознанием, – исходя из теории Лакана, может формироваться исключительно как опосредованная Воображаемым и Символическим. Определяющее место в этой модели как раз и занимает игра и игрушка, формирующая и мир воображаемого, и мир символического.

Игрушка позволяет ребенку осознавать свое «Я», противопоставленное «Другому», формирует социальную, гендерную и культурную идентичность. Стремление «стать другим» определяет стремление к самосознанию, становясь основой интеллектуальной деятельности в целом.

Но это стремление «стать другим» как раз и характеризует «театр для себя» как онтологическое свойство человека, согласно Н. Евреинову. Это нужда не эстетическая, а жизненная, извечная в человеке, и реализуется она по законам театра: «...что мне толку в эстетике, когда она мешает мне творить свободно другую жизнь, быть может даже наперекор тому, что называется хорошим вкусом, творить, чтобы противопоставить мой мир навязанному мне, творить совсем с иной целью, чем творится произведение искусства! Последнее имеет в виду эстетическое наслаждение, произведение же театральности – наслаждение от произвольного преображения...» [14] Театральность – не театр, а врожденная общечеловеческая база, независимая от будничности, позволяющая реализовать человеческую индивидуальность. Но в то же время игра – это одна из первичных интеллектуальных практик человека, формирующая не только картину мира, но и когнитивную сферу ребенка.

Н. Евреинов рассказывает о театре четырехлетней Верочки, которой «нет никакого дела до новых теорий сценического искусства». Она обходится без сценического оборудования и без костюмов, ей не нужны куклы и игрушки. Ее актеры – пальцы ее руки, у каждого из которых – роль, а сюжеты спектаклей рождаются в Верочкиной фантазии. Вот подлинный театр. «Моя милая Верочка, моя милая волшебница, моя всезнающая, всеумеющая, – завершает Евреинов рассказ об этом театре, – на глазах моих слезы, что я могу сказать о твоём искусстве театра? – я, жалкий невежда, грубый и неумный, так измучившийся, так измучившийся от бессилия найти настоящие слова о спасительном преображении?!» Рассуждая о театре маленькой Верочки, Евреинов утверждает, что ее театр – «совсем настоящий театр»... «Творческая убедительность достигает здесь такого абсолюта, что дальше некуда идти и нечего желать... Правда, здесь творец и зритель – одно лицо; но в том-то и заключен здесь весь секрет театральной ил-

люзии». «В этом театре каждый раз идет новая пьеса. Здесь драматург неистощим в своей фантазии...» [15] В примере Евреинова ярко проявляется режиссерская, творческая игра маленького ребенка. В ней ребенок выступает как режиссер, который управляет и руководит действиями либо игрушек-артистов, в приведенном выше примере – обычных пальцев детской руки. И эта режиссерская деятельность становится способом формирования нарратива, в том числе нарратива собственной жизни как единственно возможного способа осознания собственного «я». Ребенок непрерывно актерствует; действительность его вовсе не интересует. Для него глубоко важно «faire la guette» изображать собою взрослого коня, «в салазки жучку посадив». Окружающие его предметы суть не более как объекты его смелой театрализации. Сюда же относится необыкновенно развитая у детей страсть гримасничать и «кривляться», особенно когда они чувствуют, что на них обращено внимание. Все это не более и не менее как неудержимое для ребенка проявление инстинкта театральности [16].

Таким образом, идея «театрализации жизни» Н. Н. Евреинова позволяет по-новому взглянуть на природу детской игры, ее экзистенциальную значимость в деятельности ребенка, а также на ее роль в процессах формирования индивидуальной идентичности, в формировании интеллектуальных практик и аксиологических моделей становящейся личности.

Примечания

1. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии / пер., сост. и послесл. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1988. С. 364. URL: http://www.krotov.info/lib_sec/21_f/fin/k_01.htm
2. Евреинов Н. Н. Театр для себя // Евреинов Н. Н. Демон театральности / сост., общ. ред. и коммент. А. Ю. Зубкова, В. И. Максимова. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 118.
3. Евреинов Н. Н. Театр как таковой // Евреинов Н. Н. Демон театральности. С. 40–41.
4. Евреинов Н. Н. Театр для себя. С. 297.
5. Семкин А. Д. Николай Евреинов и его «Театр для себя» // Вестник Русского христианского гуманитарного института. 1997. № 1. С. 59. URL: http://ec-dejavu.ru/t-2/Theatre_for_Oneself.html
6. Там же. С. 6.
7. Антонов-Овсенко А. Театр Иосифа Сталина. М.: Грэгори-Пэйдж, 1995.
8. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 2.
9. Евреинов Н. Н. Театрализация жизни // Евреинов Н. Н. Демон театральности. С. 57.
10. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; прим. С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 67.
11. Оршанский Л. Г. Художественная и кустарная промышленность СССР 1917–1927. Издание Академии Художеств ЛЕНИНГРАД, 1927. С. 46.
12. Фадеева И. Е. Символ и семиозис: актуальность символического // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4(4). Философия, культурология. С. 101–106.
13. Лакан Ж. Функция и поле речи в психоанализе. М.: Гнозис, 1995.
14. Евреинов Н. Н. Театр как таковой. С. 44.
15. Евреинов Н. Н. Театр для себя. С. 289
16. Евреинов Н. Н. Театр как таковой. С. 57–58.

Notes

1. E. Fink *Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya* [Basic phenomena of human existence] // *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii* - Problem of man in Western philosophy / transl., ed. and afterword P.S. Gurevich. Moscow: Progress. 1988. P. 364. Available at: http://www.krotov.info/lib_sec/21_f/fin/k_01.htm (in Russ.)
2. Evreinov N.N. *Teatr dlya sebya* [Theatre for yourself] // Evreinov N.N. *Demon teatral'nosti* - Demon of theatricality / comp., gen. ed. and comments A.Y. Zubkov, V.I. Maximov. Moscow; St. Petersburg: Letny Sad. 2002. P. 118.
3. Evreinov N.N. *Teatr kak takovoj* [Theatre itself] // Evreinov N.N. *Demon teatral'nosti* - Demon of theatricality. Pp. 40-41.
4. Evreinov N.N. *Teatr dlya sebya* [Theatre for yourself]. P. 297.
5. Semkin A.D. *Nikolaj Evreinov i ego «Teatr dlya sebya»* [Evreinov Nicholas and his "Theater for yourself"] // *Vestnik Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta* - Herald of Russian Christian Humanitarian Institute. 1997, № 1, p. 59. Available at: http://ec-dejavu.ru/t-2/Theatre_for_Oneself.html (in russ.)
6. Ibid. P. 6.
7. A. Antonov-Ovseenko *Teatr Iosifa Stalina* [Theatre of Joseph Stalin]. Moscow: Gregory-Paige. 1995.
8. M.M. Bakhtin *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow. 1990. P. 2.

9. Evreinov N.N. *Teatralizatsiya zhizni* [Theatricality of life] // Evreinov N.N. *Demon teatral'nosti* - Demon of theatricality. P. 57.
10. Bakhtin M.M. *Avtor i geroy v ehsteticheskoy deyatel'nosti. EHstetika slovesnogo tvorchestva* [Author and Hero in Aesthetic Activity. The aesthetics of verbal creation] / comp. S.G. Bocharov; annot. S.S. Averincev, S.G. Bocharov. Moscow: Iskusstvo. 1979. P. 67.
11. Orshansky L.G. *KHudozhestvennaya i kustarnaya promyshlennost' SSSR 1917-1927* [Art and handicraft industry of the USSR, 1917-1927]. Publ. of Academy of Art Leningrad. 1927. P. 46.
12. Fadeeva I.E. *Simvol i semiozis: aktual'nost' simvolicheskogo* [Symbol and semiosis: relevance symbolic] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* - Herald of Vyatka State University of Humanities. 2009, № 4 (4), Philosophy, culture, pp. 101-106.
13. Lacan J. *Funtsiya i pole rechi v psikhooanalize*. [Functions and field of speech in psychoanalysis]. Moscow: Gnosis. 1995.
14. Evreinov N.N. *Teatr kak takovoj* [Theatre itself]. P. 44.
15. Evreinov N.N. *Teatr dlya sebya* [Theatre for yourself]. P. 289
16. Evreinov N.N. *Teatr kak takovoj* [Theatre itself]. Pp. 57-58.

УДК 008(091)

О. О. Хлопонина

Женский мир в русской культуре рубежа XIX–XX вв.: типологические характеристики и художественная репрезентация

В статье рассматриваются типологические характеристики женского мира, взаимозависимость социокультурных трансформаций общества и женской парадигмы. На основе условной типологии базовых женских образов, восходящих к историко-культурным традициям и представлениям, выявляется смена доминирующего типа и художественная репрезентация женских идеалов в социуме и художественной культуре.

The paper deals with typological characteristics of the female world, the interdependence of the socio-cultural transformations of the society and female paradigm. Supported by the relative basic typology of female images which ascend to the historical and cultural traditions and concepts, the change of the dominant type and art representation of the female ideals in the society and art culture is revealed.

Ключевые слова: гендер, типология женских образов, русское искусство, массовая культура.

Keywords: gender, female images typology, Russian art, admass culture.

«Женский мир» [1] – достаточно устоявшееся понятие современной культурологии, включающее целый комплекс характеристик психологического, социокультурного, художественно-эстетического плана. Оно определяет «женский мир» как сложную динамичную структуру, включающую фактор сознания женщины, совокупность проявлений личности в традиционных женских сферах, в профессии, в быту, отношении к различным ценностям. По определению П. А. Андреевой, «женский мир» – это «особое единство женщин, обладающее своеобразным мировосприятием и стилем жизни, формирующее, в свою очередь, специфическую социокультурную реальность» [2].

Функциональная насыщенность женского мира обуславливает многообразие репрезентации женских моделей и типов, каждый из которых является сложным сочетанием гендерных, ментальных, профессиональных, социальных и бытовых характеристик. Основу этой системы составляют архетипические, «надысторические» факторы, которые в каждую культурную эпоху наполняются новым содержанием и трансформируются в новом историко-культурном контексте в определенных типах, концентрирующих в себе наиболее значимые черты «женского мира».

Исследователи русской культуры неоднократно рассматривали типологические характеристики женского мира, выделяя доминантные ценности и свойства каждого типа (Ю. Лотман, В. Кардапольцева и др.); вслед за ними мы выделяем три базовых типа: традиционный, героический и демонически-роковой. Основу *традиционного* типа составляет характеристика женщины как матери, жены, хозяйки; в нем сочетаются покорность, нежность, сострадательность и материнская сила защитницы, кормилицы. Женщины *героического* типа активны и самостоятельны, их характеризует стремление к самореализации вне семейно-домашнего круга – в публичной деятельности, стремление к проявлению лидерских качеств. *Демонически-роковой* тип объединяет в себе две полярные крайности: с одной стороны, это Прекрасная дама, Муза, недостижимый идеал женственности, а с другой – тип *femme fatale* – роковой женщины, обладающей исключительной привлекательностью для противоположного пола, дионисийской способностью вызывать страстное, бессознательное влечение.

В основе этой классификации (подчеркнём, достаточно условной) лежат психолого-деятельностные особенности репрезентации каждого типа, которые, в свою очередь, в своём генезисе восходят к архаическим коллективным представлениям о женских ролях, закреплённым впоследствии в разных национальных культурах. В частности, в пантеоне древнегреческих женских богинь и мифологических персонажей четко представлены актуализированные образы *традиционного* (Гея, Гера, Персефона), *героического* (Афина, Артемида, амазонки) и демонически-рокового типов (Афродита, Елена, Медея, Федра). В то же время демонически-роковой женский образ характеризуется амбивалентностью и противоречивостью: роковая женщина может быть и вдохновляющей музой, и *femme fatale*, «может принимать форму либо Премудрой Софии, либо ведьмы-искусительницы» [3]. В христианской культуре женский архетип носил в целом характер бинарной оппозиции, выражаясь в высшем проявлении – в облике Богородицы и низшем – в образе Евы.

В развитии культуры под влиянием трансформаций структурно-функциональных основ общества и социального женского идеала границы между типами становились проницаемыми.

Вторая половина XIX в. – это время колоссальных изменений во всех областях жизни российского общества, политического, социального и экономического кризиса. Доминирование ценностей свободы и независимости, распространение идей эмансипации, активное формирование массового индустриального общества трансформируют традиционную, социальную и профессиональную сферы женского мира.

В связи с развитием высшего женского образования увеличился слой женщин, занятых в просвещении и медицине, однако женская профессиональная деятельность характеризуется резким социальным противоречием: модернизация России, рост производства, развитие сети образовательных учреждений формируют множество вакансий в секторе т. н. «женских» профессий; при этом общество оказывается не готово принять выход женщины в самостоятельное публичное пространство. Например, в сфере казенной службы женщинам если и разрешалось служить в различных министерствах и ведомствах, то на должностях с большим объемом работы и низким, ограниченным жалованьем.

Появление множества периодических изданий открывало вакансии для женских профессий – стенографисток, машинисток, корректоров, переводчиц. Появилась целая плеяда женщин-писательниц, в творчестве которых все актуальные изменения общественной жизни отражались со всей искренностью чувств и эмоциональностью восприятия новых идей, и именно в это время «характерной чертой женской литературы стала тенденция активно выражать свое “я” и делать его предметом литературного исследования» [4].

Стремление женщин выйти из рамок традиционной роли матери и жены неизбежно повлекло за собой трансформации института семьи. Идеальный брак рассматривается в среде «новых людей» как идейный союз, основанный на общих убеждениях, уважении и стремлении к общественной деятельности. Появляются новые формы брака – фиктивный, свободный, семейно-брачные связи становятся неустойчивыми. Многие женщины остаются одиночками – кто-то по своей воле, а кто-то по стечению жизненных обстоятельств. В русском обществе формируется слой одиноких женщин, живших своим трудом. Так, Е. Н. Водовозова в своих воспоминаниях пишет: «...началась бешеная погоня за заработком: искали уроков, поступали на службу на телеграф, наборщицами типографий, в переплетные мастерские, делались продавщицами в книжных и других магазинах, переводчицами, чтицами, акушерками, фельдшерицами, переписчицами, стенографистками» [5].

Заработка женщины даже в хорошем месте едва хватало на жизнь: А. Бруштейн в своих воспоминаниях приводит месячный расчет А. П. Курнатович – классной дамы женского института в г. Вильна: «20 ноября. Выдали жалованье за месяц. Когда получаешь на руки такие большие деньги (все-таки 20 рублей!), кажется, что ужасно богатая, все можешь купить. А распределишь расходы на месяц – и ни на что не хватает.

Вот мой месячный расчет:

в эмеритальную кассу (вычитают на старость)	2 руб.
папе послать	5 руб.
за комнату	3 руб.
на еду (по 20 коп. в день)	6 руб.
квартирной хозяйке в счет долга	50 коп.
чай и сахар	1 руб.
Итого	17 руб. 50 коп.

На все остальное – мыло, баня, спички, керосин, почтовые марки, ремонт одежды и обуви – остается мне 3 руб. Вот и все мое богатство!» [6]

Трансформации в социальной, традиционной и профессиональной сферах женского мира меняли образцы женского гендерного поведения, создавая новые формы гендерной идентичности. В процессе смены гендерной роли пересматриваются и заново формулируются такие аспекты, как иерархия мужского и женского, социально-психологические модели женственного и мужественного, предназначение и профессиональные роли мужчины и женщины, сексуальные идеалы и ориентации. Трансформации в гендерном поведении происходили постепенно, их первоначальный общий смысл М. В. Рабжаева определяет как «опрошение», связанное «с отказом от образа женщины-леди, демонстрирующей женственность как мягкость, покорность, ориентацию на традиционные ценности брака» [7].

Тип женщины-нигилистки, утратив к началу XX в. свою идеологическую актуальность, сохранил в культуре свою знаковую составляющую: отрицание телесной красоты, изящных манер, стирание гендерных границ во внешнем виде – в прическе, одежде, повседневной жизни. В поисках идеала новой, деловой, жизни и самостоятельности женщины заходили на «мужскую» территорию [8]. Вектор социальной мобильности женского движения в это время был направлен «вниз», от образованных обеспеченных горожанок к массе неблагополучных и одиноких женщин. Трудности нового пути, бедность, потеря связей с семьей и социальной защиты часто приводили «новых» женщин к жизненным катастрофам: они попадали в зависимость от фиктивных мужей, у которых были реальные законные права, от работодателей и квартирных хозяев.

Подвижность и неустойчивость социокультурной среды, расширение коммуникативной сферы культуры, выход женщины в публичное пространство оказали существенное влияние на трансформацию женского мира и смену преемственности типов. Тип традиционной женщины с главенствующими функциями жены, матери, хозяйки переосмысливается и отходит на второй план. Женщина стремится к экономической независимости, самореализации, образованию: актуализируется тип женщины-героини, самостоятельно организующей свою жизнь, принимающей решения и приносящей пользу обществу, «формируется новый социокультурный конструкт женственности, где в первую очередь востребовано деятельностное начало» [9] (сестры Фигнер, М. Башкирцева, М. Тенишева, П. Уварова, С. Ковалевская, сестры Цветаевы). Если ранее женщины такого типа находили реализацию своих способностей лишь в семейно-хозяйственной сфере, чаще оставшись без мужа (мать М. Е. Салтыкова-Щедрина О. М. Забелина, мать Е. Н. Водовозовой А. С. Гонецкая), то к рубежу веков, на фоне идейного подъема и нестабильности общественной жизни этот тип становится практически массовым.

Тип роковой женщины в высоком смысле смещается от нравственного идеала одухотворенности и жертвенности романтизма (жёны декабристов Е. Трубецкая, М. Волконская, А. Муравьева и др.) к более реальным, самостоятельно реализующимся прекрасным дамам – вдохновительницам мужчин-творцов – таким, как З. Гиппиус, Л. Менделеева, О. Глебова-Судейкина, Н. Забела.

К началу XX в. два мощных параллельных феномена – неуклонно возрастающая активность женщины в публичной сфере и формирование массового общества и массовой культуры – характеризуются амбивалентностью гендерных характеристик. С одной стороны, в мас-

совой культуре оказываются востребованными в первую очередь традиционные атрибуты женского образа: ориентация на дом и семью, пассивность, зависимость. Это связано с тем, что женский образ в продукции массовой культуры должен быть узнаваем, привычен, знаком; кроме того, существенная часть потребительского сегмента товаров повседневного спроса была представлена женщинами-домохозяйками, на них и были нацелены формируемые образы. С другой стороны, активный процесс выхода женщин в публичное пространство и поиск возможностей самореализации вне рамок семейно-бытовой сферы подразумевает наличие активной составляющей характера.

В то же время в условиях смешения качеств и основ всех трех основных типов сохраняются доминантные характеристики каждого из них. Эта доминанта может смещаться в зависимости от окружающей социокультурной среды, черт характера и жизненных обстоятельств; смещение привычных основ женского мира обуславливает личный выбор поведенческой линии и самопрезентации женщины в обществе.

В этот период классическая гендерная модель постепенно уступает место неклассической. В классической гендерной модели физиология и анатомия тела, данные при рождении, константны и предполагают определенную модель сознания и поведения. Поведение, не соответствующее принятой в традиционном обществе гендерной роли, подавляется и отторгается: «...женщина в традиционной культурной парадигме отождествляется исключительно с телом и его функциями – детородными или сексуальными. Единственная форма духовной жизни женщины – любовь, определяемая как забота и проявляемая в форме обслуживания своих близких, а единственно важная сфера деятельности – семья» [10]. В неклассической модели пол уже не предопределен, а формируется в результате социальной практики, мужское и женское рассматриваются не в жесткой оппозиции, а как необходимо дополняющие друг друга. Позднее философы и поэты Серебряного века как раз в этой дихотомии полов будут искать реализацию первоначального идеала – слияния полов, гармонии мужского и женского.

В то же время этап отрицания женственности сменяется периодом формирования нового социального слоя учащейся и работающей женщины, активизируется поиск новых эффективных и привлекательных форм внешнего вида. Изменившийся стиль жизни, расширение возможностей проявления себя как личности творческой постепенно приводят к появлению типа женщины, которая, не отрицая и не подавляя свое женское начало, более свободно проявляла себя в жизни, отстаивала свои права, интересы и убеждения.

В массовой культуре, особенно в печатных СМИ, традиционный тип женщины оказывается очень востребованным: большая часть рекламных материалов нацелена на женщину-потребителя и ее ориентацию на жизненные ценности жены, матери, хозяйки дома и потребительницы товаров для нужд семьи. При этом ослабевает сакральность материнского начала в формировании женского идеала, и в целом для массовой культуры характерен аспект сексуальной аттрактивности в образе женщины, являющийся составной частью общего расслабляющего и развлекающего направления массовой периодики. В то же время в элитарной культуре, в частности в изобразительном искусстве, мы наблюдаем возврат к традиционному женскому образу как визуальному воплощению материнства (в ряде работ Н. Гончаровой, О. Розановой, А. Лентулова, К. Петрова-Водкина).

Отметим попутно, что идея материнства одновременно формируется и как инструмент революционной идеологии (М. Горький, роман «Мать»), а в постреволюционный период и в связи с необходимостью регулирования демографической ситуации. Образ женщины-матери активно пропагандируется в культуре, но приобретает совершенно иные качества: функция материнства не предусматривает погружения в семейно-хозяйственные заботы и ограничивается рождением нового поколения членов социалистического общества, которое и берет на себя организацию воспитания, здравоохранения и обучения, тогда как женщина в первую очередь остается равноценным членом трудового общества и коллектива (отсюда метафора матери-революции).

Резкий рост общественного интереса к «женскому вопросу», проблемам равноправия и профессиональной реализации приводит к созданию множества женских организаций. Женщины ищут пути реализации в самых разнообразных сферах, породив целую плеяду женщин-писательниц, поэтесс, художниц. Идеалом по-прежнему является женщина, реализующая свои природные функции, сочетая их с получением образования и реализацией профессиональных навыков. Новые поведенческие и бытовые характеристики образа точно от-

ражают складывающуюся гендерную модель самостоятельной и независимой женщины-гражданки с активной жизненной позицией. А. Коллонтай в статье «Новая женщина» (1913) перечисляет основные черты новой женщины: отказ от ревности, уважение к своей и чужой личности и свободе, самостоятельность и раскрепощенность, победа над эмоциями и подчинение их доводам разума и дисциплины. Вопросу внутреннего раскрепощения и освобождения женщины А. Коллонтай посвящает и свои литературные работы – повести «Василиса Малыгина», «Большая любовь», рассказы (1923).

Женщины-работницы формируют и возглавляют собственные организации («Рабочая женская взаимопомощь», «Союз равноправия женщин»). В деятельности социал-демократической ветви женского движения реализовались такие известные женщины «героического» типа, как А. Коллонтай, Л. Рейснер, И. Арманд, актриса М. Андреева, одновременно обладающие и чертами демонического типа. После революции и декретов о равенстве полов, свободе брака и развода, получения избирательных прав женщины получили возможность занимать руководящие посты, на практике организуя работу, в том числе и в традиционных женских сферах – в сфере социальной защиты, медицины, образования.

На рубеже XIX–XX вв. свобода самовыражения, раскованность актуализируют демонически-роковой тип женщины не только в жизни, но и в искусстве. Размышления о дихотомии мужского и женского, поиски механизмов регулирования сексуальности и гендерной идентичности имели определяющее значение, отражаясь в литературе и живописи. Тип роковой женщины как самый многообразный и противоречивый играет в этих процессах исключительно активную роль, проявляясь в самых разных образах, являясь одновременно и субъектом и объектом в процессе поисков новых смыслов в искусстве и жизни. К этому типу можно отнести и женщину-музу, вдохновительницу, и разрушающую все на своем пути искусительницу. Общей характеристикой этого типа было стремление к ярчайшим проявлениям творчества: «В таких женщинах нельзя наверняка быть уверенным: ни в словах, ни в чувствах, ни в действиях. Они всегда поступают как бы наперекор нормальной логике, точнее, наперекор тому, чего от них ждут. Они нередко являются разрушительницами домашних очагов, судеб. ...Однако и сами они нередко оказываются в роли жертв» [11]. В культуре Серебряного века такой тип женщины прочно вошел в жизнь представителей богемы – многие из них сами являются его лучшей иллюстрацией (Зинаида Гippiус, Лиля Брик, Ида Рубинштейн и др.). При этом он осмысливался художниками и поэтами в его высоком (*Прекрасная дама* А. Блока) и низком (демоническая женщина в творчестве З. Гippiус) проявлении. В массовой культуре этот тип ярче всего проявился в искусстве кинематографа (роли В. Холодной, Н. Лисенко). В фильмах «Драма на Волге», «Жизнь за жизнь», «Дети века», «Молчи, грусть, молчи», «Сумерки женской души» и др. обыгрывается тема женского выбора, счастья и несчастья, пассивности и решительности.

Таким образом, трансформация социокультурных ориентиров, активное участие женщин в общественной жизни, их деятельность в публичном пространстве и профессионально-карьерной сфере обусловили значительные изменения в культуре женского мира. На смену ранее определяющим положение женщины сословным (аристократка, попадья, крестьянка) и социально-семейным (мать, жена, дочь) характеристикам постепенно приходят характеристики социально-ролевой репрезентации в обществе, профессиональные навыки и уровень образования. Смена женской парадигмы, в свою очередь, тесно связана с изменением образцов гендерного поведения. Женские типы, сохраняя базовые характеристики, находятся в тонком взаимодействии с изменяющимся миром, приобретают отвечающие потребностям данного общества функции и качества и проявляются во всем многообразии их повседневного и художественного выражения.

Примечания

1. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб., 1994. С. 46.
2. *Андреева П. А.* Культура женского мира: семантико-семиотический анализ: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. С. 5.
3. *Рябов О. В.* Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново: Юнона, 1999. С. 132.
4. *Казакова И. И.* Критика и публицистика конца XIX – начала XX веков о творчестве русских писательниц // Преображение (Русский феминистический журнал). 1995. № 3. С. 64.
5. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты. М.: Худож. лит., 1987. С. 175.

6. Бруштейн А. Я. Дорога уходит в даль... СПб.: Изд. дом «Петро», 2006. С. 508.
7. Рабжаева М. В. Женская эмансипация в России: эксперименты по гендерному конструированию // Российские женщины и европейская культура: материалы V конф., посвящ. теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербург. филос. о-во, 2001. С. 27.
8. Маркова О. Ю. Гендерные измерения современного общества. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. ст. Вып. I / под ред. Б. В. Маркова, Ю. Н. Солонина, В. В. Парцвания. СПб.: Петрополис, 2001. С. 237.
9. Кардапольцева В. Н. Женственность как социокультурный конструкт // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2005. № 1. С. 71.
10. Трофимова Е. И. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады II междунар. конф. М.: Рудомино, 2002. С. 179.
11. Кардапольцева В. Н. Женские лики России. Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2000. С. 105–107.

Notes

1. Lotman Y.M. *Besedy o russkoj kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII - early XIX century)]. St. Petersburg: Iskusstvo - St. Petersburg. 1994. P. 46.
2. Andreeva P.A. . *Kul'tura zhenskogo mira: semantiko semioticheskij analiz: dis. ... kand. filol. nauk* [Culture of Women's World: semantic semiotic analysis: dis. Candidate Philology sci]. Tambov. 2009. P. 5.
3. Ryabov O.V. *Russkaya filosofiya zhenstvennosti (XI–XX veka)* [Russian philosophy of femininity (XI–XX century)]. Ivanovo: Junona. 1999. P. 132.
4. Kazakov I.I. *Kritika i publitsistika kontsa XIX – nachala XX vekov o tvorchestve russkikh pisatel'nic* [Criticism and Journalism late XIX - early XX centuries on the works of Russian writers] // *Preobrazhenie (Russkij feministicheskij zhurnal)* Transfiguration (Russian feminist magazine). 1995, № 3, p. 64.
5. Vodovozova E.N. *Na zare zhizni. Memuarnye ocherki i portrety* [At the dawn of life. Memoirs essays and portraits]. Moscow: Khudozh. lit. 1987. P. 175.
6. Brushteyn A.Y. *Doroga ukhodit v dal'...* [Road goes into the distance ...] St. Petersburg: "Retro" Publ. house. 2006. P. 508.
7. Rabzhaeva M.V. *ZHenskaya ehmansipatsiya v Rossii: ehksperimenty po gendernomu konstruirovaniyu* [Women's emancipation in Russia: Experiments on gender design] // *Rossijskie zhenshchiny i evropejskaya kul'tura: materialy V konf., posvyashch. teorii i istorii zhenskogo dvizheniya* - Russian women and Western culture: the V Conference, dedicated to theory and history of the women's movement / comp. and resp. ed. G.A. Tishkin. St. Petersburg: St. Petersburg's Philosophical society. 2001. P. 27.
8. Markova O.Yu. *Gendernye izmereniya sovremennogo obshchestva. Otchuzhdenie cheloveka v perspektive globalizatsii mira: sb. st. Vyp. I* [Gender dimensions of modern society. Alienation of the individual in the future globalized world: col. art. Is. I] / ed. B.V. Markova, Y.N. Solonina, V.V. Partsvaniya. St. Petersburg: Petropolis. 2001. P. 237.
9. Kardapoltseva V.N. *ZHenstvennost' kak sotsiokul'turnyj konstrukt* [Femininity as a sociocultural construct] // *Vestnik RUDN - Herald of Peoples' Friendship University. Ser.: Sociology, 2005, № 1, p. 71.*
10. E.I. Trofimov *Terminologicheskie voprosy v gendernykh issledovaniyakh* [Terminology issues in gender studies] // *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya: doklady II mezhdunar. konf.* - Gender: language, culture, and communication: reports of the II Intern. conf. Moscow: Rudomino. 2002. P. 179.
11. Kardapoltseva V.N. *ZHenskie liki Rossii* [Women's faces of Russia]. Ekaterinburg: Humanit. University. 2000. Pp. 105-107.

ИСТОРИЯ

УДК 94(438)“1863/1864”

А. А. Машковцев

Польское восстание 1863–1864 гг. в освещении губернской прессы Волго-Уральского региона

В статье рассмотрено освещение событий польского восстания 1863–1864 гг. в российской провинциальной прессе. Автор проанализировал роль местных газет в формировании антипольских настроений в русском обществе.

The paper considers the coverage of the Polish uprising of 1863–1864 in the Russian provincial press. The author has analyzed the role of local newspapers in the formation of anti-Polish sentiment in Russian society.

Ключевые слова: Польское восстание 1863–1864 гг., российская региональная пресса, Римско-католическая церковь, формирование общественных настроений.

Keywords: Polish uprising of 1863–1864, Russian regional press, Roman Catholic Church, the formation of public opinion.

В январе 1863 г. в Польше, Литве, Белоруссии и Правобережной Украине началось мощное вооружённое выступление, главной целью которого являлось восстановление независимости Польши, уничтоженной в конце XVIII в. в результате разделов Речи Посполитой. В отечественной историографии данное событие чаще всего называется «польским восстанием 1863–1864 гг.», хотя в последние годы стал использоваться и термин, введенный польскими историками, – «Январское восстание».

Польское восстание 1863–1864 гг. хотя и проходило на западных окраинах Российской империи, однако вызвало живой отклик различных общественно-политических сил и социальных групп в центральных районах страны. Часть русских народников (например, членов первой «Земли и воли»), разделявших лозунг «За вашу и нашу свободу», не только сочувственно отнеслась к восстанию поляков, но и попыталась оказать ему поддержку. Примером служит знаменитый «Казанский заговор 1863 г.», в котором участвовали как служившие в крае польские офицеры, так и местные народники. Однако большинство населения как России в целом, так и Волго-Уральского региона в частности, достаточно негативно отнеслось к рассматриваемому событию, считая его проявлением польского национализма и сепаратизма. Формированию подобной позиции в значительной степени способствовала официальная российская пресса, достаточно однобоко и тенденциозно освещавшая события в западных районах империи. Рассмотрим это на примере периодических изданий Волго-Уральского региона, в первую очередь Казанской и Вятской губерний.

В начале 60-х гг. XIX в. губернская пресса в Волго-Уральском регионе была представлена исключительно официальными светскими и церковными изданиями, такими как «Казанские губернские ведомости», «Вятские губернские ведомости», «Вятские епархиальные ведомости» и пр. Естественно, что они озвучивали лишь правительственную позицию и, исходя из неё, интерпретировали те или иные события. Польское восстание 1863–1864 гг. не являлось исключением. После его начала губернская пресса сразу же развернула активную антипольскую пропаганду, публикуя материалы о зверствах повстанцев. Одновременно с этим «Казанские губернские ведомости» и «Вятские губернские ведомости» печатали материалы о выражении различными группами местного населения верноподданнических чувств.

Если центральная пресса достаточно оперативно отреагировала на известие о начале Январского восстания, то реакция губернских газет Волго-Уральского региона на это событие была явно запоздалой и последовала лишь спустя три недели. 1 февраля 1863 г. в официальной части «Казанских губернских ведомостей» была опубликована заметка следующего содержания: «Грустные события в Польше, которым ни один из здравомыслящих людей не может сочувствовать, вызвали и в нашем обществе громкий протест против той кровавой резни, жертвами которой сделались многие из доблестных русских воинов. Протест этот выразился в горячем сочувствии казанского общества к семействам убитых воинов» [1]. Сочувствие жителей Казани к погибшим солдатам русской армии выразилось и в конкретных шагах – за короткий срок было собрано пожертвований на сумму 805 руб. 50 коп. [2] Эти средства предназначались родственникам убитых.

В последующие месяцы казанские и вятские газеты регулярно публиковали информацию о сборе пожертвований для семей погибших и лечения раненых воинов. Деньги поступали не только от коллективов, но и от отдельных жертвователей. К примеру, значительную сумму (100 руб.) выделил вятский мещанин Василий Прозоров [3]. В кампании по сбору пожертвований участвовали не только православные верующие, но и старообрядцы. 100 руб. пожертвований и верноподданнический адрес на имя императора Александра II прислали старообрядцы Глазовского уезда Вятской губернии [4].

Аналогичную позицию заняли староверы в других регионах страны, а также в Москве и Петербурге. 1 июня 1863 г. в «Вятских губернских ведомостях» было опубликовано письмо московских и петербургских «ревнителей древлего благочестия», по всей видимости, перепечатанное со страниц столичной прессы. «Великий Государь! Много голосов подымется к твоему престолу – дозвожь и нам сказать правду. Изменники и возмутители хотели оклеветать нас перед целым миром и приравнять нас к себе. Они лгали на нас. Мы храним свой обряд, но мы твои верные подданные. Мы всегда повиновались властям предержажим. Но тебе, царь-освободитель, мы преданы сердцем нашим... Враги, злоумышляя против твоей державы, разжигают мятеж в Польше и грозят нам войной. Великий Государь! Десница Божья возвеличивала державу твоих предков, она даст царю-освободителю одоление на давних врагов и притеснителей русской земли, которые народ русский от корня отрывали и веру его насиловали», – отмечалось в обращении староверов [5].

Подобная позиция русских староверов примечательна хотя бы тем, что у них самих была масса поводов не любить существовавший режим, постоянно нарушавший их права и свободы. Достаточно вспомнить жёсткую политику Николая I, при котором закрывались старообрядческие молельни, изымались их книги, иконы и пр. Так, постановлением Святейшего Синода от 28 апреля 1850 г. была отобрана у старообрядцев-федосеевцев и переделана в единоверческий храм молельня в с. Старая Тушка Малмыжского уезда Вятской губернии, являвшаяся одним из крупнейших центров староверия в регионе [6]. Несмотря на это в условиях мощного польского восстания и угрозы новой войны со странами Западной Европы русские староверы поспешили забыть о старых обидах и публично выразили свои верноподданнические чувства. Многовековое противостояние католицизма и православия, породившее многочисленные фобии и предрассудки, привело к тому, что для русских старообрядцев даже преследовавшая их «нико-нианская» власть всё равно была несравненно ближе, чем «латинская ересь».

Патриотическая позиция старообрядцев в вопросе о польском восстании 1863–1864 гг., несомненно, была учтена властями: при Александре II конфессиональная политика в отношении староверов подверглась корректировке в сторону заметного смягчения. Более того, в Польше и Северо-Западном крае после подавления Январского восстания местные староверы стали рассматриваться имперскими властями как один из оплотов русского влияния в регионе [7].

Губернские газеты Казани и Вятки публиковали верноподданнические обращения не только в адрес императора, но и высокопоставленных представителей царской администрации. Своеобразным лидером подобных обращений являлся виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьёв, известный своей чрезвычайно жесткой политикой в отношении не только восставших, но и Римско-католической церкви. Примером подобных адресов служит обращение к М. Н. Муравьёву дворян Лаишевского уезда Казанской губернии: «Милостивый государь Михаил Николаевич! Вероломное восстание Польши, сопровождаемое ужасами злодея и дерзко угрожающее России отторжением исконных её областей, глубоко возмути-

ло нас... и с искренней радостью узнали мы, что на страже западного рубежа дорогого сердцу нашему Отечеству священной волей государя императора поставлены Вы, Михаил Николаевич. С напряжённым вниманием, с патриотической любовью следим мы за блистательной административной деятельностью Вашего Высокопревосходительства» [8].

Верноподданническая кампания, развернувшаяся в Вятской и Казанской губерниях, порой доходила до курьёзов. Так, на балу, состоявшемся 26 августа 1863 г. в Вятском благородном собрании, присутствующие «пили за здоровье Горчакова, Муравьёва и Каткова» [9]. В глазах русского провинциального общества надежды на быстрое подавление польского восстания и урегулирование возникших из-за этого международных проблем, безусловно, связывались с генерал-губернатором М. Н. Муравьёвым и канцлером А. М. Горчаковым. Известный публицист М. Н. Катков, по всей видимости, удостоился тоста Вятского благородного собрания в связи с его яркими антипольскими статьями, в которых он выступал против любых компромиссов с восставшими и поддерживал жёсткое подавление польского национально-освободительного движения [10].

Формированию «образа врага» в лице поляков в немалой степени способствовали статьи, рассказывающие о зверствах повстанцев. Здесь была информация о нападениях на спящих русских солдат, об убийствах чиновников в Польше и западных губерниях и пр. Особое возмущение вызывали сообщения о казнях поляками православных священников, в частности настоятеля церкви в местечке Богушевичи Минской губернии о. Даниила Канапосевича. Статья об этом жестоком убийстве, опубликованная в июльском номере «Вятских губернских ведомостей» (1863 г.), содержала массу шокирующих подробностей: «Тут связали ему (священнику. – А. М.) руки назад и, зацепив верёвкой за шею, начали таскать по двору и наносить побои. Вопль жены и 4-летнего малютки, сына его, о даровании жизни несчастному, привлёк безоружных жителей местечка, христиан и евреев. Они встали на колени и начали умолять мучителей о пощаде, но просьбы эти только ещё больше привели их в ярость: просителям они грозили заряженными ружьями, а жене и малютке нанесли побои. Наконец повесили отца Канапосевича на воротах и издевались над ним, утешаясь его страданиями. Бедная жена его, вырываясь из рук злодеев, подбегала... к висящему мужу, хватала его за ноги, и, подстав плечи свои под них для облегчения его страданий. Но ничто не могло пробудить жалости рыцарствующих польских патриотов» [11].

В том же номере «Вятских губернских ведомостей» рассказывалось о казни повстанца-ми другого православного священника – Прокоповича, служившего в местечке Сураж Белостокского уезда Гродненской губернии. При этом особо подчёркивалось, что в этом злодеянии участвовали не только вышедшие из леса польские партизаны, но и местные жители римско-католического исповедания, хорошо знавшие священника [12].

Помимо статей, описывающих зверства восставших, публиковались и другие материалы, очерняющие их моральный облик. Примером служит перепечатанный из «Русского инвалида» так называемый «Польский Катехизис», якобы найденный у одного из убитых повстанцев. Подлинность этого документа вызывает определённые сомнения, тем не менее позволим себе привести некоторые выдержки из него, поскольку данный материал влиял на формирование определённого стереотипа поляка-католика в глазах российского провинциального обывателя.

Для нас наибольший интерес представляют содержащиеся в «Польском Катехизисе» наставления полякам, живущим в русской среде. В первую очередь, им рекомендовалось помнить о том, что Россия всегда являлась историческим врагом Польши, с которым необходимо вести борьбу не только открытыми, но и тайными способами: «Помни, что Россия первый твой враг, а православный есть еретик (shcismatyk) и потому не совестишь лицемерить и уверять, что они твои кровные братья, что ты против русских ничего не имеешь» [13]. Обращая внимание на низкий образовательный уровень большинства населения России, авторы катехизиса рекомендовали соотечественникам добиться интеллектуального превосходства над ними: «Так как русские, большей частью, необразованны, ленивы и беспечны, то стараться полякам как можно более образовать себя специально, чтобы иметь всегда преимущество перед русскими в занятии лучших и выгоднейших мест, и тем самым эту грубую нацию подчинить себе морально» [14].

Наконец, документ настоятельно рекомендовал полякам проникать на русскую военную и гражданскую службу, добиваться карьерного роста и продвигать своих соотечествен-

ников: «Старайся достигнуть всякого влиятельного места, чтобы, получая таковое... покровительствовать своим собратьям и доставлять им в свою очередь выгодные доходные места. Для достижения этой цели всякие средства позволительны, хотя бы они и казались для других низкими; помни, что ты всё это делаешь для пользы своей отчизны, а потому и унижение твоё должно в глазах твоих сородичей считаться великой жертвой» [15].

Таким образом, «Польский Катехизис», схожий по содержанию с поздними «Протоколами сионских мудрецов», в немалой степени способствовал формированию предвзятого и неприязненного отношения к чиновникам польского происхождения, которых немало служило в местных органах управления, а также в воинских частях, дислоцированных на территории Вятской и Казанской губерний.

Отдельные статьи, опубликованные в губернской прессе Волго-Уральского региона, были направлены на дискредитацию не только польского национально-освободительного движения, но и Римско-католической церкви. Примером служит ещё одна перепечатка из газеты «Русский инвалид» – статья польского писателя Бронислава Трентовского «Взгляд на состояние Польши». Б. Ф. Трентовский, работавший в одном из университетов Пруссии, отличался крайне негативным отношением к папству. Его неприятие Римской курии доходило до того, что он осмеливался называть не только положительные, но и негативные последствия принятия католицизма для польского народа: «В конце X века введена была в Польше христианская религия римского исповедания. С одной стороны, это было великим нашим счастьем, потому что связало нас раз навсегда с Западом и собственно Европой, назначение которой – высшая цивилизация, просвещение и свобода. С другой стороны, это также было великим несчастьем, потому что подчинило нас безусловной власти наместников Св. Петра» [16].

Б. Трентовский как польский патриот полагал, что Рим, руками подготовленного им католического клира, нивелировал многие культурные особенности польского народа и посягнул на самое ценное, что у него было, – на родной язык: «Западное духовенство разрушило у нас прежние языческие капища, но вместе с тем истребило все малейшие остатки нашей вековой цивилизации и понудило нас принять несогласный с нашим народным духом чужой лоск. Даже самому языку польскому угрожало уничтожение, потому что его прозвали варварской речью, отстранили от богослужения, и мёртвой латынью, как пороховой миной, хотели взорвать его на воздух» [17].

Наконец, по мысли автора, Ватикан способствовал возникновению антагонизма между поляками и их восточнославянскими соседями. Римская курия рассматривала Польшу как своеобразный католический плацдарм на востоке Европы, как таран, призванный сокрушить схизматиков (то есть православных). Трентовский считал, что именно под нажимом Папы и иезуитов поляки начали ограничивать религиозные права украинцев и белорусов, навязывая им унию. Являясь проводниками чужой политики, поляки сами подорвали единство страны, толкнув ранее дружественных им украинцев в объятия России: «Что ж удивительного, что в несчастное царствование Яна Казимира началась самая страшная война за Украину, что Хмельницкий вырвал внутренность нашего отечества и нанёс смертельный удар в его грудь, что казаки подчинились Москве! Так собственным своим неразумием мы потеряли преданный нам народ. Мы сражались за веру в Папу, но с кем? С собственным народом, веровавшим в Христа! Мы сражались за веру в Папу, за Тридентский собор, за иезуитов, и копали гроб для своего отечества!» [18]

Апологет польского мессианства Бронислав Трентовский был не единственным поляком, которого цитировала российская провинциальная пресса. 12 июля 1863 г. «Казанские губернские ведомости» обнародовали обращение Польского революционного правительства к русскому дворянству, естественно, сопроводив его соответствующими комментариями. Несмотря на это сам факт публикации документа, принятого подпольным польским Жондом, руководившим восстанием, не может не удивлять. Обращение Жонда к русскому дворянству сразу же начиналось с обвинений: «Дворянство русское шлёт со всех сторон царю адреса, в которых говорит о своей верности престолу, о готовности идти на жертвы, о глубоком пренебрежении к полякам... В адресах своих вы постоянно говорите, что Польша спокон веков вам принадлежала, и... чтобы доказывать это, несмотря на тысячи фактов, надо быть глупым. Адресами своими вы доказываете, что просвещение ещё не проникло в пределы вашего государства, что вы погружены в вечный мрак и что монгольский мозг не так легко просветить» [19].

Авторы цитируемого обращения обвиняли русское дворянство не только в невежестве и незнании истории, но и в поддержке деспотизма, защите крепостничества и насилии над крестьянами: «Вина твоя (дворянства. – А. М.) в том, что кнут сделался любимой твоей игрушкой с самых детских лет, что он заменил для тебя все права, какие присвоены человеку» [20].

Естественно, что редакционный комментарий на эти выпады был вполне симметричным. Отвечая на упрек в незнании истории, автор комментария сам обвинил поляков в передежгивании фактов: русское дворянство в своих верноподданнических адресах никогда не говорило об исконной принадлежности этнических польских земель России, а лишь обосновывало исторические права на Украину и Белоруссию. «Польское правительство, обвиняющее нас в невежестве и глупости, само не знает истории. Киев, Волынь, Подолия и Галиция издревле составляли наше достояние и были населены православным русским народом. После присоединения этого края к Речи Посполитой сюда стал вторгаться латино-польский элемент, и, поляки, под влиянием иезуитского духа, поставили себе задачей ополячить наш южнорусский край» [21].

Комментируя обвинения в защите крепостничества и насилии над крестьянами, русский автор отметил, что польские паны также никогда не отличались большим гуманизмом в отношении своих холопов, а административный произвол и религиозная нетерпимость в восточных районах Речи Посполитой, населённых украинцами и белорусами, вообще не имели никаких границ: «...где эта высокая цивилизация поляков, которой они так гордятся? Не в том ли, что беременные женщины служили (панам. – А. М.) вместо лошадей и управлялись тем же самым кнутом, который, по словам адреса, был нашей любимой игрушкой с детства?.. Если в цивилизации есть место тем варварствам и жестокостям, о которых мы сказали, то после этого мы согласны признать поляков народом высокой цивилизации» [22].

Таким образом, активная пропагандистская кампания, развёрнутая центральной и региональной прессой после начала Январского восстания, несомненно, дала желаемый результат. Основная масса населения России поддержала жёсткие и решительные действия властей по подавлению польского повстанческого движения. Ни русские революционные организации (например, первая «Земля и воля»), ни герценовский «Колокол», выступившие в поддержку восстания, не имели никакой возможности переломить общественные настроения в пользу поляков. Кроме того, антипольская и антикатолическая направленность публикаций русской прессы в немалой степени ухудшила положение польских католических общин во внутренних районах империи, а также административных ссыльных, прибывавших сюда после подавления восстания. Как отмечает чебоксарский историк В. А. Павлов, являющийся крупным специалистом по истории польской ссылки, «к моменту прибытия в Казанскую губернию первых польских ссыльных официальная пресса (центральная и местная) попыталась сформировать отрицательное отношение к восстанию и его участникам. Многочисленные верноподданнические адреса, сбор средств в пользу воинов и другие действия показывают, что в какой-то мере эта цель была достигнута» [23]. Предвзятое и настороженное отношение к полякам сохранялось у части местного населения ещё достаточно долгое время после подавления Январского восстания.

Примечания

1. Казанские губернские ведомости. Официальная часть. 1863. № 5. С. 45.
2. Там же.
3. Вятские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1863. № 37. С. 294.
4. Там же.
5. Вятские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1863. № 22. С. 176.
6. *Машковцева В. В.* Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядцам во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Вятской губернии). Киров, 2006. С. 39.
7. См.: *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.
8. Казанские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1863. № 48. С. 356.
9. Вятские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1863. № 37. С. 295.
10. *Олейников Д. И., Твардовская В. А. М. Н. Катков // Отечественная история: энциклопедия / редкол.: В. Л. Янин (гл. ред.) и др. М., 1996. Т. 2. С. 523.*
11. Вятские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1863. № 28. С. 231.
12. Там же. С. 233.
13. Вятские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1863. № 24. С. 200.

14. Там же.
15. Там же.
16. Вятские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1863. № 44. С. 324.
17. Там же.
18. Там же. С. 328.
19. Казанские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1863. № 28. С. 200.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же. С. 201.
23. Павлов В. А. Губернские и уездные органы власти и политическая ссылка в Российской империи (на материалах ссылки в Казанскую губернию участников польского восстания 1863–1864 гг.). Чебоксары, 2006. С. 74.

Notes

1. *Kazanskie gubernskie vedomosti. Ofitsial'naya chast'*- Kazan Provincial Gazette. The official part. 1863, № 5, p. 45.
2. Ibid.
3. *Vyatskie gubernskie vedomosti. Neofitsial'naya chast'*- Vyatka Provincial Gazette. The informal part. 1863, № 37, p. 294.
4. Ibid.
5. *Vyatskie gubernskie vedomosti. Neofitsial'naya chast'*- Vyatka Provincial Gazette. The informal part. 1863, № 22, p. 176.
6. Mashkovtseva V.V. *Konfessional'naya politika gosudarstva po otnosheniyu k staroobryadtsam vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Vyatskoj gubernii)* [Religious policy of the state towards the Old Believers in the second half of XIX - early XX century (on the materials of the Vyatka province)]. Kirov. 2006. P. 39.
7. See: Horizontov L.E. *Paradoksy imperskoj politiki: Polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.)* [Paradoxes of imperial policy: Poles in Russia and Russian Poland (XIX - early XX century.)]. Moscow. 1999.
8. *Kazanskie gubernskie vedomosti. Ofitsial'naya chast'*- Kazan Provincial Gazette. The informal part. 1863, № 48, p. 356.
9. *Vyatskie gubernskie vedomosti. Neofitsial'naya chast'*- Vyatka Provincial Gazette. The informal part. 1863, № 37, p. 295.
10. Olejnikov D.I., Twardowskaya V.A., M.N. Katkov // *Otechestvennaya istoriya: ehntsiklopediya* [National History: Encyclopedia] / editorial board: V.L. Yanin (Ch. Eds.), and others. Moscow. 1996. Vol. 2. P. 523.
11. *Vyatskie gubernskie vedomosti. Neofitsial'naya chast'*- Vyatka Provincial Gazette. The informal part. 1863, № 28, p. 231.
12. Ibid. P. 233.
13. *Vyatskie gubernskie vedomosti. Neofitsial'naya chast'*- Vyatka Provincial Gazette. The informal part. 1863, № 24, p. 200.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. *Vyatskie gubernskie vedomosti. Neofitsial'naya chast'*- Vyatka Provincial Gazette. The informal part. 1863, № 44, p. 324.
17. Ibid.
18. Ibid. P. 328.
19. *Kazanskie gubernskie vedomosti. Ofitsial'naya chast'*- Kazan Provincial Gazette. The informal part. 1863, № 28, p. 200.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Ibid. P. 201.
23. Pavlov V.A. *Gubernskie i uezdnye organy vlasti i politicheskaya ssylka v Rossijskoj imperii (na materialakh ssylki v Kazanskuyu guberniyu uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863–1864 gg.)* [Provincial and district authorities and political exile in the Russian Empire (on the materials referenced in Kazan province members of the Polish uprising of 1863-1864.)]. Cheboksary. 2006. P. 74.

Города и городское население Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. в контексте повседневности

В статье рассмотрены процессы и тенденции, связанные со спецификой повседневной жизни городов Вятской губернии в контексте её вступления в капитализм во второй половине XIX – начале XX в. При разработке данной темы привлекались методы и подходы, применяемые представителями «Школы Анналов» и их последователями. При этом проведен анализ возможности их применения к городам Вятской губернии. Выявляются как общие тенденции, так и специфика Вятского региона. Прослеживается взаимосвязь развития городов в отношении хозяйства и благоустройства с повседневной жизнью горожан, проведено комплексное исследование различных аспектов повседневности городов Вятской губернии с помощью современных методологических подходов.

The paper is devoted to the processes and trends in the specific character of the private life in towns from the Vyatka gubernia during its entry in capitalism in the second half of XIX – beginning XX century. While working at this theme, methods and approaches used were the same as applied by representatives of «Annals` school» and their followers. Moreover, analysis was carried out whether it is possible to apply them to towns in the Vyatka gubernia. Both general trends and specific character of the Vyatka region are shown. The interconnection of progress in towns concerning their economy and wellbeing with the private life of the population is traced back, complex analysis of different aspects of daily life in towns of the Vyatka gubernia with the help of modern methodological approaches is carried out.

Ключевые слова: Вятская губерния, город, повседневность, трансформация историко-культурного уклада, микроистория.

Keywords: Vyatka gubernia, town, daily life, transformation of historic and cultural structure, microhistory.

В современный период всё большую актуальность в исторической науке приобретает тема повседневности. Обращение к ней позволило всесторонне охватить картину жизни рассматриваемых эпох, увидеть её особенности, которые зачастую не остаются на виду, и, наконец, взглянуть на историю «снизу», глазами простых людей, о которых умалчивает событийная история, вследствие чего можно говорить о повседневности как о важной составляющей исторической науки.

Цель работы заключается в анализе повседневной жизни городского населения Вятской губернии в контексте микроистории, задачи – выявление закономерностей в развитии индустриального облика городов региона и рассмотрение историко-культурных трансформаций в жизни конкретных личностей и микроколлективов (семья, профессиональные группы, местные объединения и др.).

В ходе написания данной работы особое внимание было уделено произведениям представителей различных направлений исторической науки, и в первую очередь монографиям представителей «Школы Анналов», в частности «Апологии истории или ремесло историка» М. Блока [1] и «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное» Ф. Броделя [2]. Также были рассмотрены произведения отечественных историков – «Культура средневековой Европы» [3], «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» А. Я. Гуревича [4], «Западная Европа XI–XIII вв.» [5], «Средневековая культура и город в новой исторической концепции» А. Л. Ястребицкой [6] и другие.

На протяжении последних десятилетий в исторической науке значительно возрос интерес к истории провинции. Он нашел отражение в развитии краеведения и истории различных регионов. На сегодняшний день собран уже достаточно богатый материал по истории Вятского края. Огромный вклад в его изучение был внесен М. С. Судовиковым. В его произ-

ведениях «Губерния Вятская: исторические очерки» [7], «Купечество вятское. Из истории предпринимательства и благотворительности» [8], «Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX в.» [9] подробно и развернуто показано интенсивное развитие Вятского региона во второй половине XIX – начале XX в., отмечена его связь с буржуазными реформами 1860–1870-х гг., а также раскрыта его местная специфика путем выявления географических и природных особенностей, определявших его развитие. Наряду с этим в его работах представлена история местных купеческих династий. Подробное описание повседневной культуры населения Вятской губернии присутствует в работах И. Ю. Трушковой. В одной из ее монографий – «Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв.: (система жизнеобеспечения)» [10] – и в ряде статей [11] представлено подробное описание уклада жизни крестьянского населения Вятской губернии.

Появление новых подходов к исторической науке, в частности к истории повседневности, повлекло за собой переосмысление отношения к жизни небольших провинциальных городов и городского населения. Долгое время провинция была противопоставлена столице при явном предпочтении последней, историки всячески подчеркивали локальность и регресс провинции в сравнении со столицей. Однако подобное обозначение провинции далеко не во всем соответствовало исторической действительности. Провинциальная жизнь отличалась присущей ей самобытностью, что отчетливо прослеживалось в истории каждого уездного города. Во внешнем облике провинциальных городов намечалось близкое сходство и тенденции сближения со столицей в отношении сословности, управленческих структур, учебных заведений и т. п. Вместе с тем каждый провинциальный город в своем развитии опирался на собственную историю, традиции, восприятие новообразований и другие особенности.

Комплекс источников включает кроме архивных материалов источники «личного происхождения» – письма, мемуары, дневники, изучение которых предоставило возможность взглянуть на исторические события глазами современника («снизу»), а кроме того, исследовать менталитет и сознание его автора. Также подобные источники зачастую содержали ценную информацию о частной жизни человека, что позволило составить представление о различных сторонах повседневной жизни в рассматриваемый период. Наряду с этим привлекались и вещественные источники, позволяющие восстановить материально-бытовую картину жизни городского населения. Обращает на себя внимание особенность, что многие детали интерьера дошли до наших дней практически в неизменённом виде: шкаф с посудой и книгами, подставки для цветов и другие детали, в основном характерные для мещанского интерьера.

Целесообразно в качестве методов исследования для данной проблематики использовать не только историко-сравнительный и статистический, но и собственно микроисторический. В нем главными фокусами можно считать конкретных людей с их ментальностью, события повседневных микропериодов, ритмы локальной истории и др. Городская среда Вятской губернии должна изучаться и на микроуровне, что позволило обобщить историю городов и городского населения Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. и сделать выводы.

Анализ архивных и других материалов показывает, что развитие городов Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. в результате реформ 1860–1870-х гг. нашло отражение в изменении досуга и ритма жизни городского населения. Во второй половине XIX в. всё большая часть горожан стремилась проводить время в общественных заведениях, оказывавших влияние на культурный досуг. В первую очередь это касалось клубов, активно возникавших в данный период и впоследствии ставших неотъемлемой частью культурного досуга в любом провинциальном городе [12]. Отличительной особенностью вятских клубов являлась их семейственность и отсутствие «праздности и разврата», с чем ассоциировалась жизнь столичных клубов. В начале XX в. они находились во всех городах Вятской губернии. Как в самой Вятке, так и в уездных городах было принято называть клуб общественным собранием. Первый уездный клуб был основан в Сарапуле в 1864 г. по инициативе местного купечества и чиновничества. При его открытии провозглашалась цель «представить обществу возможные по местным средствам развлечения, заключающиеся в чтении, взаимном обмене мыслями, дозволенных играх, танцах и т. п.» [13]. Помимо клубов в городах Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. возникали различные общества, кружки и иные объединения (общества трезвости, музыкально-драматический кружок в Сарапуле, Вятский музыкальный

кружок, общество любителей драматического искусства, Вятское педагогическое общество и др.), оказывавшие всё более заметное влияние на культурную жизнь губернии. В результате жизнь уездных городов становилась более динамичной, интенсивной, в неё вовлекались все городские сословия. Всё большая часть горожан проявляла интерес к общественно-политическим событиям в России и стремилась принять в них участие. При этом повседневная жизнь городского населения Вятской губернии была тесно связана с религией, что предопределяло влияние традиционной культуры. Также влияние традиционной культуры в значительной степени определялось переселением в города представителей крестьянства, сохранявших её правила и обычаи. Особая связь с традиционной культурой прослеживалась в небольших уездных городах, мало подверженных изменениям. Вместе с тем на рубеже XIX–XX вв. город противопоставлял себя деревне с её архаичными представлениями и традиционной культурой. «Город мог существовать как город лишь в противопоставлении образу жизни, более низкому, чем его» [14]. В начале XX в. почти все города Вятской губернии представляли собой административно-политические, религиозные и торговые центры.

В наибольшей степени капиталистические изменения проявлялись во внешнем облике городов Вятской губернии. В течение второй половины XIX в. происходила интенсивная застройка городских территорий, возникали общественные здания нового типа, отражавшие преобразования в административно-социальном плане. Также складывался тип жилища городского обывателя, во многом обусловленный природно-климатическими условиями Вятского края и принадлежностью к определённому сословию (высшие сословия ориентировались на столичную аристократию, низшие – мещане и рабочие – имели много общего с крестьянством). Прослеживалось интенсивное развитие городской инфраструктуры, включавшей в себя, прежде всего, сферу услуг – в городах появлялись гостиницы, магазины, ателье, которые становились доступными широким слоям общества. Значительная часть городских домовладельцев сдавала нижние этажи своих домов в аренду под жильё (60,8%) и разные заведения, включая банки и фотографические заведения (10,8%), что приносило немалый доход. В конце XIX в. сдача помещений в наем стала одной из главных статей дохода для городского населения по всей Вятской губернии. Также значительные средства поступали в городской бюджет за счет сдачи городских зданий в аренду под торговлю и складские помещения. Так, сборы с городского имущества за 1893 г. составляли: в Вятке – 20 тыс. руб. (35% всех доходов), в Слободском – 14 тыс. руб. (49%), в Котельниче – 24,2 тыс. руб. (63%) и в Яранске – 16 тыс. руб. (57%) [15]. Одновременно с этим прослеживалось возрастание городского благоустройства – в большинстве городов Вятской губернии возникли такие технические новшества, как водопровод, телефон и электричество, а также места общественного отдыха – сады, парки, скверы. Так, в Уржуме осенью 1867 г. [16] начались работы по устройству общественного сада на Соборной площади, на берегу реки Уржумки, и уже 30 августа 1868 г. состоялось его открытие. Сад был построен, прежде всего, благодаря благотворительным пожертвованиям [17]. В отношении благоустройства важную роль сыграла деятельность выдающихся горожан (в первую очередь купцов), проявлявших активную деятельность в появлении технических новшеств и их последующем распространении по всему городу. Также важной составляющей благоустройства являлась его тесная взаимосвязь с городским хозяйством: сборы с водопровода, электричества и телефона служили одним из главных источников городских доходов, составляя в начале XX в. около половины всех доходов, в результате доходы Вятки возросли примерно вдвое по сравнению с концом XIX в. Вместе с тем многие проекты по улучшению городской жизни были неосуществимы из-за хронического дефицита бюджета городских дум, вследствие чего органы местного самоуправления стремились привлечь к данной проблеме городских жителей (в первую очередь представителей купечества). Помимо этого, в связи со слабостью городских властей, значительную роль в хозяйственно-административной жизни городов играло земство, что являлось отличительной особенностью Вятского региона. В ходе активной деятельности земства в городах были открыты многие учебные заведения и больницы, а также библиотеки, чайные и т. д. Особые успехи в деятельности земства были достигнуты в 1890-е гг. в связи с нахождением на посту председателя губернской земской управы А. П. Батуева, усилиями которого вятское земство по праву считалось одним из передовых в России [18]. В целом, следует отметить активное участие городского населения в преобразовании внешнего облика городов и развитии городского благоустройства.

Одновременно с вышеназванными изменениями в городах Вятской губернии прослеживалось усложнение социальной структуры городского населения, выраженное в постепенном упразднении сословности и утверждении единого городского общества и городской семьи в качестве его ячейки. Наряду с этим в рассматриваемый период происходили изменения в отношении семейной структуры и демографических показателей. Патриархальная семья, характерная для традиционной культуры, постепенно уступала место малой семье, состоящей из родителей с детьми. Также в городском обществе прослеживалось постепенное изменение семейных ценностей. Как и в целом по России, в Вятской губернии имела место эмансипация и вовлечение женщин в трудовую деятельность, поскольку многие новые профессии (телефонистки, телеграфистки, машинистки) являлись преимущественно женскими, что способствовало изменению положения женщин в обществе и отношения к ним. Вместе с этим в большинстве случаев участие женщины в трудовой деятельности исключало её замужество и семейную жизнь, что прослеживалось на многих примерах: так, в семье вятской гимназистки Нины А. её отец был чиновником, мать – домохозяйкой, сама же она после окончания гимназии прослушала два курса на Высших женских курсах в Петербурге в области литературы и впоследствии работала телеграфистом и библиотекарем, при этом замужем она не была.

Распорядок дня горожан продолжал оставаться традиционным: с утра – завтрак, затем работа в течение всего дня до вечера (с перерывом на обед), и, наконец, свободное время. Более строгий распорядок был у чиновников, находящихся на государственной службе. Мещане, владевшие собственной мастерской или лавкой, могли себе позволить некоторый отход от установленного режима. Кроме того, представители привилегированных классов (богатые купцы и чиновники) могли себе позволить увеличение досугового времени за счет ночных часов, проводимых в основном в клубе, что символически отделяло их от остальной части горожан, быт и работа которых были строго подчинены световому дню [19]. В целом, ритм повседневной жизни становился всё больше зависимым от рыночных отношений.

Во второй половине XIX в. значительно возросла культурная жизнь городского населения Вятской губернии. Особую роль в просвещении населения сыграла местная интеллигенция, принимавшая активное участие в открытии в городах и сёлах библиотек и распространении периодической печати, отражавшей её взгляды. Не менее важную роль в культурной жизни городского населения играл театр. Специфика театральной жизни Вятской губернии заключалась в достаточной слабости профессионального театра, вследствие чего вплоть до начала XX в. основу театральной жизни составляли любительские коллективы, в которых были задействованы представители купечества, мещанства и чиновничества. Вследствие этого театр был тесно связан с повседневной жизнью и оказывал на неё духовное влияние. Кроме спектаклей также устраивались литературно-музыкальные вечера и концерты. Ведущей особенностью подобных мероприятий являлась частная инициатива, в первую очередь в этом были задействованы представители местной интеллигенции. Горожане поддерживали подобные начинания, так, в местной прессе отмечалось, что жители Слободского испытывают потребность в любительских спектаклях и литературных вечерах, причём в городе нет недостатка в артистах и музыкантах на любительском уровне [20].

Таким образом, развитие капиталистических отношений влекло за собой отход от традиционного менталитета и развитие городской культуры. Вместе с тем отличительной чертой Вятского региона являлось сохранение элементов традиционности в городе и её своеобразное сочетание с городской культурой. Наиболее четко сращивание деревенской и городской культур проявилось в организации досуга и отлаженном быте городского населения, в жизни которого существовал размеренный, однообразный и ничем не прерываемый распорядок рабочего дня. Он напоминал ритм жизни крестьян.

Анализ повседневной жизни городов Вятской губернии выявляет модели трансформации жизни в провинции по линии развития товарных, индустриальных явлений. Так, отношения между людьми все менее зависели от сословности, происходило формирование единого городского общества. При этом сохранялась семейственность и родственные связи. Сравнение повседневности городов Вятской губернии с соседними (Казанской, Пермской) и столичными губерниями привело к выявлению специфики. Она заключалась в некоем воспроизведении традиционной культуры в городах Вятки вследствие малочисленности дворянства, переселения в города сельского населения и господства патриархально-консервативных тенденций в мировоззрении горожан. В Вятском регионе в начале XX в. прослеживался постепенный процесс в индустриальном направлении во внешнем облике городов и городском укладе жизни.

Примечания

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. 254 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 2006. 551 с.
3. Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. СПб., 2009. 481 с.
4. Гуревич А. Я. Культура средневековой Европы. СПб., 2006. 544 с.
5. Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI–XIII вв. М., 1978. 175 с.
6. Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М.: Интерпракс, 1995. 412 с.
7. Судовиков М. С. Губерния Вятская: исторические очерки. Киров, 2006. 128 с.
8. Судовиков М. С., Николаева Т. К. Купечество вятское. Из истории предпринимательства и благотворительности. Исторический сборник. Киров, 1999. 204 с.
9. Судовиков М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX в. Киров, 2009. 342 с.
10. Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв. (система жизнеобеспечения). Киров, 2003. 724 с.
11. Трушкова И. Ю. Город в северной русской провинции: исторические символы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1; Трушкова И. Ю. Специфика традиционного уклада и домостроительства у латышей и эстонцев в северном вятском пограничье в XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6.
12. Марков А. А. Вятское общественное собрание 1908 года (из истории культурной жизни Вятки). Киров, 2002. С. 125.
13. ГАКО. Ф. 582. Оп. 30. Д. 4. Л. 22.
14. Бродель Ф. Указ. соч. С. 449.
15. О размерах городских доходов по Вятской губернии за 1893 г. // ПКВГ на 1895 г. Отд. I. Статистические сведения. Вятка, 1894. С. 60–61.
16. Столетие Вятской губернии. Т. 1. Вятка, 1880. С. 96.
17. Там же. С. 96.
18. Франчески И. К. Мои воспоминания // Отд. краевед. литературы КОУНБ им. А. И. Герцена. Киров, 1957. С. 7.
19. Пюрияйнен Д. М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект. УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2013. С. 267.
20. Корреспонденция Вятского края (Слободской) // Вятский край. 1895. 24 октября (№ 100). С. 2.

Notes

1. Block M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apology of history or craft of the historian]. Moscow. 1986. 254 p.
2. F. Braudel *Material'naya tsivilizatsiya, ehkonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material civilization, economics and capitalism, XV-XVIII centuries. Vol. 1. The structures of everyday life: the possible and the impossible]. Moscow. 2006. 551 p.
3. Gurevich A.Ya. *Individ i sotsium na srednevekovom Zapade* [Individual and society in the medieval West]. St. Petersburg. 2009. 481 p.
4. Gurevich A.Ya. *Kul'tura srednevekovoj Evropy* [Culture of Medieval Europe]. St. Petersburg. 2006. 544 p.
5. Yastrebitskaya A.L. *Zapadnaya Evropa XI–XIII vv* [Western Europe of XI-XIII centuries]. Moscow. 1978. 175 p.
6. Yastrebitskaya A.L. *Srednevekovaya kul'tura i gorod v novej istoricheskoy nauke* [Medieval culture and the city in the new historical scholarship]. Moscow: Interpraks. 1995. 412 p.
7. Sudovikov M.S. *Guberniya Vyatskaya: istoricheskie ocherki* [Province Vyatka: historical essays]. Kirov. 2006. 128 p.
8. Sudovikov M.S., Nikolaev T.K. *Kupechestvo vyatskoe. Iz istorii predprinimatel'stva i blagotvoritel'nosti. Istoricheskij sbornik* [Merchants of Vyatka. From the history of entrepreneurship and philanthropy. Historical collection]. Kirov. 1999. 204 p.
9. Sudovikov M.S. *Kupecheskoe soslovie Vyatsko Kamskogo regiona v kontse XVIII – nachale XX v* [Merchant class of Vyatsko-Kama region in the late XVIII - early XX century]. Kirov. 2009. 342 p.
10. Trushkova I.Y. *Traditsionnaya kul'tura russkogo naseleniya Vyatskogo regiona v XIX – nachale XX vv. (sistema zhizneobespecheniya)* [Traditional culture of the Russian population of Vyatka region in XIX - early XX centuries. (subsistence)]. Kirov. 2003. 724 p.
11. Trushkova I.Y. *Gorod v severnoj russkoj provintsii: istoricheskie simvoly* [City in the northern Russian province: historical characters] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* - Modern problems of science and education. 2012, № 1; Trushkova I.Y. *Spetsifika traditsionnogo uklada i domostroitel'stva u latyshej i ehstontsev v severnom vyatskom pogranich'e v XX v.* [Specificity of the traditional way of dispensation and

Latvians and Estonians in the northern borderlands Vyatka in the XX century] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. - Modern problems of science and education. 2011, № 6.

12. A.A. Markov [Vyatka public meeting in 1908 (from the history of the cultural life of Vyatka)]. Kirov. 2002. P. 125.

13. State Archive of Kirov Region (GAKO). F. 582, Op. 30 D. 4. Sh. 22.

14. F. Braudel. Op. cit. P. 449.

15. *O razmerakh gorodskikh dokhodov po Vyatskoj gubernii za 1893 g.* [About the size of urban income of Vyatka province in 1893] // *PKVG na 1895 g. Otd. I. Statisticheskie svedeniya. Vyatka, 1894. S. 60–61*- PKVG on 1895. Dep. I. Statistical information. Vyatka. 1894. Pp. 60-61.

16. 100 anniversary of Vyatka province. Vol. 1. Vyatka. 1880. P. 96.

17. Ibid. P. 96.

18. Francesci I.K. *Moi vospominaniya* [My memories] // Div. of ethnograph. literature of Herzen Library. Kirov. 1957. P. 7.

19. Pyuriyaynen D.M. *Naselenie uezdnogo goroda Sarapula vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: sotsiokul'turnyj aspekt. UIIYAL UrO RAN* [Population of county town Sarapul in the second half of XIX - early XX century: sociocultural aspect]. UIIYAL UB RAS. Izhevsk. 2013. P. 267.

20. *Korrespondentsiya Vyatskogo kraja (Slobodskoj* [Correspondence of Vyatka region (Slobodskoy)] // *Vyatskij kraj* - Vyatskiy region, 24 October 1895 (№ 100), p. 2.

УДК 947(470.342)“19”

И. В. Чемоданов

Сельское хозяйство и крестьянство Кировской области накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.)

В статье рассматриваются тенденции и процессы, происходившие в колхозной деревне Кировской области в конце 1930-х – начале 1940-х гг., в условиях предвоенной мобилизации народного хозяйства. Освещаются изменения, происходившие в полеводстве, животноводстве, агротехнике, материальном положении колхозников в результате мер, направленных на укрепление основ колхозно-совхозной системы. Выявляются позитивные и негативные последствия осуществляемой аграрной политики. Развитие аграрного сектора Кировского региона рассматривается в общероссийском контексте, при этом раскрывается региональная специфика.

The article is about tendencies and processes which took place in the collective farm countryside of the Kirov region in the late thirties – beginning of the 1940s, during the pre-war mobilization of the national economy. Changes in field crop cultivation, stock raising, agricultural engineering, financial position of collective farmers as a result of measures aimed at strengthening the collective and state farms are observed. Positive and negative consequences of agrarian policy are observed. Development of the agricultural sector of the Kirov region is shown in Russian context together with the regional specific.

Ключевые слова: крестьянство, сельское хозяйство, Кировская область, колхозы, животноводство, агротехника, мелиорация, стахановское движение.

Keywords: peasantry, agriculture, Kirov region, collective farms, stock raising, agricultural engineering, melioration, Stakhanovism.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. военная угроза, а затем развязанная фашизмом Вторая мировая война потребовали сместить центр тяжести внутренней политики Советского государства в сторону милитаризации экономики, накопления мобилизационных запасов, подготовки страны к отражению будущей агрессии, которая становилась неизбежной. Мобилизационные меры затронули и сельское хозяйство. Они были тем более необходимы, что ситуация там, несмотря на достигнутые во второй половине 1930-х гг. успехи, все еще была далека от идеальной. После XVIII партсъезда, состоявшегося в марте 1939 г., Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли ряд важных решений, направленных на укрепление колхозного строя: «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», «О мероприятиях по

развитию общественного животноводства в колхозах», «Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов». Эти решения находили преломление в политике региональных властей.

Сельское хозяйство Кировской области перед войной подверглось существенной реорганизации. Постоянно обновлялся председательский корпус. В 1939 г. сменилось 41%, а в 1940 г. – 26% руководителей колхозов. Большею частью их освобождали за злоупотребление властью, нецелевое использование колхозных средств, за неумение правильно организовать производственный процесс и стимулировать трудовую активность колхозников. Вследствие неумелого руководства заинтересованность колхозного крестьянства в общественном труде падала, зато рос их интерес к личному подсобному хозяйству. В 1938 г. более 28 тыс. колхозников не выработали ни одного трудодня, почти 57 тыс. чел. выработали менее чем по 50 трудодней. В 33,6 тыс. личных хозяйств колхозников размеры усадьбы превышали принятые нормы. 64% приусадебной земли использовалось под посевы зерновых, что делало колхозников относительно независимыми в продовольственном отношении от своих колхозов. К началу 1939 г. 7,3 тыс. хозяйств имели по две коровы, а в 91 хозяйстве имелись свои лошади, что также не допускалось уставом сельхозартели. 21 января 1939 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О нарушениях Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», которое предписывало в кратчайшие сроки ликвидировать нарушения устава по приусадебным участкам колхозников и по нормам скота, находящегося в личном пользовании, и привести размеры личных подсобных хозяйств в соответствии с уставными требованиями. Во исполнение данного постановления в деревне развернулась борьба за урезание личного подсобного хозяйства. За один год было отрезано от усадеб колхозников и передано колхозам области около 39 тыс. га усадебной и более 26 тыс. га полевой земли. Излишки продуктивного скота надлежало сдать государству по ценам мясопоставок, а часть скота, в первую очередь племенного, – продать колхозам для комплектования молочно-товарных ферм. Находящийся в личном пользовании рабочий скот следовало обобществить и также сдать колхозам. Предполагалось, что это стимулирует развитие общественного животноводства в колхозах. В результате 1569 хозяйств сдали вторых коров в колхозы, а 1316 хозяйств – продали государству [1]. Однако часть колхозников находила иные способы избавления от «сверхуставного» скота: реализация на рынке, убой молодняка, разделы колхозных дворов и т. д. Так, в Унинском районе из 397 хозяйств, имевших излишки скота, 131 хозяйство продало этот скот на рынке; в Немском районе аналогичным образом поступили 105 хозяйств; в Нолинском районе – 79, в Богородском – 74, в Санчурском – 37, в Зюздинском – 17 хозяйств. В Малмыжском районе приведение норм личного скота в соответствие с уставом сельхозартели происходило, в основном, путем продажи этого скота бескоровным хозяйствам колхозников, а также на рынке. По Шаваржаковскому сельсовету Кичминского района колхозниками было забито 84 головы молодняка [2]. Однако подобного рода действия колхозников не могли способствовать организации колхозных животноводческих ферм, и потому не допускались постановлением от 21 января 1939 г.

В дальнейшем меры по ограничению личного землепользования колхозников еще более ужесточались. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» в Кировской области было обмерено колхозных усадеб в 341 428 хозяйствах и 25 913 усадеб единоличных хозяйств, в общей сложности были обмерены усадьбы в 367 341 хозяйстве. Обмер усадебных участков по области дал дополнительно к обобществленному земельному фонду 23 128 га лучших, плодородных земель. В этом же постановлении высшее партийно-государственное руководство страны требовало ликвидировать расположенные в общественных полях колхозов приусадебные участки и селить колхозников, проживающих на хуторах, в колхозные усадебные центры. Хуторских хозяйств и малодворных селений, подлежащих сселению в колхозные центры, по области было учтено: хуторов-двухдворок – 2195 хозяйств, трехдворок – 1431 хозяйство. К 1 сентября 1939 г. было осуществлено сселение 1926 хозяйств [3]. Всего же за 1939 г. было переселено 2796 дворов (или 52% от плана). План на 1940 г. предусматривал сселение 3632 дворов, но сселено было значительно больше – 5708 дворов. К началу 1941 г. оставалось не сселенными 14,8 тыс. дворов в малодворных (от одного до 10 дворов) селениях. По ряду районов неселенными остались группы от одного до пяти дворов. Так, в Макарьевском районе остались не сселенными по этой группе 197 дворов, в Зюздин-

ском – 191, Мурашинском – 144 и Даровском – 105 хозяйств [4]. Более 2500 единоличников вынуждены были вступить в колхозы.

Главной же мерой мобилизационного характера стало установление в июне 1939 г. для каждого трудоспособного колхозника обязательного минимума трудодней. В Кировской области он составил 60 трудодней в год. Невыполнение этого минимума без уважительных причин вело к исключению из колхоза, лишению всех прав и льгот. Благодаря этому жесткому, но, в общем-то, вполне оправданному в условиях предвоенной мобилизационной гонки закону количество не выполняющих минимума трудодней в области сократилось в четыре раза.

Перед Великой Отечественной войной все большая часть произведенной колхозниками сельскохозяйственной продукции подлежала принудительному отчуждению в пользу государства. Возрастали масштабы обязательных государственных поставок. 8 июля 1939 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о переходе с 1 января 1940 г. к погектарному исчислению мясopоставок. Мартовский (1940 г.) Пленум ЦК ВКП(б) распространил этот принцип на исчисление государственных поставок и заготовок всех видов сельскохозяйственной продукции. Новый принцип исчисления обязательных поставок и заготовок сельскохозяйственной продукции способствовал более производительному использованию колхозами закрепленных за ними земель. В 1940 г. Кировская область поставила государству 19 189,9 тонны мяса (что составило по сравнению с 1939 г. 137,7%), 673 330 гектолитров молока (114% от 1939 г.), 2377,7 центнера шерсти (125,1%), 5446,4 тонны овощей (170,6%). В то же время сократились объемы государственных закупок. В 1940 г. они составили по мясу 1111,4 тонны (лишь 15,3% от показателей 1939 г.), по молоку – 57 051 гектолитр (60,7%) и по шерсти – 481,5 центнера (43,6%). Следует заметить, что планы госпоставок и особенно госзакупок по области постоянно недовыполнялись [5]. Планы поставок зерна государству в 1938 г. были выполнены лишь на 81%, в 1939 г. – на 85%, и лишь в последнем довоенном 1940 г. план по зернопоставкам был областью выполнен полностью. Кировская область перед войной не выполняла заданий по поставкам мяса, молока, шерсти, картофеля, овощей и других продуктов (заметим, однако, что нормы поставок устанавливались предельно жесткие, а потому – трудновыполнимые). Госпоставки осуществляли не только колхозы и совхозы, но и колхозники с личных подворий и единоличники. За всем этим строго следили органы НКВД.

Несомненные успехи в реконструкции сельского хозяйства Кировской области, отчетливо наметившиеся еще во второй пятилетке, проявлялись и в последние предвоенные годы. Росла урожайность зерновых культур. В засушливом 1938 г. она составила 9 центнеров с га, а в следующем, более благополучном 1939 г. – 10,4 центнера с га. Валовой сбор зерновых культур составил в 1938 г. 1,6 млн тонн, а в 1939 г. – 1,8 млн тонн [6]. И хотя эти цифры для второй половины 1930-х гг. не являлись рекордными, все же они значительно превышали дореволюционные и нэповские показатели (не говоря уже о чрезвычайных условиях периода Гражданской войны и первых лет массовой коллективизации). Для сравнения: в 1913 г. урожайность зерновых составляла 7,5 центнера с га, а валовой сбор – около 1,4 млн тонн [7]. Работники совхозов, МТС, колхозники и специалисты сельского хозяйства Кировской области в начале 1939 г. вступили в социалистическое соревнование с Горьковской областью. В 1940 г. в соревнование вступила Коми АССР [8].

В 1940 г. Кировская область лучше и в более короткий срок, по сравнению с прошлым годом, завершила весенний сев. Более организованно, с меньшими потерями проведена уборка зерновых и технических культур. Объемы семенных, фуражных и других общественных фондов в колхозах были выше, чем в прошлые годы. Перед войной по сбору зерновых и бобовых с 1 га уборочной площади Кировская область занимала девятое место по РСФСР и одиннадцатое место – по СССР [9]. Особенно высокими показателями отличались колхозы, внедрявшие передовые методы сельскохозяйственного производства. Так, в 1940 г. колхоз «Красный Октябрь» Вожгальского района получил урожай зерновых по 16,2 центнера с га, колхоз «Искра» Просницкого района – по 18 центнера с га, колхоз Калабинский Белохолуницкого района, наряду с другими агротехническими мероприятиями, применил узкорядный и перекрестный способы сева, благодаря чему получил урожай овса по 18,5 центнера и пшеницы – по 15 центнера с га. Колхоз «Социализм» Кайского района при узкорядном и перекрестном способах сева получил пшеницы по 21,4 центнера и овса – по 23,2 центнера с га [10].

Выросло поголовье обобщественного скота в колхозах области: лошадей – на 5,7%, крупного рогатого скота – на 11%, свиней – на 45,3% и овец – на 92,1%. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1939 г. «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» каждый колхоз должен был иметь не менее двух полноценных животноводческих ферм: одну ферму крупного рогатого скота и другую – овцеводческую или свиноводческую. В 1940 г. в колхозах Кировской области была вновь организована 4801 животноводческая ферма (в том числе 3363 овцеводческих и 962 свиноводческих фермы). За год количество животноводческих ферм увеличилось на 28%. Если к началу 1940 г. на 100 колхозов приходилось 217 ферм, то к концу года – уже 304. Для ферм было куплено 119 300 голов скота (в том числе крупного рогатого скота – 25 000 голов, свиней – 31 000 и овец – 63 300). Значительное развитие получили такие отрасли, как птицеводство, кролиководство, звероводство, пчеловодство и рыбоводство. Число птицеферм в колхозах увеличилось с 177 на конец 1939 г. до 3646 на конец 1940 г., а кроликоферм (за этот же период) – с 215 до 263. К концу 1940 г. в колхозах имелось 3300 пчелопасек и 28 звероферм. Отремонтировано и построено вновь 868 прудов, из которых 107 были зарыблены зеркальным карпом (впервые был завезен в Кировскую область в 1938 г.) [11]. Большая работа была проведена по расширению кормовой базы животноводства: по сравнению с 1939 г. вдвое увеличилась площадь под кормовыми корнеплодами, в два раза больше было заложено силоса. Мелиоративные работы дали 4800 га высокоурожайных лугов [12].

Существенно возрос уровень механизации сельского хозяйства Кировской области. С начала 1939 по конец 1940 г. число МТС выросло с 69 до 98, тракторный парк увеличился с 3865 до 4810. В 1940 г. МТС имели 1167 зерноуборочных комбайнов, 394 грузовых автомобиля, включая автоцистерны, 5468 тракторных плугов общего назначения, 1220 тракторных культиваторов и 1862 тракторных сеялки. В 1940 г. МТС Кировской области обслуживали 78% колхозов и 84,4% посевной площади. Это было меньше, чем в целом по СССР, где МТС обрабатывали 94% колхозных посевов. Уровень механизации основных сельскохозяйственных работ также был ниже, чем в целом по стране. В 1940 г. в Кировской области вспашка зяби была механизирована на 62%, посев зерновых культур – на 13,3%, уборка зерновых культур комбайнами – на 4%. Для сравнения: по Советскому Союзу в 1940 г. вспашка зяби была механизирована на 71%, посев зерновых культур – более чем на 50%, уборка зерновых культур комбайнами – на 43% [13]. В 1940 г. с начала полевых работ при помощи тракторов всего по области было обработано (в переводе на мягкую пахоту) 2 017 865 га [14]. Передовые МТС области (Вятскополянская, Фаленская, Зуевская) выполнили план тракторных работ на 116–135%, в то же время сэкономили десятки тонн горючего и смазочных масел, снизили себестоимость работ. Фаленская МТС заработала, сверх установленного плана натуроплаты, свыше 1300 тонн зерна. Однако имелись и такие МТС, как Боровицкая, Верхобыстрицкая, Таранковская, Держинская, где годовой план тракторных работ был выполнен лишь на 29–50%. В то же время в этих МТС был допущен значительный перерасход средств и горючего [15]. В 1940 г. впервые на колхозных полях области появились газогенераторные тракторы, работавшие на местном дешевом топливе. Хорошо освоила эти тракторы Фаленская МТС, давшая выработку на каждый трактор 800 га (вместо 770 га по плану). Другие же МТС, получившие газогенераторные тракторы, столкнулись с серьезными затруднениями в их освоении [16].

Укреплялись сельскохозяйственные кадры. На 1 июля 1939 г. по МТС числилось 24 529 работников (в том числе 2145 женщин). Самой крупной по численности категорией механизаторов были трактористы – 12 348 чел., из них 1188 женщин (9,6%). На каждый трактор приходилось около 2,5 чел. Хуже дело обстояло с комбайнерами, которых насчитывалось 1519 чел., из них 297 женщин (19,5%). На каждый комбайн приходилось 1,3 чел.

В Кировской области сложилась система подготовки и переподготовки кадров механизаторов и других специалистов села: районные колхозные школы (РКШ), школы механизаторов, курсы при МТС, технические курсы в колхозах. В январе 1940 г. на курсах при МТС обучалось 2834 тракториста, из них 482 женщины, в районных колхозных школах обучалось 1619 счетоводов, ветфельдшеров, техников-полеводов и других работников управленческого аппарата МТС и колхозов, из них 338 женщин. Вместе с тем уровень подготовки управленческих и механизаторских кадров был недостаточный, наблюдалась текучесть всех кадров [17].

Продолжалась политика укрупнения колхозов. Так, если на 1 июля 1938 г. по области насчитывалось 10 847 колхозов, которые охватывали 338,16 тыс. крестьянских дворов

(94,5%), то к 1 июля 1939 г. количество колхозов сократилось до 10 653, тогда как количество хозяйств в них возросло до 339,9 тыс. (95,5%). Число колхозов с числом дворов менее 15 сократилось за счет слияния с 2363 до 1983 (или с 22% до 18,6%) [18]. К концу 1940 г. в Кировской области числилось 9898 колхозов, которые объединяли 333,2 тыс. дворов и 1435,6 тыс. сельского населения [19]. Если в 1937 г. в среднем на один колхоз приходилось 30 колхозных дворов, то в 1940 г. – 34 двора [20]. Однако, по сравнению с другими регионами, колхозы Кировской области были все же невелики (в целом по РСФСР на один колхоз в 1940 г. приходилось 68 дворов) [21].

В сельском хозяйстве Кировской области продолжало развиваться стахановское движение. Сотни звеньев и колхозов добились в 1940 г. урожая льноволокна от 5 до 10 центнеров с га. Мастера льноводства в области наряду с выращиванием рекордных урожаев льна на небольших участках успешно боролись за высокие стахановские урожаи на всей площади посевов льна в колхозе. Так, А. П. Смертина, льноводка-стахановка колхоза «Новый строй» Шабалинского района, в прошлом получавшая рекордные урожаи льна до 17,5 центнера с га на малой площади, в 1940 г. боролась за стахановские урожаи льна на всей площади своего колхоза и с 25 га посева льна получила по 7 центнеров льноволокна. Еще больших успехов добилась льноводка колхоза «Культиватор» Шарангского района Н. П. Куклина. В 1940 г. она с площади в 36 га получила по 7,86 центнера льноволокна, а с рекордного участка – даже по 19,75 центнера с га. Стахановские урожаи волокна со всей площади посевов льна получили также колхозы «Победа Октября» Шарангского района, «Путь к социализму» Котельничского района и ряд других. Льноводки Шабалинского района Е. О. Юферева и уже упомянутая А. П. Смертина получили на своих участках рекордные для области урожаи льна благодаря внесению удобрений (по 33 тонн навоза на гектар).

Улучшение техники льноводства в Кировской области было связано с широким внедрением машинного труда на уборке и обработке льна. В 1940 г. льнотеребилщик Шабалинской МТС С. Н. Жуйков льнотеребилкой ЛТ-7 убрал 271 гектар льна (для одновременной ручной уборки такой площади потребовался бы труд 3658 чел.). Хорошо использовали льнотеребилки Черновская и Шабалинская МТС. Однако большая часть МТС использовала их плохо и план теребления льна на 1940 г. не выполнила. Плохо использовались также льнотрепалки. Из 79 льнотрепальных машин, имеющих в МТС, реально работали 32, а из 379, имеющих в колхозах, работали всего 60 машин. Очень медленно в колхозах внедрялись льномолотилка «Эдди» и технология строительства бездымных сушилок льнотресты. Там же, где использовались машины, не только сокращались затраты труда, но и продукция была более высокого качества. Например, у льноводки Н. П. Куклиной, проводившей околот льна на машине «Эдди», сушку тресты в сушилке, мятье на 12-вальной мялке и машинный отреп, выход волокна составлял 20–25% от веса тресты, тогда как при традиционной ручной обработке и сушке льна (в крестьянских банях) выход волокна был вдвое меньше, и волокно получалось очень низкого качества [22].

Неплохо себя показали кировские стахановцы и в сфере животноводства. Наталья Ивановна Помазкина, телятница колхоза им. Кирова Оричевского района, награжденная Главным выставочным комитетом Малой золотой медалью, в 1938–1939 гг. по группе из 33 телят при 100%-ном сохранении молодняка имела среднесуточный привес по 809 г на теленка, а в 1940 г. – по 825 г. Пелагея Филипповна Мальцева, заведующая свиноводческой фермой колхоза «Страна Советов» Шарангского района, вырастила в 1940 г. в среднем на каждую свиноматку по 23,5 поросенка. Николай Михайлович Тарасов, заведующий овцеводческой фермой колхоза им. Молотова Советского района, в течение трех лет выращивал в среднем по 169 ягнят на 100 маток. Заведующая фермой колхоза «Новый колос» Шарангского района Мария Андриановна Овчинникова в 1940 г. получила по 2050 литров молока на фуражную корову (притом что коровы на ферме были беспородные) и по 750 г среднесуточного привеса на теленка. Валентина Дмитриевна Лопатина, доярка колхоза им. Сталина Фаленского района, получила по 2806 л молока на каждую фуражную корову. Павла Федоровна Макарова, доярка колхоза «Трактор» Монастырского сельсовета Верховинского района, добилась удоя молока в 3022 литра на фуражную корову. Если средний удой от фуражной беспородной коровы в колхозах Кировской области за 1940 г. составлял лишь до 500 л молока, то колхозы Оричевского и Халтуринского районов, имеющие фермы породистого истобенского скота, получили на каждую корову от трех до пяти тысяч литров. В 1939 г. средний надой на фуражную коро-

ву по области составлял 840 л, на каждую свиноматку было получено по 8,7 поросенка, а средний настриг шерсти на овцематку составил 2,7 кг [23]. В 1940 г. средний надой молока составил 883 л, а средний настриг шерсти – 2,6 кг [24].

Имелись достижения и у механизаторов. Бригадир тракторного отряда Зуевской МТС Гребенкин в 1940 г. выработал со своим отрядом в среднем на каждый 15-сильный трактор 1000 га, сэкономив 6946 кг горючего. Столь же значительных успехов добились бригадиры тракторных отрядов В. Я. Кузнецов (Фаленская МТС), Санников и Бабушкин (Вятскополянская МТС). Рекордную в области выработку на трактор дал бригадир Уржумской МТС М. К. Гневыхев. Средняя выработка на трактор в его отряде составила 1275 га. Бригада Гневыхева сэкономил 3967 кг горючего. Хорошо работали на молотилках МК–1100 молотильщики Арбажской МТС Комлев, намолотивший за сезон 1367 тонн, и Воронов, намолотивший 1237 тонн. Рекордную выработку на молотилке МК–1100 дал молотильщик Салобеляжской МТС Сергей Петрович Загайнов. В 1940 г. он намолотил 1700 тонн зерна. Исключительных успехов достиг льнотеребилщик Черновской МТС Верхорубов, убравший на льнотеребилке в 1940 г. 254 га льна. Комбайнер Лажской МТС Панов сцепом двух комбайнов убрал в истекшем году 916 га [25].

В сельском хозяйстве Кировской области активно внедрялись достижения агрономической науки. Так, Анатолий Андреевич Вершинин, главный агроном Верховинского райземотдела, благодаря широкой пропаганде и внедрению агротехники, а также повседневной агротехнической помощи колхозам, в 1940 г. по урожаю зерновых вывел Верховинский район в передовые районы области. Стараниями Вершинина было организовано 548 звеньев, из которых 274 звена сохранились до конца года. Главный агроном Зуевского райземотдела Николай Васильевич Тенибеков за период работы с 1936 по 1940 г. проявил себя как активный работник в деле внедрения агротехнических знаний в массы колхозников, применения агротехнических мероприятий и правильной организации труда в колхозах. По инициативе Тенибекова была проведена большая работа по организации огородничества, закладке садов в колхозах и созданию в районе двух питомников по выращиванию фруктовых саженцев [26].

Крупным мероприятием, направленным на организационно-хозяйственное укрепление колхозов, явилась подготовка к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ), открытие которой состоялось в Москве 1 августа 1939 г. Право демонстрировать свои достижения на ВСХВ завоевали в 1939 г. в Кировской области 1458 передовых колхозников, колхозов и МТС, в 1940 г. – 1912, в том числе два района, а в 1941 г. – 2100, в том числе три МТС и два района. Дипломами I и II степеней были отмечены шесть МТС, 24 колхоза и девять животноводческих ферм [27].

По мере укрепления основ колхозного строя в ряде колхозов увеличивались выплаты колхозникам на трудодни и, соответственно, повышалась заинтересованность их в развитии общественного производства. В 1939 г. в колхозах Кировской области прошли общие собрания, на которых обсуждалось постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Кое-где звучали предложения о сокращении личных подсобных хозяйств до минимума и даже о полном отказе от них. Так, член колхоза «Самолет» Вожгальского района Прудовиков по этому поводу высказывался так: «Данное постановление направлено на укрепление колхозного строительства, оно бьет по лодырям и бездельникам, которые мешали укреплению трудовой дисциплины. Я вношу предложение сократить усадьбу для личного пользования до 0,10 га». А на собрании в колхозе «Венера» Шабалинского района колхозник Петр Клементьевич Краев говорил: «От усадьбы мало пользы, я прошлый год сеял 4 пуда, а снял 10 пудов зерна, при том затратил очень много времени, а в колхозе выработал 732 трудодня, получил 17 центнеров зерна, да еще много других продуктов и денег. Нам, колхозникам, усадьбы для посева совсем не нужны, только зря земля пропадает, нужно лишь под огород».

Впрочем, среди части колхозников превалировали и прямо противоположные настроения. Так, колхозник Глушков из уже упомянутого колхоза «Самолет» в своем выступлении заявил: «На тех 0,12 га, которые отрезали от моей усадьбы как излишек, все, что там бы ни посеяли, я вытраплю скоту, пусть не достанется колхозу». В хозяйстве Глушкова насчитывалось пять человек трудоспособных, и все вместе они за 1939 г. выработали только 89 трудодней. Количество скота превышало уставные нормы (имелось две коровы и две свиноматки). Председатель колхоза «За урожай» Белохолуницкого района отказался отрезать излишки усадебных участков у 19 хозяйств, поскольку сам имел усадьбу, размеры которой превышали нормы устава. Председатели колхозов «За Тельмана», Мороковский и Глушковский Котель-

ничского района уже после издания постановления «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» разрешили 40 хозяйствам колхозников посадить картофель в колхозном поле для своих потребностей по 0,10–0,15 га [28].

Вместе с тем в аграрном секторе Кировской области имелось немало трудностей и резервов для совершенствования. Хотя посевные площади по кормовым, овощным культурам и картофелю по сравнению с 1939 г. значительно выросли, общий план посева на 1940 г. был выполнен лишь на 98,6%. Не был выполнен план освоения новых земель [29]. Обязательства, взятые колхозами и совхозами по договору социалистического соревнования, также были выполнены далеко не полностью. Кировская область брала обязательство получить в 1940 г. урожай зерновых по 13 центнеров с га, фактически же получено 12,2 центнера. Горьковская область по договору должна была получить урожай зерна по 12–13 центнера, а получила по 11,2 центнера; Республика Коми получила урожай 13,9 центнера с га вместо 15 центнеров по договору. Следовательно, колхозы и совхозы Кировской области в 1940 г. получили зерна на один центнер с гектара больше, чем в Горьковской области, но на 1,7 центнера меньше, чем в Коми АССР [30].

Горьковская область в 1940 г. собрала урожай льноволокна по 3,8 центнера и льносемян по 4 центнера с га. Республика Коми тоже получила высокий урожай волокна и семян льна. В Кировской же области средний урожай волокна льна составил лишь 2,3 центнера и льносемян – 2,4 центнера с га. План контрактации льноволокна на 1 января 1941 г. выполнен не был.

По примеру прошлых лет, в начале 1940 г. в колхозах нашей области были организованы звенья по льну, но большинство из них работу до конца не довели и распались. Неважно обстояло дело с механизацией обработки льна. Небольшое количество имеющихся льнообрабатывающих машин Антонова и Сергеева использовалось недостаточно продуктивно, а в Зуевском и Унинском районах эти машины вообще не использовались. Несмотря на успехи, демонстрируемые стахановцами, ударниками и отдельными передовыми колхозами, агротехника льна в большинстве колхозов области к началу 1940-х гг. продолжала оставаться низкой. Сев и уборка льна затягивались. Расстил производился поздно, в результате часть льна или снималась не вылежавшейся, или уходила под снег. Вследствие этого колхозы области получали весьма скромный урожай льна, сдавали государству низкомерное волокно, далеко не во всех случаях выполняя контрактационные договоры [31].

План агротехнических мероприятий в 1940 г. был выполнен колхозами крайне неудовлетворительно. Так, торфа было вывезено на поля 560 тыс. тонн вместо 2,5 млн тонн по плану. Посеяно сортовыми семенами яровых зерновых культур 603 тыс. га (вместо 690 тыс. га по плану), озимых посеяно сортовыми семенами 696 тыс. га (вместо 730 тыс. га). Яровизированными семенами посеяно 19 тыс. га (вместо 60 тыс. га по плану). Весенний сев вместо семи-восьми дней по плану продолжался 18–20 дней [32]. По плану предполагалось поднять 716 тыс. га майских паров, однако в мае было поднято паров всего 36,4% от плана (261 тыс. га), к концу июня – 91,2%, а остальные 9,8% были подняты уже в течение июля. Несвоевременный подъем паров в определенной степени негативно сказался на урожае. В целом, по подъему паров в 1940 г. колхозы Кировской области работали хуже, чем в прошлом году (табл. 1):

Таблица 1

Выполнение плана поднятия паров в Кировской области в 1939–1940 гг.

Годы	Выполнение годового плана (в %)						
	20/V	1/VI	10/VI	20/VI	1/VII	10/VII	20/VII
1939	-	-	51,8	84,4	96,3	101,1	102,2
1940	-	36,4	63,7	81,0	91,2	96,6	100,9

Как видим, если в 1939 г. план поднятия паров уже к исходу первой декады июля был полностью выполнен и последующие работы дали его перевыполнение (на 2,2%), то в 1940 г. выполнение плана приходится лишь на 20 июля. Основной причиной срыва сроков подъема паров являлась большая нагрузка на коня в южных и юго-западных районах, в то время как тракторный парк план подъема паров выполнил плохо (86,7% на 10 июля). Вместе с тем руководство земорганов (райзо и МТС) плохо сочетали работу конного и тракторного парка [33].

Вследствие низкого уровня агротехники колхозы Татауровского, Верхошижемского, Черновского, Макарьевского, Даровского и ряда других районов получили в 1940 г. урожай зерновых от 8 до 10 центнеров с га, т. е. намного ниже, чем в среднем по области [34]. По каждому району можно было найти немало примеров, когда колхозы, находившиеся в пример-

но одинаковых почвенно-климатических и иных условиях, получали резко различные урожаи. Например, в Оричевском районе Савичевский и Крысовский колхозы имели сходные почвенные условия, но урожай у первого был вдвое выше. В Котельничском районе колхоз «Искра» получил урожай ржи по 24,4 центнера с га, пшеницы – по 16 центнеров, овса – по 40 центнеров с га, а колхоз «Самолет» при одинаковых почвенных условиях снял урожай ржи по 16,4 центнера, пшеницы – по 10,3 центнера и овса по 15,4 центнера с га. Причиной столь резкой разницы в урожае в этих колхозах являлось то, что колхозы «Савичевский» и «Искра» широко применяли на своих полях полный комплекс агротехнических мероприятий, тогда как колхозы «Крысовский» и «Самолет» агротехникой пренебрегали [35].

Систематически не выполнялись планы завоза минеральных удобрений. В 1939 г. в Кировскую область их было завезено 29 219,9 тонны, что составляло 45,7% от плана, а в 1940 г. – 21 531,8 тонны (40,6%) [36]. Поэтому 20 декабря 1940 г. вышло постановление Кировского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета «О расширении применения удобрений в сельском хозяйстве и упорядочении их использования в колхозах и совхозах». Для повышения плодородия колхозных полей колхозникам рекомендовалось сдавать своему колхозу не менее двух третей навоза, накопленного от скота в личных подсобных хозяйствах [37].

В 1940 г. не был выполнен план по развитию животноводства в колхозах. К концу года крупного рогатого скота на фермах должно было быть по плану 300 000 голов, тогда как реально имелось лишь 248 763 головы (или 83% от плана); свиней должно было быть 138 000 голов, реально имелось 101 120 (73,3%); овец, соответственно, вместо 158 000 голов по плану имелось 140 098 (88,7%). План развития коневодства был выполнен на 92,3% (вместо 307 000 голов по плану имелось 283 316 голов). Государственный план оказался недовыполненным также по пчеловодству, кролиководству и птицеводству. На колхозных фермах к концу года имелось 234 тыс. птиц вместо установленных планом 310 тыс.

Далеко не все руководители колхозов и рядовые колхозники приветствовали создание ферм. Из 4325 основных животноводческих ферм, созданных в 1940 г., 2866 ферм были организованы только в октябре и ноябре. Из 25 тыс. голов крупного рогатого скота, закупленного для ферм в течение года, 16 тыс. голов было куплено в октябре и ноябре. Из 11 тыс. свиней куплено в ноябре 6 тыс. Из 63 тыс. овец 36 тыс. было куплено в последнем квартале. Иными словами, за октябрь и ноябрь в плане развития колхозного животноводства было сделано больше, чем за первые десять месяцев года, которые, по каким-то причинам, оказались практически бесплодными. В 1940 г. в 41 колхозе Кировской области все еще не было организовано ни одной животноводческой фермы [38].

Весьма слабой была обеспеченность колхозных животноводческих ферм породистым скотом. В 1940 г. породистый крупный рогатый скот составлял всего 20,7% к общему поголовью скота, породистые свиньи – 44,8% и овцы – 28,2%. Племенных ферм на 1 января 1941 г. имелось по области: по крупному рогатому скоту – 31, по свиньям – 42 и по овцам – 17. План искусственного осеменения в 1940 г. был выполнен по крупному рогатому скоту всего на 26%, а по овцам – менее чем на 16%. Не был выполнен и план естественной случки по породистым производителям. Часть колхозных руководителей имела предубеждение против разведения племенного скота и метизации. Так, в колхозах Татауровского, Свечинского, Черновского и некоторых других районов Кировской области чистопородных быков-производителей выбраковывали из-за их «буйного нрава» [39].

План тракторных работ на 1940 г. по МТС был выполнен в Кировской области на 81%, в Горьковской – на 82,2%, в Коми АССР – на 94%. Средняя выработка на один 15-сильный трактор в переводе на мягкую пахоту в Кировской области составила 346 га (для сравнения: в 1939 г. этот показатель был еще ниже – 333 га), в Горьковской – 358 и в Коми АССР – 225 га. Было убрано на один 15-футовый комбайн: в Кировской области – 160 га, в Горьковской – 130 и в Коми АССР – 49 га. План теребления льна на льнотеребилках соревнующихся регионов также не был выполнен. План тракторных работ лучше выполнили МТС Коми АССР и Горьковской области. МТС Кировской области работали значительно хуже. По договору социалистического соревнования Кировская область взяла на себя обязательство выработать в переводе на мягкую пахоту на каждый трактор 450 га (реальная выработка составила 346 га), на 15-футовый комбайн – 240 га (реально выработано лишь 160 га), а на льнотеребилку вместо 50 га выработали 21 га. Если в 1939 г. план тракторных работ выполнила всего

одна МТС, то в 1940 г. – 13 МТС (14% от общего их количества) [40]. Относительно низкие нормы выработки были связаны, прежде всего, с недостаточно хорошо налаженным ремонтом сельхозтехники. Не хватало ремонтных мастерских, ощущался дефицит запасных частей, уровень квалификации ремонтников был невысоким.

В Кировской области в числе закрепленных за колхозами площадей имелось к началу 1940-х гг. около 240 тыс. га земель, требующих мелиоративных работ (болота, заболоченные луга и пастбища). В апреле 1940 г. передовые колхозы «Новый путь» и «Броневик» Халтуринского района, «Броненосец» Оричевского района и «Мелиоратор» Кировского района решили применить метод скоростного строительства в освоении лугоболотных земель, используя опыт строительства Большого Ферганского канала им. Сталина. Колхозы-передовики и депутаты Цепелевского сельсовета Кировского района обратились к другим колхозам с призывом провести весной массовый выход колхозников на мелиоративные работы и в предельно сжатые сроки (10–15 дней) выполнить намеченный на 1940 г. план по мелиорации. Призыв нашел отклик со стороны колхозов-землепользователей лугоболотных массивов Халтуринского, Оричевского, Кировского и других районов. К маю 1940 г. более 450 колхозов Халтуринского, Оричевского и Кировского районов заявили о своем желании работать по осушению болот. 10 500 колхозников этих районов за 13 рабочих дней (вместо запланированных 15) осушили 3492 га болот, расчистили и раскорчевали 4410 га лугов, подготовили к осушению 3100 га заболоченной почвы, построили 176 мостов и водостоков. Инициатива колхозов была активно поддержана областными и районными партийными и советскими организациями. Была широко развернута массово-политическая работа. Первые же дни выхода на работу мелиораторы ознаменовали стахановской выработкой. Так, звено под руководством колхозника Целищева Большегородской сельхозартели Оричевского района в первый же день выхода на работу выполнило производственное задание на 436%. Колхозник сельхозартели «Восток» Халтуринского района Казаковцев выполнял норму выработки на 200–240%. Комсомольская бригада, возглавляемая Домниным (колхоз «Красный работник» Оричевского района) выполнила норму на 300%. Весной 1941 г. колхозники Кировского, Оричевского и Котельничского районов провели 45 км магистральных каналов и построили на них 27 мостовых сооружений [41].

Эффективность проведенных скоростных работ в трех передовых районах в сопоставлении с масштабами мелиоративных работ в 1940 г. в целом по области демонстрируют данные табл. 2 [42]:

Таблица 2

Выполнение мелиоративных работ в Кировской области в 1940 г.

Виды работ	Всего выполнено по области в 1940 г.	В т. ч. по трем районам скоростного строительства	
		абс.	% от области
Осушение (га)	4400	3492	79,4
Выполнение земляных работ (т. м ³)	469	404	86,1
Расчищено и раскорчевано (га)	5113	4410	86,3

Как видим, те три района (Халтуринский, Оричевский и Кировский), где использовался скоростной метод, дали от 79,4 до 86,3% от общего объема мелиоративных работ в Кировской области в 1940 г.

О степени обеспеченности общественного скота колхозов и скота в личном пользовании колхозников кормами в зимний период 1940–1941 гг. можно судить по данным табл. 3.

Таблица 3

Обеспеченность скота в колхозах и личных хозяйствах колхозников Кировской области кормами в зимний период 1940–1941 гг.

Виды кормов		Наличие (в тыс. центнеров)	Потребность (в тыс. центнеров)	Процент обеспеченности
Грубые (без озимой соломы)	всего	29 128,9	26 105,7	111,5
	в т. ч. сено	15 831,9	17 413,2	90,9
Сочные		4 766,6	12 225,1	39,0

Недостаток сочных кормов был связан с невыполнением планов по посеву кормовых корнеплодов и силосных культур, а также по силосованию кормов. Несмотря на некоторые сдвиги по сравнению с 1939 г., коренного перелома в решении проблемы кормопроизводства колхозами в 1940 г. достигнуто не было. Наиболее «узким местом» являлось семеноводство

История

лугопастбищных трав. План посева лугопастбищных трав на семена ежегодно не выполнялся и даже давал ежегодное снижение абсолютных показателей (в 1937 г. было посеяно 979 га, в 1938 г. – 935 га, в 1939 г. – 878 га и в 1940 г. – 741 га). Основные семеноводческие районы (Халтуринский, Слободской, Оричевский, Возгальский и Молотовский) не выполнили решение исполкома Кировского облсовета от 11 мая 1940 г. в части организации семерассадников лугопастбищных трав, не провели инвентаризацию семенников лугопастбищных трав, допустили их массовую распашку [43].

Средства Госстраха, отпускаемые правительством на ветеринарное строительство (лечебницы, амбулатории, стационары, изоляторы и т. д.), ежегодно осваивались крайне слабо. Из отпущенных по плану на 1940 г. 2494,4 тыс. руб. на 1 декабря было освоено лишь 1597,0 тыс. руб. (т. е. 64%). Это было связано с недооценкой значения ветеринарного строительства многими райзо и отсутствием должного руководства ветстроительством со стороны производственных управлений облзо [44].

В 1940 г. в рамках долгосрочного кредитования колхозов и колхозников было отпущено кредитов на общую сумму в 11 160 тыс. руб., что составляло 84,4% от запланированного (табл. 4) [45].

Таблица 4

Выполнение годового плана долгосрочного кредитования колхозов и колхозников за 1940 г. (тыс. руб.)

Мероприятия	План	Выполнение	
		абс.	%
Животноводство	7 880	6 303	80,0
В том числе:			
а) комплектование МТФ	4 905	4 224	86,1
б) строительство и механизация МТФ	2 800	1 564	55,8
в) семена для залужения, полевого травосеяния и закладка семенников	175	515	294,3
Технические и специальные культуры	200	34	17,0
Садоводство, овощеводство и овощное семеноводство	450	166	36,9
Мелиоративно-ирригационные мероприятия	500	40	8,0
С.-х. машины, строительство мельниц, зерносушилок, зернохранилищ и благоустройство колхозов	1 200	648	54,0
С.-х. электрификация	150	95	63,3
Минеральные удобрения	1 800	885	49,2
Итого по колхозам	12 180	9 171	75,3
Колхозникам на селение хуторов	700	1 405	200,7
На индивид. жилищное строительство специалистов и рабочих сельских местностей, всего	334	368	110,2
В том числе:			
учителям	55	83	97,6
врачам	30		
райзо и МТС	300	216	72,0
Всего	13 214	11 160	84,4

К началу июня 1941 г. земельный фонд Кировской области составлял 12,2 млн га. Леса занимали 6,8 млн га. Колхозы и совхозы распоряжались 5 млн га земли, в том числе 3,1 млн га занимали пахотные земли, выгоны и пастбища – 554,7 тыс. га, приусадебные участки – 188,8 тыс. га. Болота покрывали 156,8 тыс. га. В сельском хозяйстве, как и повсюду, в обстановке благоприятствования работали лидеры. Так, известный колхоз-миллионер «Красный Октябрь» Возгальского района имел свою электростанцию, мельницу, две столовые, пекарню, водопровод, ясли, дом отдыха. 18 детей колхозников учились в вузах. Но такое было все же исключением. В целом, уровень социально-культурного и бытового обслуживания сельского населения оставался невысоким. К маю 1941 г. из 9762 коллективных хозяйств области (без трех районов – Опаринского, Лальского и Подосиновского, принятых из Архангельской области) электростанции были в 66 колхозах, детские ясли – в 72, бани – в 43, парикмахерские – в пяти, кинотеатры – в пяти, прачечная – в одном колхозе [46].

Тем не менее, несмотря на серьезные проблемы и значительные резервы для совершенствования, позитивные результаты модернизационного рывка в сельском хозяйстве Кировской области были налицо. Преодолевая всевозможные трудности, колхозное крестьянство Кировской области в предвоенные годы внесло немалый вклад в создание мощной базы производства сельскохозяйственной продукции, что имело огромное значение в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

1. Загвоздкин Г. Г. Триумф и трагедия 30-х годов // Памяти Геннадия Григорьевича Загвоздкина – ученого, историка, человека... СПб.: Нестор, 2008. С. 134–135; Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-1290. Оп. 4. Д. 200. Л. 55–56.
2. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 4. Д. 189. Л. 7.
3. Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета за 1935–1939 гг. Киров, 1939. С. 42.
4. Основные показатели выполнения народнохозяйственного плана Кировской области за 1940 год. Киров, 1941. С. 45.
5. Там же. С. 129.
6. Загвоздкин Г. Г. Указ. соч. С. 135.
7. Шапиро П. С. Сельское хозяйство Кировской области накануне Великой Отечественной войны // Из истории сельского хозяйства и крестьянства Верхнего Поволжья в период построения и утверждения развитого социализма (1938–1980 гг.). Киров, 1980. С. 11.
8. Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 1(5). С. 2–3.
9. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. С. 430–431.
10. Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 1(5). С. 7.
11. Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 1(5). С. 3–4, 23; Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 3(7). С. 23; Основные показатели ... С. 3; Шапиро П. С. Указ. соч. С. 8.
12. Основные показатели ... С. 4.
13. Шапиро П. С. Указ. соч. С. 9.
14. Основные показатели ... С. 110.
15. Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 1(5). С. 37.
16. Там же. С. 38.
17. Шапиро П. С. Указ. соч. С. 9–10.
18. Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета ... С. 38.
19. Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 389, 393, 395.
20. Народное хозяйство Кировской области: стат. сб. Киров, 1957. С. 35.
21. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: стат. ежегодник. М.: Статистика, 1977. С. 124.
22. Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 1(5). С. 18–22.
23. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 6. Д. 276. Л. 212; Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 1(5). С. 27–32.
24. Народное хозяйство Кировской области: к 70-летию Великого Октября: стат. сб. Киров, 1987. С. 87; Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 442.
25. Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 1(5). С. 37–38.
26. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 6. Д. 276. Л. 212–213об.
27. Шапиро П. С. Указ. соч. С. 8.
28. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 4. Д. 102. Л. 2–4.
29. Основные показатели ... С. 45–46.
30. Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 1(5). С. 5–6.
31. Там же. С. 14–17.
32. Там же. С. 6.
33. Основные показатели ... С. 46.
34. Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 1(5). С. 6.
35. Там же. С. 11.
36. Основные показатели ... С. 106–107.
37. Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 1(5). С. 13.
38. Там же. С. 24–25.
39. Там же. С. 30–31.
40. Там же. С. 36–37.
41. Основные показатели ... С. 46–47; Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 1(5). С. 3–4; Блокнот агитатора. Киров, 1941. № 2(6). С. 8–9; Шапиро П. С. Указ. соч. С. 6; ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 6. Д. 283. Л. 40.
42. Основные показатели ... С. 48.
43. Там же. С. 48–49.
44. Там же. С. 45–50.
45. Там же. С. 133.
46. Загвоздкин Г. Г. Указ. соч. С. 135.

Notes

1. Zagvozdkin G.G. *Triumph i tragediya 30 kh godov* [Triumph and tragedy of the 30s] // *Pamyati Gennadiya Grigor'evicha Zagvozdkiina – uchenogo, istorika, cheloveka...* - To the memory of Gennady G. Zagvozdkin - scholar, historian, man ... St. Petersburg: Nestor. 2008. Pp. 134-135; State Archive of Social and Political History of the Kirov region (GASPI KO). F. P-1290. Op. 4. D. 200. Sh. 55-56.

2. GASPI KO. F. П-1290. Op. 4. D. 189. Sh. 7.
3. Materials to the report of the Kirov Oblast Executive Committee for 1935-1939. Kirov. 1939. P. 42 (in Russ.).
4. *Osnovnye pokazateli vypolneniya narodnokhozyajstvennogo plana Kirovskoj oblasti za 1940 god.* [Key performance indicators of the economic plan of the Kirov region in 1940]. Kirov. 1941. P. 45.
5. Ibid. P. 129.
6. Zagvozdkin G.G. Op. cit. P. 135.
7. Shapiro P.S. *Sel'skoe khozyajstvo Kirovskoj oblasti nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny* [Agriculture Kirov region on the eve of the Great Patriotic War] // *Iz istorii sel'skogo khozyajstva i krest'yanstva Verkhnego Povolzh'ya v period postroeniya i utverzhdeniya razvitogo sotsializma (1938-1980 gg.)* - From the history of agriculture and the peasantry of the Upper Volga region during the construction and approval of developed socialism (1938-1980 gg.)). Kirov. 1980. P. 11.
8. *Bloknot agitatora* - Notebook of agitator. Kirov. 1941. № 1 (5). pp. 2-3.
9. Arutyunyan Yu.V. *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka. 1970. Pp. 430-431.
10. *Bloknot agitatora* - Notebook of agitator. Kirov, 1941, № 1 (5), p. 7.
11. *Bloknot agitatora* - Notebook of agitator. Kirov, 1941, № 1 (5), pp. 3-4, 23; *Bloknot agitatora* - Notebook of agitator. Kirov, 1941, № 3 (7), p. 23; *Osnovnye pokazateli ...* - Key indicators ... P. 3; Shapiro P.S. Op. cit. P. 8.
12. *Osnovnye pokazateli ...* - Key indicators ... P. 4.
13. Shapiro P.S. Op. cit. P. 9.
14. *Osnovnye pokazateli ...* - Key indicators ... P. 110.
15. *Bloknot agitatora* - Notebook of agitator. Kirov, 1941, № 1 (5), p. 37.
16. Ibid. P. 38.
17. Shapiro P.S. Op. cit. Pp. 9-10.
18. Report on materials of Kirov regional Executive Committee ... P. 38. (in Russ.)
19. Arutyunyan Yu.V. Op. cit. Pp. 389, 393, 395.
20. *Narodnoe khozyajstvo Kirovskoj oblasti: stat. sb* [The national economy of the Kirov region: col. of articles]. Kirov. 1957. P. 35.
21. *Narodnoe khozyajstvo RSFSR za 60 let: stat. ezhegodnik* [The national economy of the Russian Federation for 60 years: stat. yearbook]. Moscow: Statistica. 1977. Pp. 124.
22. *Bloknot agitatora* - Notebook of agitator. Kirov, 1941, № 1 (5), pp. 18-22.
23. GASPI KO. F. П-1290. Op. 6. D. 276. Sh. 212; Notebook of agitator. Kirov, 1941, № 1 (5), pp. 27-32.
24. *Narodnoe khozyajstvo Kirovskoj oblasti: k 70 letiyu Velikogo Oktyabrya: stat. sb.* [The national economy of the Kirov region: the 70th anniversary of the Great October Revolution: stat. digest. Kirov. 1987. P. 87; Arutyunyan Yu.V. Op. cit. P. 442.
25. *Bloknot agitatora* - Notebook of agitator. Kirov, 1941, № 1 (5), pp. 37-38.
26. GASPI KO. F. П-1290. Op. 6. D. 276. Sh. 212-213 turn.
27. Shapiro P.S. Op. cit. P. 8.
28. GASPI KO. F. П-1290. Op. 4. D. 102. Sh. 2-4.
29. *Osnovnye pokazateli ...* - Key indicators ... Pp. 45-46.
30. *Bloknot agitatora* - Notebook of agitator. Kirov, 1941, № 1 (5), pp. 5-6.
31. Ibid. P. 14-17.
32. Ibid. P. 6.
33. *Osnovnye pokazateli ...* - Key indicators ... P. 46.
34. *Bloknot agitatora* - Notebook of agitator. Kirov, 1941, № 1 (5), p. 6.
35. Ibid. P. 11.
36. *Osnovnye pokazateli ...* - Key indicators ... P. 106-107.
37. *Bloknot agitatora* - Notebook of agitator. Kirov, 1941, № 1 (5), p. 13.
38. Ibid. P. 24-25.
39. Ibid. P. 30-31.
40. Ibid. P. 36-37.
41. *Osnovnye pokazateli ...* - Key indicators ... P. 46-47; *Bloknot agitatora* - Notebook of agitator. Kirov, 1941, № 1 (5), pp. 3-4; *Bloknot agitatora* - Notebook of agitator. Kirov, 1941, № 2 (6), pp. 8-9; Shapiro P.S. Op. cit. P. 6; GASPI KO. F. П-1290. Op. 6. D. 283. Sh. 40.
42. *Osnovnye pokazateli ...* - Key indicators ... P. 48.
43. Ibid. Pp. 48-49.
44. Ibid. Pp. 45-50.
45. Ibid. P. 133.
46. Zagvozdkin G.G. Op. cit. P. 135.

К 100-летию начала Первой мировой войны

УДК 94(100) «1914/19»

Д. Г. Гужва

**Взаимосвязь российской провинции и действующей армии
в годы Великой войны (1914–1918 гг.):
по материалам российской военной периодической печати**

В статье на основе богатого архивного и фактологического материала, вводимого в научный оборот впервые, показана роль российской военной периодической печати в вопросе взаимосвязи фронта и тыла в различные периоды Первой мировой войны (1914–1918 гг.). На основе материалов центральной, фронтовой и армейской периодической печати рассматриваемого периода демонстрируется единение фронта и тыла в различных вопросах жизнедеятельности и информационного обеспечения действующей армии и тыловых районов в годы войны.

Based on the extensive archive and factual materials introduced in the scientific use for the first time, the article shows the role of Russian military periodicals in bonding of the front-line and rear regions at different periods of World War I (1914–1918). Based upon the materials of the State, front-line and Army media of the period under review, the article demonstrates unity of front-line and rear regions in various life situations and issues of logistic supply of the Army and rear regions during the Great War.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая война, русская армия, военная печать, пропаганда, фронт, тыл, летнее наступление 1917 г.

Keywords: The First World War, the Great War, Russian army, military media, propaganda, front-line, rear regions, summer offensive operation of 1917.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну, или, как называли ее современники, Великую войну, привело к некоторой стабилизации внутривластного положения в стране. Начало боевых действий приветствовали как различные политические силы, призывавшие на время войны забыть все внутривластные распри, оказав царю и правительству максимальную поддержку во имя победы, так и простые люди, охваченные общим подъемом патриотического духа. Об этом свидетельствовала статья в «Военной летописи», в которой констатировалось, что с началом войны стачечное движение резко сократилось, а к концу 1915 г. и вовсе было сведено к минимуму. Так, если с января по июль 1914 г. в стране было зарегистрировано 4098 забастовок с общим количеством участников 1 439 284 человек, то с августа по декабрь того же года количество выступлений снизилось до 77, а количество участников – до 34 752 человек. В 1915 г. число забастовок, по сравнению с 1914 г., сократилось в 20 раз. Изменился и сам характер стачек. Если раньше в большинстве своем они носили политический характер, то после вступления России в войну они все чаще стали возникать по экономическим причинам, ввиду «повсеместного вздорожания жизни и взвинчивания цен на предметы насущной необходимости» [1]. Кроме того, уже тот факт, что кайзеровская Германия первой объявила военные действия против императорской России, способствовал формированию в массовом сознании установок восприятия ее как войны справедливой, оборонительной, направленной на отражение германской агрессии.

2 августа 1914 г. на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге собрались тысячи людей. Они дружно опустились на колени перед императором и императрицей, вышедшими на балкон Зимнего дворца. Сам Николай II, стремясь всячески поддержать патриотические настроения в народе, принимая в тот день высших чиновников империи, сказал: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей» [2].

Профессор Императорской военной академии генерал-лейтенант Н. Н. Головин отмечал, что «все, кто был свидетелем войны России и Японии, не мог не быть пораженным огромным различием в народных настроениях 1904 г. и 1914 г.» [3]. Мировоззрение многомиллионной солдатской массы в первые годы войны определялось формулой «За Веру, Царя и Отечество». Для народной массы она была своего рода политическим лозунгом. Характеризуя народные настроения в 1914 г., Н. Н. Головин писал: «Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на ратный подвиг, являлось сознание, что Германия сама напала на нас... Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения. Другим стимулом борьбы, оказавшимся понятным нашему простолюдину, явилось то, что эта борьба началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного сербского народа... Это было сочувствие к обиженному младшему брату... Связь обоих этих актов была совершенно ясна здравому смыслу нашего народа» [4].

О необычайном подъеме русского духа и готовности до последней капли крови постоять за царя и Отечество свидетельствовали перепечатки агентских телеграмм из периодических изданий, опубликованных в первых после начала войны номерах центрального печатного органа Военного министерства «Русский инвалид». «Из дальних и ближних мест, из центра и из всех окраин в огромном количестве поступают в Санкт-Петербургское телеграфное агентство телеграммы, рисующие торжественное, серьезное и сознательное настроение, с которым население встретило объявление войны. Во всех храмах совершены торжественные молебны о даровании российскому воинству победы над дерзким врагом. Патриотический порыв, которым охвачено все население, находил выражение в бесчисленных грандиозных патриотических манифестациях, продолжающихся повсеместно... Уходящие войска всюду являются предметом восторженных оваций. Им устраивают торжественные проводы» [5].

Необходимо отметить, что на протяжении всей войны одним из основных направлений деятельности российской военной периодической печати была подготовка материалов, показывающих связь фронта и тыла. Они составляли более 15% от общего объема печатной площади [6]. Публикации по данной тематике являлись необходимыми для показа воюющей армии, что она не одинока в борьбе с общим врагом, что ни одна война не обходится без убитых, раненых и покалеченных. Нижние чины и офицеры должны были быть уверены, что в случае увечья ни они, ни члены их семей не останутся один на один со своими проблемами и не будут брошены на произвол судьбы.

С первого дня боевых действий «Русский инвалид» из номера в номер публиковал материалы о создании курсов подготовки сестер милосердия, объявлял о сборе добровольных пожертвований в фонд пострадавших от войны, рассказывал о принимаемых мерах со стороны царя и правительства по облегчению жизни в тылу членов семей военнослужащих. Во всех этих мероприятиях непосредственное участие принимали члены царской фамилии, политические деятели, собственным примером доказавшие единение с народом и армией. Так, императрица Александра Федоровна и ее дочери работали медицинскими сестрами в Царскосельском госпитале, а под председательством великой княгини Елизаветы Федоровны действовал благотворительный комитет, деятельность которого была направлена на сбор средств для поддержки раненых, военнопленных, солдатских семей и беженцев. Лидер октябристов А. И. Гучков в качестве особоуполномоченного Российского общества Красного Креста занимался на фронте организацией госпиталей [7].

О большинстве проводимых мероприятий нижние чины и офицеры действующей армии подробно информировались посредством центральной, фронтовой и армейской печати. Так, в «Военной летописи» сообщалось о разработке в Министерстве народного просвещения проекта об освобождении от платы за обучение детей, чьи отцы ушли на войну. Здесь же говорилось о решении владельцев ресторанов и трактиров Петрограда о ежедневном отпуске 2000 бесплатных обедов членам семей лиц, призванных на войну [8]. «Боевые новости» писали, что на сегодняшний день только в Москве до тысячи женщин заменяют своих мужей, ушедших на фронт, в должности швейцаров, кондукторов и стрелочников, а около ста работают дворниками [9]. В сентябре 1915 г. было опубликовано положение Совета министров, разрешающее прием во все учебные заведения империи «детей лиц, несущих службу в рядах действующей армии, а равно самих участников войны, уволенных из армии из-за ранений и болезней» [10]. При этом особо отмечалось, что прием в учебные заведения данных категорий осуществляется вне конкурса, независимо от национальности и вероисповедания, а в

случае необходимости можно зачислять сверх установленных вакансий. В ноябре 1916 г. «Вестник Кавказской армии» сообщил о решении Киевской думы о выделении 15 000 рублей для закупки новогодних подарков для воинов армий Юго-Западного фронта, за что последнее выражали большую благодарность [11].

В дальнейшем, когда война приняла затяжной характер, а с фронта стало приходиться все больше инвалидов, появились материалы под рубрикой «Помощь слепым воинам», «Курсы для увечных воинов», рассказывающие об образовании в губерниях и городах попечительских советов и благотворительных курсов по подготовке сапожников, садоводов, пчеловодов, специалистов по иным направлениям, где отсутствие какой-либо конечности или полная слепота не являлись помехой для занятия любимым делом [12]. С целью социальной защиты военнослужащих, уволенных из действующей армии по здоровью, и членов их семей в январе 1916 г. был издан приказ Военного министра, обязывающий замещать в военных ведомствах в первоочередном порядке должности вольнонаемных увольняемыми в запас ранеными и увечными нижними чинами [13].

В рубрике «Вопрос – ответ», которая имела во многих военных изданиях, велась разъяснительная работа о льготах и привилегиях участникам войны и членам их семей. Публиковались списки военнослужащих, на чье имя поступила корреспонденция, но не дошла до адресата по каким-либо причинам, а также нынешние адреса родных и близких, которые были вынуждены покинуть временно оккупированную территорию [14]. Регулярно освещалась деятельность тыловых медицинских учреждений, лазаретов и госпиталей. Публиковались поздравления войскам действующей армии от членов царской фамилии, правительственных и общественных организаций, а также показывалась их работа в тылу. Так, в материале «На помощь героям» рассказывается о деятельности Георгиевского комитета. С целью улучшения социально-материальных условий жизни Георгиевских кавалеров был разработан ряд мер по увеличению пенсий, направлению кавалеров на отдых в санатории и лазареты, а для 40 000 детей героев в ряде учебных заведений были учреждены стипендии, общей суммой в 65 000 рублей. Кроме того, с целью повышения военно-патриотического воспитания народонаселения империи и пропаганды подвигов героев организовывались передвижные выставки с фотографиями и описанием подвигов кавалеров. В заключении статьи подчеркивалось, что кроме всего прочего заслуга комитета заключалась и в том, что своими работами, своей деятельностью он благотворно влиял на дух армии [15].

С целью увековечивания памяти о павших воинах в губерниях создавались братские кладбища, на могилах сооружались памятники с указанием имен героев, а народным домам присваивались имена наиболее отличившихся военнослужащих [16]. Данные факты также подробно освещались на страницах военной печати.

Подчеркивая народный характер войны в публикациях, наряду с подвигами офицеров и нижних чинов, описывался героизм и гражданского населения. Так, в издании штаба Кавказского военного округа была помещена зарисовка об ученике 6-го класса армавирской классической гимназии Сергее Панове, который под артиллерийским огнем добровольно вызвался спасти тонувших с разбитого парохода «Князь Оболенский». За свой подвиг юный герой был представлен к медали [17]. В заметке «Девушка-прапорщик» повествовалось о кавалере двух Георгиевских крестов таганрогской гимназистке прапорщике Александре Лагеревой, которая оказалась на фронте добровольно, переодевшись мужчиной. О том, что это девушка, стало известно только в киевском госпитале, куда Александра попала по ранению [18]. Рассказ В. Островского «Дочь будочника» повествовал о русской девушке Гале, жившей вместе с отцом-железнодорожником. Когда началась война, ее парня мобилизовали в армию, где он стал подрывником. В один из дней, при отступлении наших войск, Григорий зашел к невесте и, оставив взрывчатку, рассказал, как ею пользоваться. Вскоре Галина ценой собственной жизни пустила под откос неприятельский поезд [19]. В повести «Дупло филина» описывался поступок псаломщика Моси Сулия, который повторил подвиг Ивана Сусанина, заведя в полесские болота, именовавшиеся в народе «Дупло филина», около двух рот немцев, и ценой собственной жизни не дал врагу зайти в тыл наших войск [20]. И подобных публикаций в армейской и фронтовой периодической печати можно было найти множество, что, в свою очередь, благоприятно влияло на морально-психологическое состояние русских воинов и поднимало их боевой дух.

В то же время, демонстрируя неразрывную связь фронта и тыла, командование русской армии пристально следило за тем, чтобы на передовую не попадали издания различных паци-

фистских и революционных организаций, а в самой военной печати не публиковались материалы, снижающие моральный дух нижних чинов и офицеров. Так, в декабре 1914 г. в телеграмме начальнику штаба 1-й армии генерал-майору К. К. Баиову от начальника штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала от кавалерии В. А. Орановского сообщалось, что по полученным агентурным сведениям пацифистские общества, наряду с революционными кружками, стремятся использовать в больших объемах доставку печати в действующую армию, госпитали и лазареты, а также в эшелоны с войсками, с целью распространения революционных и пацифистских воззваний, вкладывая их в газеты и журналы. Главнокомандующий приказывал предупредить штабы армий, чтобы в войска не пропускали никакую печатную продукцию, «исходящую от общества «Мир» и ему подобных пацифистских организаций» [21]. В июле 1915 г., согласно приказу начальника штаба Верховного Главнокомандующего, был запрещен для высылки в войска издаваемый в Петрограде духовный листок «Сеятель» как проповедующий пацифистические идеи, а также было предписано запретить «обращение названного издания в управлениях, учреждениях и заведениях военного ведомства вне театра военных действий» [22]. В секретных телеграммах Ставки в адрес редакторов газет неоднократно указывалось о категорическом запрете печатать сведения о беженцах, забастовках и т. д. [23]

Классическим примером единения фронта и тыла, безусловно, стало наступление русской армии летом 1917 г. Еще в период его подготовки в военной периодической печати регулярно публиковались телеграммы и обращения от имени родных и близких солдат со словами поддержки позиции Временного правительства и Военного министерства по данному вопросу, а также осуждавшие такие явления в армии, как дезертирство, братание, неподчинение командирам (начальникам) и т. д. Так, в телеграмме комитета солдатских жен города Макарьева выражалась уверенность, что война будет доведена до победного конца, а дезертирство есть «результат ошибки и непонимания происходящих событий», и оно скоро прекратится [24], а орловское общество равноправия женщин обратилось к военному и морскому министру А. Ф. Керенскому с просьбой заменить на всех нестроевых должностях в тылу и на фронте мужской труд женским, а мужчин отправить на фронт [25]. А в открытом обращении детей-беженцев излагалась просьба к солдатам 2-й армии «защитить Родину своей грудью от неприятеля-немца», чтобы они, дети, «не бежали дальше, а воротились домой». В заключение солдатам давалось обещание, что если они «покорят немцев», то дети «будут хранить их старость» [26]. Накануне наступления, 28 мая (10 июня), был опубликован приказ военного и морского министра А. Ф. Керенского, в котором, на основании резолюции съезда крестьянских депутатов звучал призыв «вести активную защиту страны, не останавливаться перед жертвами, поднять боевую силу армии... защитить революционную Россию и трудовое крестьянство...» [27].

В свою очередь фронт обратился к тылу с призывом: «Крестьяне – накормите ваших защитников; рабочие – укрепите силы вашей армии; не бывшие на фронте – завоюйте вступлением в ряды защитников-солдат свое право на равное участие в будущем счастье России...» [28] Подобные обращения возымели действие, и уже вскоре в Центральный комитет по организации добровольческой революционной армии стали поступать заявления от целых трудовых коллективов с просьбой о формировании из них ударных частей [29].

Благодаря высокому агитационно-пропагандистскому накалу большая часть солдат и офицеров, пошедших 18 июня в наступление, глубоко верила, что это их патриотический долг и от их усилий зависит скорейшее приближение мира. Это событие называлось в печати не иначе, как «великим и радостным днем в истории молодой русской революционной армии» [30]. Военная пресса регулярно публиковала материалы, показывающие единый порыв на фронте и в тылу, ликования населения городов Российской империи по поводу начавшегося наступления. В частности, сообщалось, что известие о наступлении произвело в тылу сильное впечатление. В Петрограде, Саратове, Могилеве, Чернигове прошли многотысячные манифестации, в Москве были организованы сборы денежных средств в пользу семейств «полков 18 июня», а в Киеве эшелоны с ранеными встречали с оркестром [31]. Необходимо отметить, что сбор средств в пользу «полков 18 июня» и семей погибших героев был одним из характерных примеров данного периода, о чем сообщали многие издания. При этом распределялись пожертвования не только в тылу, но и на фронте [32]. Военнослужащие и члены их семей со страниц военной печати благодарили за помощь всех тех, кто не остался безучастным к их проблемам и нуждам [33].

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении всей Первой мировой войны центральная, фронтовая и армейская периодическая печать являлась одним из основных средств взаимосвязи фронта и тыла и мощным средством поднятия морально-психологического состояния и боевого духа военнослужащих русской армии.

Примечания

1. Рабочие движения в 1914 и 1915 годах // Военная летопись. 1916. № 222.
 2. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: Ист. очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. М.: Наука, 2002. С. 360–361.
 3. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2006. С. 374.
 4. Там же. С. 374–375.
 5. Русский инвалид. 1914. № 159.
 6. Подсчитано автором.
 7. Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 364.
 8. Отношение русского народа к войне // Военная летопись. 1914. № 3.
 9. Женщины-служане // Боевые новости. 1915. № 30.
 10. Военная летопись. 1915. № 157.
 11. Солдату в окопы // Вестник Кавказской армии. 1916. № 10.
 12. Помощь слепым воинам // Известия штаба XII армии. 1916. № 144; Курсы для увеченных воинов // Наш вестник. 1917. № 282.
 13. Известия штаба XII армии. 1916. № 151.
 14. Разыскиваются близкие // Армейский вестник. 1915.
 15. На помощь героям // Вестник Кавказской армии. 1917. № 23.
 16. Известия штаба XII армии. 1916. № 151, 197.
 17. Вестник Кавказской армии. 1917. № 2.
 18. Девушка-прапорщик // Наш вестник. 1915. № 9.
 19. Островский В. Дочь будочника // Армейский вестник. 1917. № 454.
 20. Дупло филина // Известия штаба XII армии. 1916. № 224.
 21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1003.
- Л. 10.
22. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2116. Л. 1.
 23. РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1001. Л. 482; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 899. Л. 100, 113.
 24. Известия армейского комитета 5-й армии. 1917. № 6.
 25. Известия армейского комитета XI армии. 1917. № 25.
 26. Открытое обращение детей-беженцев к солдатам 2-й армии // Армейский голос. 1917. № 9.
 27. Известия армейского комитета XI армии. 1917. № 25.
 28. К моменту // Известия армейского комитета 5-й армии. 1917. № 48.
 29. Война и мир. 1917. № 16, 38.
 30. Наступление революционной армии // Русский инвалид. 1917. № 143.
 31. Отголоски наступления // Вестник Румынского фронта. 1917. № 25; Голос солдата. 1917. № 58, 61.
 32. Война и мир. 1917. № 19, 36; Известия армейского комитета 5-й армии. 1917. № 46; Голос солдата. 1917. № 63.
 33. Голос солдата. 1917. № 77.

Notes

1. *Rabochie dvizheniya v 1914 i 1915 godakh* [Workers movement in 1914 and 1915] // Military annals. 1916, № 222.
2. *Mirovye vojny XX veka: v 4 kn. Kn. 1: Pervaya mirovaya vojna: Ist. ocherk* [World Wars of the XX century: 4 vol. Vol. 1: The First World War: Hist. essay] / resp. ed. G.D. Shkundin. Moscow: Nauka. 2002. Pp. 360-361.
3. Golovin N.N. *Rossiya v Pervoj mirovoj vojne*. [Russia in the First World War]. Moscow: Veche. 2006. P. 374.
4. Ibid. P. 374-375.
5. *Russkij invalid* - Russian invalid. 1914, № 159.
6. Calculated by the author.
7. *Mirovye vojny XX veka* [World wars of the XX century]. Book 1. P. 364.
8. *Otnoshenie russkogo naroda k vojne* [Attitude of the Russian people to war] // *Voennaya letopis'*- Military annals. 1914, № 3.
9. *ZHenshchiny sluzhane* [Women-warriors] // *Boevye novosti* - Martial news. 1915, № 30.
10. *Voennaya letopis'*- Military annals. 1915, № 157.
11. *Soldatu v okopy* [To the soldiers in the trenches] // *Vestnik Kavkazskoj armii* - Herald of Caucasian Army. 1916, № 10.

12. *Pomoshch' slepym voenam* [Help blind soldiers] // *Izvestiya shtaba XII armii* - News of Staff of XII Army. 1916, № 144; *Kursy dlya uvechennykh voinov* [Courses for mutilated soldiers] // *Nash vestnik* - Our bulletin. 1917, № 282.
13. *Izvestiya shtaba XII armii* - Proceedings of the XII Army Staff. 1916, № 151.
14. *Razyskivayutsya blizkie* [Wanted relatives] // *Armejskij vestnik* - Military Gazette. 1915.
15. *Na pomoshch' geroyam* [To help the heroes] // *Vestnik Kavkazskoj armii* - Herald of Caucasian Army. 1917, № 23.
16. *Izvestiya shtaba XII armii* - Proceedings of the XII Army Staff. 1916, № 151, 197.
17. *Vestnik Kavkazskoj armii* - Bulletin of the Caucasian Army. 1917, № 2.
18. *Devushka praporshchik* [Girl Ensign] // *Nash vestnik* - Our bulletin. 1915, № 9.
19. Ostrovsky V. *Doch' budochnika* [Daughter of policeman] // *Armejskij vestnik* - Military Gazette. 1917, № 454.
20. *Duplo filina* [Owl hollow] // *Izvestiya shtaba XII armii* - News of Staff of XII Army. 1916, № 224.
21. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 2106. Op. 1. D. 1003. Sh. 10.
22. State Archives of the Russian Federation. F. 579. Op. D. 2116. Sh. 1.
23. RGVIA. F. 2106. Op. 1 D. 1001. Sh. 482; F. 2048, Op. 1. D. 899. Sh. 100, 113.
24. *Izvestiya armejskogo komiteta 5 j armii* - Proceedings of the Army Committee of the 5th Army. 1917, № 6.
25. *Izvestiya armejskogo komiteta XI armii* - Proceedings of the Army Committee XI Army. 1917, № 25.
26. *Otkrytoe obrashchenie detej bezhentsev k soldatam 2 j armii* [Open treatment of refugee children to the soldiers 2nd Army Army] // *Armejskij golos* - Military voice. 1917, № 9.
27. *Izvestiya armejskogo komiteta XI armii* - Proceedings of the Army Committee XI Army. 1917, № 25.
28. *K momentu* [By the time] // *Izvestiya armejskogo komiteta 5 j armii* - Proceedings of the committee of 5th Army. 1917, № 48.
29. *Vojna i mir* - War and Peace. 1917, № 16, 38.
30. *Nastuplenie revolyutsionnoj armii* [The onset of the revolutionary army] // *Russkij invalid* - Russian invalid. 1917, № 143.
31. *Otgoloski nastupleniya* [Echoes of offense] // *Vestnik Rumynskogo fronta* - Bulletin of the Romanian front. 1917, № 25; *Golos soldata* - The voice of the soldier. 1917, № 58, 61.
32. *Vojna i mir* - War and Peace. 1917, № 19, 36; *Izvestiya armejskogo komiteta 5 j armii* - Proceedings of the Army Committee of the 5th Army. 1917, № 46; *Golos soldata* - The voice of the soldier. 1917, № 63.
33. *Golos soldata* - The voice of the soldier. 1917, № 77

УДК 908 Краеведение

О. Ю. Казакова

Война под стук колес: роль железных дорог в жизни прифронтовой Орловщины

Орловская губерния находилась относительно далеко от полей боев Великой войны, но была связана с ней стратегически важными железными дорогами. Благодаря им мирное течение жизни русской провинции изменилось коренным образом – война буквально приехала в нее по железной дороге. Вокзалы и железнодорожные станции стали центрами жизни прифронтовой Орловщины. Они обростали колоссальной инфраструктурой складов с продовольствием, боеприпасами и военной продукцией местных предприятий, сортировочными пунктами и госпиталями, бараками и столовыми для беженцев, новобранцев и демобилизованных, больных и пленных. Железная дорога являлась для орловских обывателей источником информации о войне, живой картинкой и мерилем ее тягот, способом реализации их патриотических порывов и одним из средств самообеспечения в условиях растущего в годы войны товарного и продовольственного дефицита.

The Oryol province was rather far from fields of fights, but it was connected with the front by strategically important railroads. Thanks to them the slow course of life of the Russian province changed radically – the war literally arrived to it by rail. Railway stations became the centers of life of towns. They acquired enormous infrastructure of warehouses with the food supplies, ammunition and military production of the local enterprises, of sorting centers and hospitals, of barracks and dining rooms for refugees, recruits and ex-serviceman, sick and prisoners of war. The railroad was for the Oryol inhabitants a source of information about this war, a true illustration and an instrument of perception of its burdens, a possibility for realization of their patriotic feelings and one of means of survival in the conditions of growing during the war goods and food deficit.

Ключевые слова: Орловская губерния, железная дорога, вокзалы, раненые, беженцы, военнопленные.

Keywords: Oryol province, railroad, stations, wounded, refugees, prisoners of war.

Железные дороги – это артерии войн прошлого века, они доставляли к линии фронта войска и боеприпасы, увозили в тыл жертв войны – раненых и беженцев. В 1914–1918 гг. военные нужды стали приоритетными для железнодорожной сети страны. Орловская губерния относилась к прифронтовой зоне и в полной мере несла нагрузку по транспортному обеспечению войны. Через губернию проходило три ветки – Риго-Орловская (от линии фронта в тыл), Орловско-Грязевская (на восток, в глубокий тыл) и Московско-Курская (со столичного севера на хлебный юг). Сеть железных дорог в регионе была вдвое плотнее, чем в среднем по Европейской части России. Тем не менее и в ней были пробелы – города Болхов, Новосиль, Малоархангельск, Трубчевск, поэтому Первая Мировая мало потревожила их провинциальный покой.

Напротив, в Орел, Брянск, Елец война приехала по «чугунке», прежде всего, в санитарных поездах. Первые раненые прибыли в Орел 20 августа 1914 г., накануне на станции развернули для них питательный пункт. Трудолюбивые «овечки» (паровозы серии ОВ) доставляли к платформам вагоны с надписями «больные», «тяжелораненые». Местные жители обступали эшелоны, заглядывали в окна и дверные проемы, чтобы поглазеть на «братьев-страдальцев», расспросить о войне. Воспитанник Орловской духовной семинарии В. Полянский вспоминал: «Я посмотрел в окно и увидел страшное, измученное лицо солдата. Мне вдруг стало стыдно своего любопытства и того, что я, полный сил и здоровья, не могу помочь этим страдальцам». К радости орловцев, раненые первых санитарных поездов лежали в хороших люльках, со свежими повязками [1].

На вокзале Брянска сложилась критическая ситуация. В день поступало по 1,5–2 тыс. раненых, которых подобрали на поле боя и без перевязок неделю везли в тыл. Раненые стонали и мучились, сбежавшаяся на станцию любопытная публика – негодовала.

Первыми на помощь раненым пришли профессиональные спасатели – пожарные. Они кормили их прямо в вагонах, выгружали на носилках на перрон, на своем транспорте перевозили в город. Вскоре инициативу перехватили общественные комитеты.

В среднем на станцию Орел прибывало 10–15 санитарных поездов в месяц, но после жестоких боев можно было ожидать 40–45 эшелонов по 400–500 человек в каждом. Обычно поезда приходили за полночь, на разгрузку давался час. Бригада врачей и санитаров сортировала раненых, а добровольцы из горожан развозили их по госпиталям. Орловское трамвайное общество переоборудовало два вагона под пять коек каждый и проложило ветку к платформе, забирая раненых прямо из вагонов.

Наиболее масштабную и активную деятельность развернул всероссийский Союз городов. В Орле он организовал распределительный госпиталь в свежестроенных у железнодорожной станции бараках. Раненых и больных приносили сюда прямо с поезда, здесь их сортировали для отправки в специальные госпитали: холерных и тифозных – в «заразный госпиталь», легкораненых – в городские больницы, офицеров и тяжелораненых снова грузили на поезд, увозивший их в глубокий тыл, в Саратов. Орловские врачи боролись за честь лечить героев войны, старались оставить себе всех пациентов, поэтому тыловые санитарные поезда часто простаивали порожняком.

Другую группу пассажиров составляли беженцы. Первая мировая война согнала с насиженных мест 5 млн человек. В губернии осело более 50 тыс. беженцев (5 тыс. – в Орле, 11 тыс. – в Ельце), еще больше проследовало транзитом. Всего за войну вокзал губернского центра повидал почти полмиллиона беженцев [2]. Первая большая беженская волна накрыла губернию летом – осенью 1915 г., ее подняло поражение русской армии на германском фронте. В ту пору через Орел проходило по 10–15 поездов в сутки.

Беженцы делились на три категории. Во-первых, чиновники и персонал эвакуированных подальше от фронта предприятий. Во-вторых, «выселенцы» – жители прифронтовой зоны, организованно отселяемые в глубь России. Среди них преобладали семьи, часто неполные, с маленькими детьми. Многие из них ненадолго задерживались на вокзале. В ожидании пересадки или «окна» в расписании военных эшелонов они, как птицы на ветках, рассаживались на рельсах запасных путей. Третья группа – «свободные беженцы», нигде и никем не учтенные. Они втекали в город шумной голодной толпой в поисках крова, пищи и работы.

14 сентября 1914 г. был образован Комитет попечения о беженцах вел. княгини Татьяны Николаевны, он аккумулировал государственные деньги и частные пожертвования. Орловское отделение Татьянинского комитета открыло на вокзале врачебно-продовольственный пункт. Там беженцев раз в день кормили гречневой или пшенной кашей с салом, черным хлебом, поили сладким чаем. Дополнительно детям полагалось молоко, а больным – хлеб [3]. Союз земств и городов открыл на вокзалах губернии свои питательные пункты с обедами и кашей на ужин, в Орле за его столы садилось по 900 человек ежедневно. В Брянске кружок питания беженцев (98 горожан-волонтеров) также на вокзале подкармливал 700–800 человек в день. Но благотворители не могли накормить толпы беженцев. Орловский губернатор С. С. Андреевский пытался направить беженцев в обход губернии, плакался начальству на орловское бесхлебье и бездорожье. Местные жители в целом сочувствовали несчастным, жертвовали муку, чай и сахар, но называли «саранчой» «свободных беженцев», которые тaborами останавливались на дорогах и в деревнях, объедали окрестные поля и сады, вырубали рощи и парки на дрова, выкашивали луга для своей скотины.

Опасность для местного населения представляло и состояние здоровья беженцев. Они ехали в поездах очень скученно, много дней, семьями. Если заболели в пути, то родственники прятали их в вагонах, таким образом распространяя тиф и холеру. Больных принудительно снимали с поезда, для их изоляции на орловском и брянском вокзалах построили «разные» бараки.

К фронту по железной дороге спешили составы с мобилизованными. Их провожали и даже сопровождали часть пути родственники, жены и невесты.

Распроклятый паровоз, куда милого повез?
Распроклятая машина, куда милого сташшыла!
Распроклятый тот вокзал, куда милого девал? – причитали они.

Сознание призывников быстро менялось, надев форму, они воспринимали себя особенными, «государственными людьми», что обернулось настоящим бедствием для придорожных сел, поселков, станций и вокзалов. По пути новобранцы выскакивали из вагонов и грабили «на дорожку» земляков. По их словам, они хотели лишь «правильных» проводов в армию – веселых и хмельных.

Дело в том, что до войны призывникам предоставлялся целый месяц праздности и гуляний. Теперь же их спешно отправляли на фронт, да еще официально ввели «сухой закон». Уже 19 июля 1914 г. самая первая партия мобилизованных из города Трубчевска численностью в тысячу человек разграбила винные лавки в четырех селах, а затем напала на транспорт с водкой. На следующий день по той же дороге гнали новую партию призывников, которая обчистила оставшиеся лавки, устроила пьяную драку и поножовщину. Власти, разобравшись в проблеме, дали новобранцам три дня на «правильные» провода.

Осенью 1915 г. из-за бюрократических проволочек ехавших на фронт мобилизованных не обеспечили питанием. Тогда они сами добыли еду в придорожных поселках. Зрелище было поистине устрашающим, когда с поездов с криками «Ура!» сыпались злые, голодные мужики и кидались к крестьянским домам. 13 сентября на станции Навля Карачевского уезда получили телеграмму от соседей: «Остерегайтесь, едут громилы!» Лавочник два дня просидел в лесу, бросив товар на разграбление. Так как пассажирам следующих эшелонов мало что досталось, они в раздражении побили стекла в домах. Осенью 1915 г. орловские станции и полустанки сильно пострадали от ратников, местное население боялось солдатских эшелонов [4].

Железнодорожные станции становились свидетелями темных сторон жизни и тыловых армейских частей. В тесном общении с местными жителями резервисты теряли дисциплину, ходили в самоволки, пьянствовали. На вокзалах они пытались сесть на проходящие поезда и уехать домой либо просто подальше от войны. Их притягивали пристанционные беженские и госпитальные бараки. Солдаты хотели женской ласки, но нравы провинциальных городов были строги. На вокзалах же собирались неприкаянные люди со всей страны, временно обитало много одиноких свободных женщин – беженок и медсестер, именно здесь солдаты находили себе компанию.

Через орловский железнодорожный узел проходил интенсивный грузовой поток – оружие, обмундирование, продовольствие, техника, топливо.

Промышленный потенциал нашего большого, близко расположенного к фронту, густонаселенного региона был невелик. Орловская губерния – глубоко аграрный край, 90% ее жителей проживало в деревне. До войны промышленность губернии занималась переработкой, привязанной к местному сельхозпроизводителю.

Орловщина имела крупный промышленный кластер в Брянске – Мальцовские железоделательный, стекольный, вагоностроительный, рельсопрокатный, механический заводы. В годы войны эти предприятия переключились на производство снарядов, гранат, вагонов, проволоки, ножниц для резки проволоки, гвоздей, колес, зарядных ящичков, повозок, мин, стекла, телефонных изоляторов, топоров, лопат, подков.

Практически не пришлось перепрофилироваться Брянскому арсеналу. До войны он снабжал артиллерию лафетами, ящичками, повозками, упряжью, теперь занялся ремонтом орудий [5].

Мелкие предприниматели (кустари) составляли большинство ремесленного населения губернии. Они также хотели участвовать в военных поставках, брались за государственные заказы, в основном, по изготовлению технологически простого снаряжения и упаковки (коробок, мешков и ящичков, упряжи и телег, инструмента для земляных и плотницких работ). Однако изготовление даже обычных предметов (повозок, подков, топоров) наталкивалось на высокие военные стандарты. Еще сложнее кустарям давалось производство боеприпасов – им не хватало навыков и оборудования. Из-за этого частники, набрав поначалу госзаказов, отказывались от них. Тем не менее их помощь фронту была весомой. Например, в 1916 г. они выковали более 150 тыс. подков (что составило, правда, лишь 10% от госзаказа), зато снарядов изготовили на 10 тыс. больше плана.

Обыватели горели желанием принести пользу фронту. Крестьяне, отправляя на запад продовольствие, не испытывали проблем с удовлетворением этого патриотического чувства. Другое дело городская публика – чиновники, интеллигенция, молодежь, а главное – дамы-домохозяйки и девицы. В Первую мировую они объединялись в комитеты, общества и кружки, брали небольшие военные заказы, связанные с недорогой ручной работой. Например, Мценский Дамский комитет изготавливал земляные мешки, Орловский Дамский комитет – противогазовые маски.

Основные характеристики военных поставок губернии – широкий ассортимент, технологическая простота и стабильность. Орловцы производили военную продукцию и в воодушевляющем 1914-м, и в полном горечи поражений 1915-м, и в уставшем от войны 1916-м, и даже в революционном 1917-м они подготовили к отправке на фронт 40 тыс. гранат, 50 тыс. лопат, 200 тыс. подков [6].

Тем не менее трудового энтузиазма наших земляков оказалось недостаточно для бесперебойного снабжения фронта. Главной проблемой тыла стала логистика: транспортный коллапс на железной дороге и «вагонный голод», то есть острая нехватка подвижного состава. Чтобы отправить на фронт произведенную продукцию, орловские власти запретили принимать грузы, а значит предприятия остались без сырья и топлива. Из-за этого заводские мощности оказались не загруженными, начал срываться план военного производства. Например, в 1915 г., получив госзаказ на пять тысяч повозок, орловцы изготовили чуть больше половины. За вторую половину 1916 – начало 1917 г. по некоторым позициям удалось выполнить менее 10% заказа, многие предприятия полностью остановились.

В годы войны губерния являлась крупным центром размещения запасных частей Московского военного округа. До войны здесь квартировали гусарские и пехотные полки – около 20 тыс. человек. В 1914 г. все они отправились сражаться. Взамен Орловщина приняла на постой запасные части и дружины государственного ополчения. Они несли караульную службу, охраняли военнопленных, правительственные учреждения и коммуникации. К 1917 г. на территории региона находилось почти 75 тыс. военных. Им отвели заводские и фабричные цеха, построили бараки. Сибирская стрелковая бригада разместилась в Орле в частных домах в Черкасской слободе, Лужках и Половце. Части, расквартированные в городских гарнизонах, как правило, комплектовались из местных жителей (ратников 2-го разряда). Они не отрывались от прежней жизни, самовольно покидали казармы, были недисциплинированными, а самое главное – совершенно не хотели отправляться на фронт. Для разлагавшихся запасников железная дорога стала злочастным местом для спекуляции военным обмундированием и алкоголем.

Таким образом, не пострадав непосредственно от Первой мировой войны, Орловский край принес ей значительные материальные и человеческие жертвы. Благодаря урожайным годам, терпению и трудолюбию обезлюдевшей от мобилизаций деревни поставки продовольствия на фронт были регулярными и обильными. Провинциальные города, не имея больших промышленных предприятий, производили кустарным способом военную продукцию с высокой долей ручного труда. Однако было бы преувеличением называть трудовые усилия орловцев времен Первой мировой героическими, сравнивать с Великой Отечественной войной. Речь идет скорее об энтузиазме, реализация которого была ограничена скромным производственным потенциалом губернии и, конечно, параличом железнодорожного сообщения.

Через губернию шли поезда с военнопленными, особенно после Брусиловского прорыва 1916 г., когда наши войска нанесли сокрушительный удар по Австро-Венгрии. Всего за войну в Россию попало 2 млн 300 тыс. пленных. Наши земляки отнеслись к пленным благожелательно, те и сами не чувствовали себя угнетенными, хотя ехали в тесноте, в товарных вагонах. Вокзальные зеваки научились различать поезда с пленными по цвету и звуку. Если из вагонов раздавались смех, песни, в окошки выглядывали улыбающиеся лица, значит прибыли чехи. Если пассажиры носили светло-серую форму и кепи с уголками, то с фронта привезли австрийцев. Наконец, мрачная тишина и злобная ругань вагонов с пленными в темной, сизого цвета форме и фуражках с узким околышем означали прибытие на станцию немцев [7]. В 1914–1915 гг. поезда с пленными проходили транзитом в Туркестан, однако в 1916 г. из-за дефицита рабочих рук часть из них привезли обратно, в Орловскую губернию.

Многочисленные военные перевозки с фронта и к нему настолько забили региональную железнодорожную сеть, что население нашей тыловой губернии начало действительно испытывать тяготы войны.

Острота экономического кризиса имеет простое человеческое измерение – доступность продуктов и товаров первой необходимости. Горожане и отчасти крестьяне давно попали в зависимость от импорта продовольствия. Когда-то Орел был крупнейшим речным перевалочным пунктом хлебной торговли между Украиной и Центральной Россией. С постройкой железной дороги во второй половине XIX в. хлебная пристань на Оке захирела. В начале XX в. хлеб прибывал в город по чугунке из Сибири, Поволжья, Предкавказья, с Юга России. К 1915 г. транспортный коллапс обернулся дефицитом почти всех продуктов питания [8]. Если с продовольствием в аграрном регионе ситуация казалась трудной, но не катастрофической, то с отоплением была беда. Большинство домов в городе имели печное отопление, в месяц только Орел потреблял 49 вагонов угля. Война принесла острейший топливный голод, цены на дрова выросли в четыре раза, люди топили заборами, мебелью, навозом, опилками, гречневой лузгой.

Не менее острым был информационный голод. Провинция жаждала новостей с фронта. Столичные газеты доставлялись в Орел по железной дороге. За час-два они раскупались горожанами. В деревне «газетный голод» ощущался сильнее. Крестьяне приходили к железнодорожному полотну выпрашивать газеты у пассажиров.

Таким образом, железные дороги стали для жителей региона главным средством связи с фронтом, свидетельством далекой войны и мерилom ее размаха и тягот. Городские вокзалы и железнодорожные станции превратились в человеческие муравейники. Только при вокзале губернского центра были построены четыре барака для раненых, бараки для беженцев, для тех и других открыты питательные пункты и «заразные» бараки. Добавим транзитных новобранцев и пленных, отпускников и демобилизованных, командировочных и дезертиров, окочалчивающихся зевак и спекулянтов. На время войны вокзалы стали настоящими центрами провинциальных городов.

На Орловском железнодорожном вокзале стоит «овечка» – тот самый знаменитый революционный паровоз ОВ. В отсутствии каких-либо мемориальных объектов он может отчасти считаться памятником Первой мировой войны.

Примечания

1. Полянский В. Воспоминания семинариста // Орловские епархиальные ведомости. 1914. № 36. С. 5.
2. Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.
3. Устав Всероссийского общества попечения о беженцах. Пг.: [Б.и.], 1915. 44 с.

4. Крайкин В. В. Первая Мировая война в сознании провинциальных обывателей (июль 1914 – сентябрь 1915 гг., по материалам Орловской губернии). URL: <http://statehistory.ru/2370/Pervaya-Mirovaya-voyna-v-soznanii-provintsialnykh-obyvateley--iyul-1914---sentyabr-1915-gg---po-materialam-Orlovskoy-gubernii> (дата обращения 05 апреля 2014).

5. История Брянского края. XX век / под ред. В. В. Крашенинникова. Клинцы: Изд. Клинцовской гор. тип., 2004. 320 с.

6. Букалова С. В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты: дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. 318 с.

7. Мусатов И. Д. Записки и воспоминания. Орел: [Б.и.], 1959. С. 15.

8. Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX века и железнодорожная статистика. М.: Алетея, 2010. 848 с.

Notes

1. V. Polyansky *Vospominaniya seminarista* [Memories of seminarian] // *Orlovskie eparkhial'nye vedomosti* - Oryol diocesan statements. 1914, № 36, p. 5.

2. Kurtsev A.N. *Bezhtensy Pervoj mirovoj v Rossii (1914–1917)* [Refugees of the 1st World war in Russia (1914-1917)] // *Voprosy istorii* - Questions of history. 1999, № 8, pp. 98-113.

3. *Ustav Vserossijskogo obshchestva popecheniya o bezhtensakh* - The Constitution of the Russian Society of care to refugees. Pg.: [BI]. 1915. 44 p.

4. Kraykin V.V. *Pervaya Mirovaya vojna v soznanii provintsial'nykh obyvatelej (iyul' 1914 – sentyabr' 1915 gg., po materialam Orlovskoj gubernii)* [First World War in the minds of the provincial inhabitants (July 1914 – September 1915., Based on materials of the Oryol province)]. Available at: <http://statehistory.ru/2370/Pervaya-Mirovaya-voyna-v-soznanii-provintsialnykh-obyvatelej-iyul-1914-sentyabr-1915-gg-po-materialam-Orlovskoy-gubernii> (date accessed 5 April 2014) (in Russ.).

5. *Istoriya Bryanskogo kraja. XX vek* [History of the Bryansk region. The twentieth century] / ed. V. V. Krasheninnikov. Kliny: Kliny town typography Publ. 2004. 320 p.

6. Bukalova S.V. *Orlovskaya guberniya v gody Pervoj mirovoj vojny: sotsial'no ehko-no-mi-cheskie, organizatsionno upravlencheskie i obshchestvenno politicheskie aspekty: dorevoljutsionnyj period: iyul' 1914 – fevral' 1917 goda: dis. ... kand. ist. nauk* [Orel province during the First World War: economic-social, organizational, administrative and socio-political aspects: pre-revolutionary period: July 1914 - February 1917: dis. Candidate hist. sci]. Orel. 2005. 318 p.

7. Musatov I. D. *Zapiski i vospominaniya* [Notes and memories]. Orel: [BI]. 1959. P. 15.

8. M.A. Davydov *Vserossijskij rynek v kontse XIX – nachale XX veka i zheleznodorozhnaya statistika* [All-Russian market in the late XIX - early XX century and the railway statistics]. Moscow: Aletheia. 2010. 848 p.

УДК 94(100) «1914/19»

А. Е. Андреев

Влияние Первой мировой войны на функционирование местных административных учреждений (на примере Тверской губернии)

Эта статья посвящена изменениям в функционировании тверских местных учреждений Министерства внутренних дел в годы Первой мировой войны. Отказ власти от реформирования местного управления после Первой русской революции способствовал углублению кризиса российской государственности. Возросшие нагрузки со стороны тыловых служб, забота о беженцах, попечение и обеспечение военнопленных, помощь действующей армии снаряжением и лечение раненых, решение вопросов размещения эвакуированных учреждений и запасных войск – все эти задачи практически одновременно должны были решаться местными учреждениями или при их активном участии. Власти не удалось найти необходимое соотношение полномочий между центральными и местными учреждениями, военными и гражданскими структурами в условиях военного времени, что стало одним из важных факторов в обострении кризиса всей системы управления Российской империи накануне Февральской революции 1917 г.

This article is devoted to changes in the functioning of the Tver local institutions of the Ministry of internal Affairs in the years of the First world war. The refusal of the government from reforming local governance after the First Russian revolution contributed to the deepening crisis of Russian statehood. Increased pressures from logistics services, caring for refugees, care and provision of prisoners of war, the use of the army in the equipment and the treatment of the wounded, the decision of questions of accommodation of the evacuated institutions and spare troops – all these tasks practically simultaneously should be handled by local institutions or with their active participation. The authorities failed to find the necessary balance of powers between central and local institutions, military and civilian institutions in wartime, and that has become one of the important factors in aggravation of the crisis of the whole system of management of the Russian Empire on the eve of the February revolution of 1917.

Ключевые слова: Первая мировая война, административные учреждения, тыл.

Keywords: The First world war, administrative agencies, the rear.

Рассматривая административные учреждения Тверской губернии, мы подразумеваем учреждения ведомства Министерства внутренних дел, имевшие наибольшее влияние на положение дел в губернии. Высшим должностным лицом Тверской губернии с 15 апреля 1906 г. по февраль 1917 г. служил Николай Георгиевич Бюнтинг, опытный чиновник, до назначения в губернию бывший Эстляндским губернатором.

В статье проанализированы нагрузки, возложенные на губернатора и чиновников вышеперечисленных административных учреждений в связи с объявлением Тверской губернии с 24 июля 1914 г. на положении чрезвычайной охраны [1]. Согласно последнему, губернатор имел право прекращать любые народные, общественные и частные собрания, распоряжаться о закрытии торговых или промышленных заведений. На основании его распоряжения полиция могла брать под арест длительностью до одного месяца граждан даже по подозрению в участии деятельности преступных сообществ. Министерством внутренних дел было предоставлено право высылки за пределы Тверской губернии политически неблагонадежных лиц. Нарушители обязательных постановлений подвергались штрафу до 3000 рублей либо аресту на срок до трёх месяцев. С 26 июля было запрещено проводить чтения и лекции без разрешения губернатора [2].

Однако полномочия высшего должностного лица не стали безграничными. Например, губернатор, как и ранее, не мог отстранять от должности чиновников ведомств не МВД. Такие вопросы решались в соответствии с установленным порядком [3].

2 августа циркуляром губернатор Н. Г. Бюнтинг предлагал уездным исправникам и полицмейстеру г. Твери, на основании телеграммы начальника Генерального штаба от 30 июля 1914 г., для подавления «...особо серьезных беспорядков обращаться к местному начальнику гарнизона с требованием командирования войск» [4].

Возникали дополнительные сложности для деятельности губернатора и подчинённых ему учреждений, связанные с разделением полномочий между гражданскими и военными властями. Так, до начала Первой мировой войны все уезды Тверской губернии подчинялись Московскому военному округу. С приближением фронта к центру Российской империи 12 уездов к октябрю 1915 г. были переподчинены следующим военным округам и объявлены на военном положении:

1. Осташковский уезд – к Двинскому военному округу.
2. Зубцовский, Новоторжский, Ржевский и Старицкий уезды – к Минскому военному округу.
3. Бежецкий, Весьегонский, Вышневолоцкий, Калязинский, Кашинский – к Петроградскому военному округу.
4. Тверь и уезды Тверской и Корчевский – к Московскому военному округу [5].

Постановления командующих военными округами распространялись на жителей указанных уездов, что означало двойное обязательное подчинение – губернаторской власти и военному ведомству. При приближении линии фронта к властным полномочиям местной администрации и военных округов добавлялась юрисдикция командующих фронтами: «...все части войск управления и учреждения, расположенные ныне в присоединяемых уездах, остаются в подчинении тех главных начальников округов, в ведении коих они состояли до этого присоединения, имея в виду что часть войск и управления Московского округа будут в те-

чение месяца выведены из пределов присоединяемых уездов. ...В указанных новых пределах военные округа театра войны распределяются между фронтами следующим образом: Минский и Двинский подчиняются главнокомандующему армиями Северного фронта, Минский округ – Главнокомандующему Западного фронта, Киевский округ – главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта» [6]. Это порождало весьма существенные управленческие трудности, в общем, весьма характерные для империи в целом.

Командовавшие фронтами также имели право издавать обязательные постановления, например, для Осташковского уезда 2 декабря 1915 г. были изданы ограничения и предостережения относительно средств связи [7]. Лица, виновные в нарушении обязательных постановлений командующих фронтами, могли, по их решению, выселяться на все время войны из местностей, входящих в район военных действий.

Несмотря на пересечение нескольких форм власти на некоторых территориях Тверской губернии рассматриваемого периода, наибольшими полномочиями и ответственностью обладал губернатор и аппарат МВД. В соответствии с правилами о местностях, состоящих на военном положении и в состоянии чрезвычайной охраны, тверской губернатор Н. Г. Бюнтинг издавал обязательные постановления по самым различным вопросам. Все проблемы решались через канцелярию губернатора, в связи с этим было открыто особое делопроизводство по делам военного времени, в 1914 г. были введены в состав три сверхштатных (старший и два младших) чиновника особых поручений при губернаторе [8].

Вопросы мобилизации, следовавшей сразу после начала войны, входили в компетенцию Губернского по воинской повинности присутствия. Призывные компании удавались, в структуре и функциях учреждения изменений не обнаружено.

На местную администрацию была возложена нагрузка по поддержке семей ратников, призванных на фронт. Так, в первые дни войны, одновременно с началом мобилизации (2–23 июля 1914 г.), в «Тверских губернских ведомостях» было опубликовано несколько сообщений для ратников от управления по воинской повинности. Они извещали, что по закону 25 июня 1912 г. семейства нижних чинов запаса и ратников ополчения, призванных по случаю войны на действительную службу, будут получать от казны пособие [9]. Губернатор Н. Г. Бюнтинг сообщал, что выдача пособий будет производиться в сельских местностях подлежащими волостными правлениями, а в городах – городскими управами [10]. Размер пособия на каждую семью определялся установленным в законе порядком [11].

Последовавшие систематические мобилизации повлекли сокращение рабочих сил, и многие крестьянские хозяйства губернии потеряли возможность нормального существования. Помощь семьям мобилизованных на фронт в период Первой мировой войны была обязанностью местной администрации. По приказу губернатора для оказания помощи городские и земские органы создавали попечительские комитеты и комиссии для сбора сведений о нуждающихся семьях, анализировали условия их проживания и составляли списки действительно нуждающихся. Оказываемая таким семьям поддержка заключалась в бесплатной выдаче посевных семян и удобрений, в предоставлении бесплатного права пользования инвентарём прокатных и зерноочистительных пунктов, в помощи при выполнении наиболее важных сельскохозяйственных работ, например при уборке урожая.

Поддержке семей мобилизованных способствовали также опубликованные в «Тверских губернских ведомостях» воззвания губернатора. В сообщении от 5 августа 1914 г. Н. Г. Бюнтинг предлагал «...миром прийти на помощь таким семьям и всю тяжёлую работу взять на себя. Прошу Вас обращаться к своим земским начальникам за разъяснениями – они укажут, как и что надо делать...» [12] 25 марта 1915 г. губернатор просил «...как и прошлой осенью, пусть каждое сельское общество, каждая волость немедленно соберется на сходах, обсудит и решит, кто из оставленных своими кормильцами семей в чём нуждается и как им помочь. Если встретите затруднение, обращайтесь к своим Земским начальникам за разъяснениями – они укажут, как и что надо сделать» [13]. Все жалобы на угнетение семей воинов направлялись губернатору. Другим направлением поддержки семей мобилизованных была поддержка тех, чьи родные попали в плен. Так, при Тверском губернском комитете Всероссийского Земского Союза в ноябре 1915 г. образовался кружок, поставивший себе целью приходить на помощь лицам, желавшим послать письмо, деньги или посылку нашим воинам, томящимся в плену, писанием на почте адресов на немецком языке [14]. Впоследствии этот кружок расширился до отдела помощи русским военнопленным при Тверском Губернском Комитете

Всероссийского Земского Союза. Задачи этого отдела состояли в широком ознакомлении населения с мерами облегчения участи находящихся в плену солдат и офицеров и способами сношения с ними [15].

Упомянув Всероссийский земский Союз, необходимо отметить, что с началом Первой мировой войны в обязанности местной администрации была включена помощь действующей армии. Для снабжения бельём и одеждой лазаретов, госпиталей и раненых воинов ряд мероприятий был проведён местным отделением Красного Креста под председательством губернатора. Уже 28 июля в «Тверских губернских ведомостях» было опубликовано воззвание, предлагавшее гражданам оказывать помощь местному отделению Красного Креста [16]. В годы войны были сформированы новые государственные и общественные структуры для решения проблем переживаемого страной периода. Роль местных органов, как правило, выполняли губернские земские управы. Так, в Твери губернский комитет Всероссийского земского союза по снабжению армии вооружением и снаряжением был учреждён 1 августа 1915 г., а Тверской Городской союз был образован 2 августа 1914 г. Последний оборудовал госпитали и организовал курсы медсестер, открывал убежища для увечных воинов. В ходе войны Городской союз расширил свою компетенцию от заведования военно-санитарным делом до снабжения армии всем необходимым [17]. Функции Земского и Городского союзов совпадали, и в июле 1915 г. были учреждены объединённые органы – Главный комитет по снабжению армии (Земгор), его губернские, городские и уездные комитеты в рамках деятельности земских и городских управ.

Проблемой, которая, по мнению многих исследователей, явилась одной из основных причин Февральской революции, была дороговизна и нехватка продовольствия. Обеспечение населения продовольствием в условиях Первой мировой войны было одной из первоочередных задач.

Изучение деятельности Тверской губернской администрации и органов земского и городского самоуправления в ходе решения продовольственного вопроса с начала Первой мировой войны до Февральской революции позволяет предположить, что сперва внимание правительства и местных органов власти было обращено на значительное повышение уровня цен товаров первой необходимости. Причиной считалось завышение цен торговцами, и против этого был направлен ряд мероприятий, которые не принесли результатов. Одновременно с высокой инфляцией выявилось отсутствие на рынке империи доступных запасов продуктов первой необходимости, основным из которых являлся хлеб. Нарушение порядка в торговле и промышленности произошло вследствие проблем с доставкой грузов. Приоритет отдавался военным грузам. Логично, что задержки в провозе частных грузов лишали власть возможности делать запасы продовольствия в центрах сосредоточения торговли или массового потребления. Запрет вывоза хлеба из отдельных губерний и из Сибири усугубил кризис продовольствия.

План закупочной деятельности, разработанный осенью 1916 г. в Министерстве земледелия, мешал ведению продовольственной операции в Тверской губернии. В соответствии с ним органы местного самоуправления губернии лишились полномочий по закупке продуктов в производящих их губерниях. Хотя даже приписка к Тверской губернии производительных губерний несколько не гарантировала доставку требуемых продуктов, о чём сказано выше.

Общая причина продовольственных затруднений России в годы Первой мировой войны заключалась в самой системе государственной власти. Выработка продовольственного плана Министерством земледелия, повлекшая запрет инициативы земств, перегруженность железнодорожной сети, за которой последовала невозможность доставки грузов в губернию, призыв земских специалистов по аграрному делу, остановивший развитие земледелия, вместе с основной причиной – направлением на театр военных действий основных производственных сил – влекли обострение продовольственного вопроса, вплоть до угрозы голода. К реквизициям крупного рогатого скота и повышению цен добавились изъятие 10% лошадей и сокращение посевных площадей к 1916 г. на 12,5%.

Учитывая изученные автором материалы, можно предположить, что многие обязательные постановления, изданные в рассматриваемый период губернатором, не помогали в решении продовольственного вопроса и цены росли, сперва по прихоти торговцев, а затем из-за того, что грузы не доставлялись. Село придерживало продукты, а город голодал, не-

смотря на усилия уполномоченного по продовольственному делу в Тверской губернии В. Ф. Гаслера, являвшегося одновременно и руководителем Губернской земской управы.

Во время Первой мировой войны, помимо решения вопросов и проблем местного населения, в функции местных учреждений вошли устройство войск, обеспечение беженцев и вопросы содержания военнопленных. Перечисленными категориями занимался Губернский распорядительный комитет. К 27 июля 1915 г. в г. Тверь было направлено свыше 10 000 человек [18], в конце 1915 г. ожидалось прибытие в губернию до 100 тысяч беженцев. При тверском обществе сельского хозяйства была образована комиссия по выяснению условий и организации помощи беженцам [19]. 11 сентября 1915 г. была сделана первая попытка регистрации беженцев, прибывших в Тверь и временно разместившихся в железнодорожном доме при станции [20]. 13 сентября в Твери в пользу беженцев был произведен сбор вещей и денег, для чего по городу разъезжали фуры [21]. 14 сентября в доме Клюпфель (наб. реки Волги, 2-й дом от угла Трехсвятской улицы) открылось справочное бюро труда для беженцев. Здесь можно было бесплатно получать справки о лицах разных профессий, предлагающих свой труд [22].

Среди беженцев, размещенных в городских и наемных помещениях, распространялись инфекционные заболевания. Причинами распространения болезней предположительно были плохое питание, страшная скученность, антисанитария и наступившие осенние холода и ненастья [23]. В связи с этим 3 сентября 1915 г. из Твери отправлена вниз по Волге партия беженцев около 300 человек, которые были высажены частью в Корчеве, остальные в Кимрах и Калязине. Баржу буксировал казенный пароход [24]. В начале октября 1915 г. беженцев стали расселять в Тверском уезде. К 10 октября было расселено более 700 человек. На Тверской железнодорожной станции беженцев ожидали готовые подводы от земства. Места для поселения беженцев заранее намечались особыми уполномоченными. На содержание беженцев выделялось земством из казенных сумм по шесть рублей на каждого взрослого и по три рубля в месяц – на малолетних. За квартиру платили по 1 рублю 50 копеек в месяц с человека с готовым отоплением [25].

Можно предположить, что главноуправляющий Особым совещанием по устройству беженцев знал о вышесказанном, и следующие направленные в Тверскую губернию 22 тысяч беженцев со станций Минск, Псков, Полоцк и Починок сразу перевозились по железной дороге в Сонково, Бежецк, Удомлю, Максатиху, Красный Холм, Панино, Высокую Осугу и Старицу – по 1500 человек в каждый пункт, и во Ржев, Торжок и Кашин – по 3000 человек [26].

Учитывая предложения комиссии по делам беженцев, к 1916 г. Особым совещанием по устройству беженцев отпущено Тверскому Городскому Комитету по устройству беженцев 53 000 руб. на устройство в г. Твери: 1) заразной больницы для беженцев на 100 кроватей; 2) особого барака для жилья 100 чел.; 3) столовой на 100 чел. и устройство бани. Местным отделением Городского союза были ассигнованы необходимые средства для устройства больницы незаразных больных-беженцев на 50 чел. в д. Святогоров за Тверцой [27].

Направление в губернию большого числа военнопленных германской, австрийской и турецкой армий усложнило обстановку. Если охраной и снабжением военнопленных занималось военное ведомство, то помещения для их проживания предоставлялись местной властью. Например, предписанием губернатора по Распорядительному комитету от 30 ноября 1914 г. предложено было Осташковскому городскому голове подыскать помещение для военнопленных, не менее чем на 100 чел. [28] Согласно донесению местного уездного исправника военнопленные заняли здание 4-го начального училища. Когда их отправили дальше, оно опять стало училищем [29]. Единой системы подсчета пленных в Российской империи не существовало. Определить численность военнопленных в Тверской губернии в ходе исследования не получилось, известно лишь количество их на 1 февраля 1917 г., которое составляло почти 15 тыс. чел. Чуть менее половины военнопленных (6272 тыс.) поступали в распоряжение земских управ, в распоряжении Министерства земледелия находилось всего 1135 чел. Земские и городские управы могли передавать военнопленных на время для проведения определенных работ, например, в сентябре 1915 г. Тверская уездная земская управа удовлетворила просьбу Натальи Львовны Римской-Корсаковой о передаче ей для разработки леса на дрова 200 военнопленных на два месяца [30].

Жизнь и быт военнопленных контролировались организациями Красного Креста. В августе 1916 г. была проведена инспекция тверских лагерей датской делегацией Крас-

ного Креста. Другая комиссия, в составе австрийской княгини, сестры милосердия Крой Дюльмен, представителя датской армии капитана Кригера (тут же взятых под наблюдение российской контрразведкой) и российских деятелей Красного Креста, ознакомилась с положением военнопленных на Морозовской фабрике. В ноябре 1916 г. был произведен осмотр барачных военнопленных в Кашине, Калязине, Бежецке и при железных дорогах [31].

Контроль за военнопленными доставлял определённые неудобства для губернской администрации в плане материальном, но еще более в патриотическом состоянии населения. Добрые отношения с военнопленными местного населения, уклонения военнопленных от работ (необходимо отметить, что местное население также направлялось на работы по строительству оборонительных сооружений и иногда пыталось от них уклониться), достойные условия жизни военнопленных ухудшали отношение населения к войне, представляли её совсем не так, как планировали представить власть и правительство. К деятельности местных административных учреждений добавились заботы о распределении военнопленных, их проживании и использование в качестве рабочей силы.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что структура административных учреждений Тверской губернии практически не изменилась, лишь было образовано первое особое делопроизводство по делам военного времени канцелярии Тверского губернатора. Состав служащих губернских правительственных учреждений также не изменился, но земские учреждения лишились отправленных на фронт узких специалистов в области сельского хозяйства. Во второй половине 1915–1916 гг. служащие местного самоуправления и многочисленные земские служащие увеличили свои усилия по перестройке всех сфер, которым это было необходимо, для нужд войны. В годы Первой мировой войны в Тверской губернии появились общественные учреждения и организации, деятельность которых была направлена на решение проблем военного времени. Однако усилия таких организаций не имели значения для сплочения общества. Губернатором издавались десятки обязательных постановлений, но в этот раз попытка выйти из кризиса через повышение административного влияния не сработала в условиях военного времени, ведь в противоправительственное движение были вовлечены широкие слои населения, а не отдельные группы. Был введён «сухой закон». Автор имеет смелость предположить, что именно запрет употребления алкоголя, наложивший на все трудности «трезвый взгляд», с учётом неспособности правительства искать компромиссы, как, впрочем, и не проведённая реформа местного управления, привели к событиям февраля 1917 г., за которыми последовали свержение монархии и постепенное разрушение «царского» государственного аппарата.

Примечания

1. Тверские губернские ведомости. 1914. № 60. С. 1.
2. ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 20212. Л. 7.
3. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1968. С. 224.
4. ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 20212. Л. 14.
5. ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 27967. Л. 18.
6. ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 27967. Л. 10.
7. Тверские губернские ведомости. 1915. № 102. С. 1
8. Адрес-календарь Тверской губернии на 1914 год.
9. Тверские губернские ведомости. 1914. № 58. С. 1.
10. Тверские губернские ведомости. 1914. № 60. С. 1.
11. Там же.
12. Тверские губернские ведомости. 1914. № 66. С. 1.
13. Тверские губернские ведомости. 1915. № 25. С. 1.
14. Тверской листок. 15.11.1915. № 13. С. 4.
15. Тверской листок. 29.11.1915. № 15. С. 3.
16. Тверские губернские ведомости. 1914. № 64. С. 1.
17. *Ерошкин Н. П.* Указ. соч. С. 262263.
18. Тверские губернские ведомости. 1915. № 57. С. 1.
19. Тверской листок. 23.08.1915. № 1. С. 4.
20. Тверской листок. 13.09.1915. № 4. С. 2.
21. Там же.
22. Там же.

23. Тверской листок. 18.10.1915. № 9. С. 3.
24. Тверской листок. 20.09.1915. № 5. С. 3.
25. Тверской листок. 11.10.1915. № 8. С. 2.
26. Тверской листок. 18.10.1915. № 9. С. 5.
27. Тверской листок. 31.01.1916. № 19. С. 2.
28. ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 27825. Л. 201.
29. Там же. Л. 122.
30. ГАТО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1. Л. 4. Подлинник; Опубл.: Тверской край в XX веке. Вып. 2. С. 121–122.
31. Тверская губерния в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг. : сб. документов. Тверь: Изд-во ООО «РЭД», 2009. С. 22.

Notes

1. *Tverskie gubernskie vedomosti* - Tver Provincial Gazette. 1914, № 60, p. 1.
2. State Archive of Tver region (GATO). F. 56. Op. 1. D. 20212. Sh. 7.
3. Eroshkin N.P. [History of public institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Higher. sch. 1968. P. 224.
4. GATO. F. 56. Op. 1. D. 20212. Sh. 14.
5. GATO. F. 56. Op. 1. D. 27967. Sh. 18.
6. GATO. F. 56. Op. 1. D. 27967. Sh. 10.
7. *Tverskie gubernskie vedomosti* - Tver Provincial Gazette. 1915, № 102, p. 1
8. Address calendar of Tver province for 1914.
9. *Tverskie gubernskie vedomosti* - Tver Provincial Gazette. 1914, № 58, p. 1.
10. *Tverskie gubernskie vedomosti* - Tver Provincial Gazette. 1914, № 60, p. 1.
11. Ibid.
12. *Tverskie gubernskie vedomosti* - Tver Provincial Gazette. 1914, № 66, p. 1.
13. *Tverskie gubernskie vedomosti* - Tver Provincial Gazette. 1915, № 25, p. 1.
14. *Tverskoj listok* - Tver leaf. 15/11/1915, № 13, p. 4.
15. *Tverskoj listok* - Tver leaf. 29/11/1915, № 15, p. 3.
16. *Tverskie gubernskie vedomosti* - Tver Provincial Gazette. 1914, № 64, p. 1.
17. Eroshkin N.P. Op. cit. P. 262-263.
18. *Tverskie gubernskie vedomosti* - Tver Provincial Gazette. 1915, № 57, p. 1.
19. *Tverskoj listok* - Tver leaf. 08/23/1915, № 1, p. 4.
20. *Tverskoj listok* - Tver leaf. 13/09/1915, № 4, p. 2.
21. Ibid.
22. Ibid.
23. *Tverskoj listok* - Tver leaf. 18/10/1915, № 9, p. 3.
24. *Tverskoj listok* - Tver leaf. 20/09/1915, № 5, p. 3.
25. *Tverskoj listok* - Tver leaf. 11/10/1915, № 8, p. 2.
26. *Tverskoj listok* - Tver leaf. 18/10/1915, № 9, p. 5.
27. *Tverskoj listok* - Tver leaf. 01/31/1916, № 19, p. 2.
28. GATO. F. 56. Op. 1. D. 27825. Sh. 201.
29. Ibid. Sh. 122.
30. GATO. F. 111. Op. D. 1. Sh. 4. The original; Published: *Tverskoj kraj v XX veke* - Tver Region in the XX century. Is. 2, pp 121-122.
31. *Tverskaya guberniya v gody Pervoj mirovoj vojny. 1914–1918 gg. : sb. dokumentov* [Tver Province during the First World War. 1914-1918: digest of documents]. Tver: LLC "RED" Publ. 2009. P. 22

К вопросу о строгости наказания за коррупционные преступления, вызывающие широкий общественный резонанс и рост социальной напряженности*

В статье автором исследуются состояние и проблемы повышения эффективности противодействия коррупции в современной России, дается анализ применяемых мер уголовно-правового характера и предлагается установление дифференцированной уголовной ответственности за коррупционные преступления и назначение наказания по аналогии с кратными штрафами в зависимости от статуса преступников в иерархии государственных служащих. Предлагается рассчитывать кратность наказания для высокопоставленных должностных лиц в зависимости от тяжести наступивших негативных последствий для системы государственной власти и влияния их деяний на рост социальной напряженности. Вносится предложение по проведению мероприятий, ведущих к понижению социального статуса коррупционеров и повышающих негативные последствия осуждения как реальных, по мнению автора, способов снизить преступную мотивацию у данной категории преступников.

In the article the author investigates the status and problems of increasing the effectiveness of combating corruption in contemporary Russia, the analysis of implemented measures of criminally-legal character, and proposed to establish a differentiated criminal responsibility for corruption crimes and sentencing by analogy with multiple fines depending on the status of criminals in the hierarchy of public servants. It is proposed to calculate the ratio of punishment for senior officials depending on the severity of the ensuing negative consequences for the system of state power and influence of their acts on the growth of social tension. A proposal for holding the events leading to the lowering of the social status of corruption and increasing the negative effects of condemnation, as real, in the author's opinion, ways to reduce criminal motivation in this category of criminals.

Ключевые слова: коррупция, уголовно-правовые меры, ущерб от коррупции, социальная напряженность, механизм преступного поведения, предупреждение преступности.

Keywords: corruption, criminal law measures, the damage from corruption, social tension, the mechanism of criminal behavior, crime prevention.

За тысячелетия попыток удержать людей от совершения преступлений государство и общество испробовало огромное количество различных средств, включавших отрезание рук вора и сжигание еретиков на кострах, публичное четвертование и «ссылку в Сибирь», угрозы страшной карой «на том свете», объявление «врагами народа», конфискацию имущества и т. д. и т. п. Эта же картина отмечается и в сфере противодействия коррупции.

При этом до сих пор каждая страна применяет свой набор мер воздействия, считая именно их наиболее эффективными в сложившихся условиях, в т. ч. включая смертную казнь и допустимость провокации взятки.

Применительно к России сегодня проблема, на наш взгляд, состоит в том, что, во-первых, всеми признается крайне неблагоприятное состояние дел в сфере противодействия

* Данная статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА); НИР «Защита прав и интересов организаций и граждан: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминологический аспект: состояние, проблемы, пути совершенствования. Общее состояние и региональная специфика», проект № 2.2.1.3.

коррупции, что свидетельствует о неэффективности принимаемых мер воздействия и необходимости поиска новых подходов.

Например, рассматривая ситуацию с применением кратных штрафов за взятки, Президент В. В. Путин на заседании Президентского совета по противодействию коррупции в октябре 2013 г. наряду с уже привычными цифрами многомиллиардных хищений и взяток отметил, что штрафов коррупционерам за первые полгода в 2013 г. начислили 20 млрд, а те возместили лишь 20 млн рублей [1]. Что касается наказаний в виде лишения свободы, было сказано, что в первой половине 2013 г. за получение взяток осуждены почти 700 человек, и только 8% взяточников получили реальные сроки лишения свободы и т. д.

Во-вторых, сегодня сложилась такая ситуация, что в нормативных документах не закреплены объективные показатели этой самой эффективности и критерии оценки результатов «борьбы за отчетный период», что позволяет должностным лицам на местах прикрываться формальными показателями возбужденных уголовных дел и т. п., не добиваясь нормализации обстановки в целом и уходя от принятия давно назревших решений [2].

При всей множественности сторон обозначенных проблем, в данной статье предполагается остановиться лишь на одной составляющей системы мер противодействия коррупции – тяжести назначаемых судами мер в соответствии с положениями действующего Уголовного кодекса.

Ориентируясь на цели уголовного законодательства – исправление преступников, недопущение новых преступлений, восстановление социальной справедливости [3], зададимся принципиальным вопросом – можно ли всего этого достичь в отношении коррупционера?

При всей очевидности положительного ответа, базирующегося на том, что это образованный человек, выросший не в нищете, не «испорченный пребыванием в колониях», не наркоман и не алкоголик и т. д., каким является среднестатистический современный преступник, на наш взгляд, следует иметь в виду, что его личность, скорее всего, также сформировалась в «криминогенно неблагополучной семье», где с детства проповедовался эгоизм, вседозволенность, «исключительность», уверенность во всевластии денег, расчете на связи родителей и т. д.

Будет ли такой человек после осуждения и, например, выплаты кратного штрафа, вернувшись через установленный сегодня законом, например, двухлетний срок запрета на госслужбу, вновь вымогать «откаты» и т. д. – сегодня не имеет однозначного ответа.

С криминологических позиций здесь, на наш взгляд, следует, прежде всего, посмотреть на уголовно-правовые и криминологические характеристики личности. Одно дело – разовая взятка за устройство ребенка в школу или разовое хищение бюджетных средств для решения возникшей финансовой проблемы. Другое дело – систематическое вымогательство «откатов», планомерное организованное хищение многомиллионных сумм в ущерб программам социально-экономического развития. Это уже по традиционным подходам – профессиональный вор – рецидивист, стойко ориентированный на требования криминальной субкультуры. Как известно, в последние годы высокопоставленные коррупционеры расхищали деньги пенсионного фонда, ФОМСа, ЖКХ и т. д., в результате чего пострадали сотни тысяч и миллионы возмущенных граждан.

Как известно, во время прямой линии 17.04.2014 г. один из позвонивших посоветовал Президенту расстрелять несколько сотен таких казнокрадов. На наш взгляд, в ответ Президентом было совершенно правильно сказано, что дело не в тяжести, а в неотвратимости наказания коррупционеров [4].

В связи с этим возникает вполне естественный вопрос, что для коррупционера-казнокрада считать «неотвратимым наказанием», которое должно бы его исправить, остановить других и считаться социально справедливым?

Для «начинающего казнокрада-коррупционера», попавшегося на первой же взятке, по нашему мнению, может быть для предотвращения рецидива и будет достаточным всего того, что сегодня предусмотрено антикоррупционным законодательством. А вот для тех, кто систематически получает «откаты» [5], планирующего криминальные и реализующего многоходовые схемы и «попавшегося» на последней взятке, кратный штраф не будет ощущаться как постигшая его справедливая кара. Не пугает и не остановит и перспектива лишения свободы, по сегодняшним подходам, на достаточно небольшой срок.

Хотя здесь, по нашему мнению, следует согласиться с недавним предложением Генпрокурора России Ю. Чайки ввести безальтернативное лишение свободы для коррупционеров [6] как своеобразный «отрезвляющий фактор».

В то же время, на наш взгляд, следует пойти дальше и, проводя аналогию с «криминальными авторитетами», профессиональными преступниками, живущими, как и «закоренелые коррупционеры», совершенно по другим, «своим нравственным законам», представляется обоснованным считать, что самым страшным наказанием для них будет являться перспектива «потери статуса» или «опускания вниз по социальной лестнице».

Коль скоро «профессиональный коррупционер» [7] – это «интеллигентный уважаемый человек, привыкший к высокому уровню жизни и общественному статусу», представляется, что его бы очень запугала и остановила безвариантная перспектива «попадания в низы общества».

Даже перспектива обязательной конфискации имущества для опытного коррупционера менее пугающая, так как имеется масса вариантов сохранить собственность и средства на последующую безбедную жизнь. А вот эффективной была бы, по нашему мнению, «кара» в виде ссылки по типу наказания в свое время «декабристов» – тоже из «верхов общества» – надолго в Сибирь без права выезжать в крупные города и за границу, в регионы «без газа, дорог, элитной медицинской помощи (ФАПов и томографов), с соседями, живущими на минимальные зарплаты, пенсии и т. д. – т. е. с «простым народом»».

Вариантом было бы еще и условие проживать не в привычном элитном особняке, например, после условного осуждения, а в «общем бараке», как сегодня в соответствии с УИК обозначены условия отбывания наказания в виде обязательных работ, которые, как представляется, и было бы более целесообразным назначать именно коррупционерам.

Шагом в этом направлении, на наш взгляд, было бы включение коррупционных составов в ч. 4 ст. 73 УИК РФ, дающую основание направлять преступников для отбывания наказания в иные регионы, а не по месту жительства. Следует отметить, что сегодня и без того наказание в виде обязательных работ предполагается отбывать в регионах, где есть большая потребность в рабочей силе [8].

Применение же обязательной конфискации имущества нами рассматривается как целесообразный, но дополнительный аспект реализации принципа социальной справедливости.

По нашему мнению, такие особые меры воздействия могут быть мотивированы следующими соображениями.

Во-первых, мы пытаемся решить задачу борьбы с коррупцией, которая теоретиками относится к категории «неформализованных задач», в принципе не имеющих однозначного решения. Всё, что предлагается автором, используется сейчас в ряде зарубежных стран или использовалось ранее, показало свою эффективность и не противоречит международным принципам гуманизма и равенства.

Давайте попробуем, посмотрим пару лет на результаты, а потом сохраним или отменим.

Во-вторых, такой набор наказаний предлагается использовать только для тех коррупционеров, кто, если образно выразиться, посягнул на права сотен тысяч и миллионов законопослушных граждан. Это не просто вор, укравший у конкретного гражданина, а вор, укравший уплаченные налоги у огромного количества бедных граждан. У тех, кто со своих мизерных зарплат отчислял по 13% в бюджет на социальные проекты, а коррупционер взял да и потратил их на собственную дачу или отдых за границей. Любой расхититель бюджетных средств запускает руку именно в эти деньги.

Другой коррупционер не менее аморален – он за взятки «закрывает глаза» на беспредел преступников, разрешает отравлять воду и воздух опасными производствами, пропускает через таможенню вредные товары и просроченные продукты, вполне осознанно оставил сотни тысяч больных без лекарств, томографов, расхитил деньги на детское питание и т. д.

Для таких коррупционеров, по нашему мнению, было бы полезным ввести что-то типа оценочного определения «враг народа» как основания для более строгого наказания, как раньше обозначалась повышенная общественная опасность лица, признаваемого в установленном законом порядке «рецидивистом».

Что-то близкое к такому подходу видится, на наш взгляд, в принятом в последнее время основании для отстранения Президентом от должности высокопоставленного чиновника «в связи с утратой доверия» [9]. Это может пониматься так, что он подрывает авторитет того, кто его назначил (Президента), не понимает государственных задач и в итоге может принести еще больший ущерб интересам общества и государства.

Как представляется, такой же подход целесообразно распространить и на оценку деяний и назначение наказаний коррупционерам, поставив их в прямую зависимость от уровня объекта посягательства.

Сегодня криминологи под объектом посягательства при взятке понимают, прежде всего, авторитет власти [10], при этом понятно, что для общества и государства не имеет большого значения, какую взятку получил чиновник – 5 или 500 тыс. рублей.

Как справедливо указано в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 г «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», взяточничество посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие [11].

Первый вывод из этого – кратность штрафов, если их применять, целесообразно рассчитывать не только и не столько от суммы взятки, а, прежде всего, от ущерба (аналогично и по другим коррупционным преступлениям).

Второй вывод – ущерб целесообразно определять комплексно, на первое место поставив подрыв авторитета власти. Можно бы ввести что-то типа «повышающего коэффициента» – санкция умножается на 10, если чиновник подрывает авторитет Президента, когда тот его назначил, на 5, если члена Правительства, на 3 – губернатора и т. д.

Что-то подобное, как представляется, сегодня уже предусмотрено при определении наказания по ряду квалифицированных составов в ст. 285 и 290 УК РФ.

Как не так давно в интервью с уверенностью в своей правоте высказался Е. К. Лигачев, «в советское время за взятку в 1500 руб. мы расстреляли зам. министра рыбной промышленности!» [12]. Потому что он бросил тень на Власть, на Правительство, на Партию. И дело совершенно не в количестве полученных денег.

Еще одним показателем ущерба от коррупционного преступления, требующего применения «кратности наказания», представляется целесообразным установить существенный рост социальной напряженности [13] как недовольства населения действиями (бездействием) представителей власти. Например, как известно, в 2013 г., предполагая, что за взятку чиновник разрешает вести экологически вредные разработки, массы недовольных граждан разгромили оборудование фирмы «ненавистных олигархов» в Воронежской области [14], предполагая, что за взятку должностные лица «закрывают глаза» на действия незаконных мигрантов и «волокият расследование убийства», недовольные массы вышли на массовые протесты в Бирюлёво [15] и т. д.

Предлагаемый подход при его воплощении в жизнь и публичном освещении неминуемо должен бы привести к появлению такого сдерживающего фактора, как общественное осуждение в связи с аморальностью поступка и «потерей статуса». Какая уважающая себя фирма возьмет на работу осужденного за коррупцию «врага народа», который оставил бедных сирот без продуктов, горожан – без тепла, а больных – без лекарств?

Как сказал высокопоставленный полицейский из Германии на встрече со студентами одного из вузов в г. Кирове, «если кого-то у нас уволят за коррупцию, то ни одна уважающая себя фирма его не примет на работу, чтобы “не потерять лицо и доверие покупателей”» [16].

И то, что в ведущих европейских странах коррупция в разы ниже, чем в России, связано не с «традициями россиян воровать и давать взятки», а с отлаженной там годами через пробы и ошибки системой мер, которые совершенно не лишним было бы применить и в наших условиях.

Как представляется, предлагаемые меры соответствуют духу Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 г «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», где предписывается «обратить внимание судов на необходимость исполнять требования закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания лицам, совершившим коррупционные преступления с использованием своего служебного положения, учитывая при оценке степени общественной опасности содеянного содержание мотивов и целей, значимость обязанностей, которые были нарушены, продолжительность преступных действий (бездействия), характер

и тяжесть причиненного вреда, другие фактические обстоятельства и данные о личности виновного» [17].

На наш взгляд, необходимость поиска дополнительных путей повышения эффективности противодействия коррупции вытекает и из указаний Президента России В. В. Путина, сделанных 21 марта 2014 г. на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ. Глава государства отметил, что нужно скорректировать законодательство в области профилактики правонарушений, напомнив, что к этой теме государство обращалось неоднократно и прилагались немалые силы для выстраивания соответствующей единой государственной системы. «Пришло время обновить ряд положений, составляющих “законодательный каркас” этой системы», – указал Президент [18].

Примечания

1. URL: <http://www.newstube.ru/media/putina-ne-ustraivaet-myagkoe-antikorrupcionnoe-zakonodatelstvo>
2. Кабанов П. А. Правовое регулирование антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации на муниципальном уровне // Мониторинг правоприменения. 2013. № 2. С. 38–43 и др.
3. URL: <http://www.zakonrf.info/uk/43/> Ст. 43 УК РФ.
4. Прямая линия с Владимиром Путиным. URL: <http://ria.ru/politics/20140417/1004257587.html#13979227734953&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>
5. Глава Энгельсского района «зарабатывал» в день миллион рублей // Комсомольская правда. 2010. 3 дек.
6. URL: <http://news.mail.ru/politics/18009293/?frommail=1>
7. По нашему мнению, следует уточнить, что речь идет об используемом криминологами для таких преступников понятии «криминологический рецидив», где учитывается, прежде всего, умышленное совершение лицом множества преступлений, например получение десятков и сотен взяток – «откатов», при этом преступник фактически не имеет ни одной судимости, но, по сути, по своей психологии и правосознанию ничем не отличается от неоднократного «сидельца» – квартирного, карманного вора, грабителя и т. д.
8. Уголовно-исполнительный кодекс РФ. URL: <http://www.consultant.ru/popular/uikrf/>
9. Путин уволил новосибирского губернатора в связи с утратой доверия. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1340716/> и др.
10. Получение взятки муниципальным служащим: уголовно-правовые и криминологические аспекты. М.: Юрлитинформ, 2012. 296 с. и др.
11. URL: <http://www.rg.ru/2013/07/17/verhovny-sud-dok.html>
12. Егор Лизачев: «Мы расстреляли замминистра за взятку в 1,5 тысячи рублей!» // Комсомольская правда. 2010. 25 ноября – 2 дек.
13. Феценко П. Н. Социальная напряженность как аспект национальной безопасности. М.: Изд. группа «Юрист», 2006. 167 с.
14. Участники санкционированного митинга против никелевых разработок в Воронежской области в июне 2013 года в итоге сожгли оборудование «ненавистой компании». URL: <http://news.mail.ru/inregions/center/36/incident/13613015/?frommail=1>
15. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=63281>
16. Автор лично участвовал в данной встрече, прошедшей по линии Международной полицейской ассоциации.
17. URL: <http://www.rg.ru/2013/07/17/verhovny-sud-dok.html>
18. URL: <http://www.kremlin.ru/news/20624>

Notes

1. Available at: <http://www.newstube.ru/media/putina-ne-ustraivaet-myagkoe-antikorrupcionnoe-zakonodatelstvo> (in Russ.)
2. Kabanov P.A. *Pravovoe regulirovanie antikorrupcionnogo monitoringa v sub"ektakh Rossijskoj federatsii na munitsipal'nom urovne* [Legal regulation of the anti-corruption monitoring in the Russian Federation at the municipal level] // Monitoring of enforcement. 2013, № 2, pp.38-43 et al.
3. Available at: <http://www.zakonrf.info/uk/43/> Ст. 43 УК РФ. (in Russ.)
4. Straight line with Vladimir Putin. Available at: <http://ria.ru/politics/20140417/1004257587.html#13979227734953&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration> (in Russ.)
5. *Glava EHngel'sskogo rajona «zarabatyval» v den' million rublej* [Head of Engels district "earned" a million rubles per day] // Komsomolskaya Pravda. 2010, December 3.
6. Available at: <http://news.mail.ru/politics/18009293/?frommail=1> (in Russ.)
7. In our opinion, it is necessary to clarify that we are talking about concept of "criminological relapse" used by criminologists for such criminals, which takes into account, in particular, deliberate committing of plenty of crimes, such as receipt of tens and hundreds of bribes - "kickbacks", while criminal actually

does not have any criminal record, but, in fact, in its psychology and sense of justice is no different from the repeated offender - an apartment robber, a pickpocket, a robber, and so on.

8. Criminal Executive Code of the Russian Federation. Available at: <http://www.consultant.ru/popular/uikrf/> (in Russ.)

9. *Putin uvolil novosibirskogo gubernatora v svyazi s utratoj doveriya* [Putin dismissed the governor of Novosibirsk in connection with the loss of confidence]. Available at: <http://newsland.com/news/detail/id/1340716/> et al. (in Russ.)

10. *Poluchenie vzyatki munitsipal'nym sluzhashchim: ugovno pravovye i kriminologicheskie aspekty* [Bribes of municipal employees: criminal law and criminological aspects]. Moscow: Yurlitinform. 2012. 296 p. et al.

11. Available at: <http://www.rg.ru/2013/07/17/verhovny-sud-dok.html>

12. *Egor Ligachev: «My rasstrelyali zamministra za vzyatku v 1,5 tysyachi rublej!»* [Egor Ligachev: "We shot the deputy minister for a bribe of 1.5 thousand rubles!"] // *Komsomolskaya Pravda*. 2010, November 25 - December 2.

13. Feshenko P.N. *Sotsial'naya napryazhennost' kak aspekt natsional'noj bezopasnosti* [Social tensions as an aspect of national security]. Moscow: Publ. group "Yurist". 2006. 167 p.

14. *Uchastniki sanktsionirovannogo mitinga protiv nikelevykh razrabotok v Voronezhskoj oblasti v iyune 2013 goda v itoge sozhgli oborudovanie «nenavistnoj kompanii»* [Members of sanctioned rally against nickel developments in the Voronezh region in June 2013 as a result burned equipment of "hated company."]. Available at: <http://news.mail.ru/inregions/center/36/incident/13613015/?frommail=1> (in Russ.)

15. Available at: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=63281> (in Russ.)

16. The author has personally participated in this meeting, which took place through the International Police Association.

17. Available at: <http://www.rg.ru/2013/07/17/verhovny-sud-dok.html> (in Russ.)

18. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/20624> (in Russ.)

УДК 343.23

Н. Н. Рогова

Уголовная ответственность за квалифицированные виды убийства

Исследование вопросов уголовно-правовой оценки квалифицированного убийства обусловлено ростом числа актов терроризма, бандитизма и других особо тяжких преступлений, причиняющих крупный материальный ущерб либо тяжкий вред здоровью и жизни людей. Не снижается рост насильственной и корыстной преступности. Поэтому важно рассмотреть аспекты уголовной ответственности за убийство двух или более лиц и за убийство, «сопряженное» с другими преступлениями – разбоем, вымогательством, бандитизмом, изнасилованием, похищением человека.

В статье исследуются вопросы уголовно-правовой оценки убийства двух и более лиц, а также убийства, связанного с совершением других преступлений. Автор предлагает пути совершенствования норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за квалифицированные виды убийства. Рассматриваются проблемы назначения наказания по совокупности преступлений. Формулируются рекомендации по совершенствованию законодательной техники. Сформулированные в результате исследования выводы и рекомендации могут быть использованы в процессе дальнейшего совершенствования уголовного законодательства.

Research of questions of criminal-legal assessment of qualified (aggravated) types of murders is caused by growth of terroristic acts, gangsterism and other most serious crimes inflicting considerable material damage or bodily injuries. Increase in violent and acquisitive crimes goes on. That is why it's important to examine aspects of criminal liability for the murder of two and more persons, and murders connected with the commission of other crimes – robbery, extortion, gangsterism, rape, kidnapping.

The given article deals with questions of criminal-legal assessment of the murder of two and more persons, and murder connected with the commission of other crimes. The author proposes ways of improvement of norms of criminal law stipulating liability for the qualified (aggravated) types of murders. Besides the author discusses the problems of accumulative sentencing and formulates recommendations on improvement of legislative techniques. Conclusions and recommendations made as a part of this research can be used in the course of further improvement of penal legislation.

Ключевые слова: убийство, сопряженность, связанность, законодательство, квалификация, разбой, бандитизм, вымогательство, назначение наказания по совокупности преступлений.

Keywords: murder, conjugation, connectedness, legislation, qualification, robbery, gangsterism, extortion, imposition of punishment by aggregate of crimes

В ст. 2 Конституции Российской Федерации провозглашается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Поэтому одной из основных обязанностей государства является защита прав, свобод, а также, конечно, жизни и здоровья граждан. О защищенности жизни человека свидетельствует разрешение вопросов о том, какие деяния признаются опасными для жизни человека и какими являются пределы наказуемости преступлений против жизни по уголовному законодательству Российской Федерации.

В действующем уголовном законодательстве в двенадцати пунктах ч. 2 ст. 105 УК РФ регламентировано несколько видов квалифицированного убийства, за совершение которых предусмотрена одинаковая санкция.

При рассмотрении квалифицированного убийства «двух или более лиц», предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в законе за совершение как одного, так и множества убийств предусмотрена одна и та же санкция. Объясняется такая позиция тем, что за совершение любого квалифицированного убийства может быть применена, кроме лишения свободы от восьми до двадцати лет, наиболее строгая мера наказания – пожизненное лишение свободы (смертная казнь, предусмотренная в санкции статьи, как известно, в настоящее время судами не назначается) [1].

В п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [2] высказана позиция относительно такой квалификации: «В соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам ч. 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден».

Разъяснение следует понимать однозначно: сколько бы убийств, какими способами и по каким мотивам не было бы совершено виновным, наказание следует по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью.

Так, в Кассационном определении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2006 г. (дело № 46-о06-32сп) указала, что, как следует из вердикта коллегии присяжных заседателей, Е., К. и М. признаны виновными в убийстве трех лиц, и в соответствии с ч. 1 ст. 17 УК РФ в редакции от 21 июля 2004 г. квалификация оконченных убийств двух или более лиц не образует совокупности преступлений и охватывается п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поэтому квалификация действий осужденных по совокупности преступлений, предусмотренных п. п. «а», «в», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. п. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, является неправильной, приговор в этой части подлежит изменению.

Рассматривая уголовное законодательство других стран, можно сделать вывод, что мера наказания за совершение квалифицированного убийства весьма сурова. Например, в Уголовном кодексе ФРГ за особо тяжкий случай убийства (абз. 2 § 212) и за тяжкое убийство (§ 211) предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы, такая же мера наказания за совершение квалифицированного убийства определена и в ст. 576, 577 Италии [3], согласно ст. 221-2 УК Франции за умышленное убийство, которое «предшествует другому преступлению, сопровождает его или следует за ним, предусмотрено наказание в виде пожизненного уголовного заключения» [4].

Следует отметить, что санкция в виде пожизненного лишения свободы, в нормах зарубежного законодательства в отличие от УК РФ, является безальтернативной, а следовательно, более строгой.

В то же время в некоторых случаях отечественный законодатель подходит дифференцированно к ответственности за совершение преступлений против жизни двух и более лиц. В ч. 2 ст. 107 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак «убийство двух или более лиц, совершенных в состоянии аффекта», с более строгой санкцией, чем убийство одного лица. Аналогичный квалифицирующий признак содержит и ч. 3 ст. 109 УК РФ «причинение смерти

по неосторожности двум или более лицам». Поэтому в целях единообразного понимания и применения уголовного закона в судебной и следственной практике важно определить более точные способы законодательной техники при конструировании диспозиций и санкций. В частности, важно рассмотреть вопрос о дифференциации ответственности за совершение убийства одного лица и убийства «двух или более лиц».

Можно прийти к выводу, что при свершении нескольких убийств требуется квалификация по совокупности преступлений и назначение наказания за каждое совершенное преступление. Наказание в виде лишения свободы по совокупности преступлений, согласно ч. 4 ст. 56 УК РФ, может быть назначено до 25 лет, то есть более строгое, чем в санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающей наказание в виде лишения свободы от восьми до двадцати лет.

Поэтому для более эффективной защиты жизни человека предлагается исключить п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ «убийство двух и более лиц» и квалифицировать все совершенные убийства по совокупности преступлений.

В случае совершения преступлений, повлекших многочисленные жертвы, можно включить состав особо квалифицированного убийства в ч. 3 ст. 105 УК РФ убийство «множества лиц». К особо квалифицированному убийству следовало бы отнести серийные убийства, убийства при совершении террористического акта, по найму, совершенные общеопасным способом, и другие, повлекшие многочисленные человеческие жертвы. Наступившие общественно опасные последствия можно определить как убийство «пяти и более лиц». Наказание за особо квалифицированное убийство можно предусмотреть в виде лишения свободы от 15 до 20 лет, с ограничением свободы от одного года до двух лет, пожизненного лишения свободы или смертной казни. Кроме того, ч. 5 ст. 56, введенная Федеральным законом от 05.05.2014 № 130-ФЗ, предусматривает более строгое наказание в случае совокупности преступлений за совершение преступлений террористической направленности. В этом случае максимальный срок лишения свободы по совокупности преступлений не может быть более тридцати лет. По-видимому, можно предусмотреть в п. 5 ст. 56 УК РФ, кроме перечисленных преступлений террористической направленности, и особо квалифицированное убийство. Тогда при назначении наказаний по совокупности преступлений в случае совершения особо квалифицированного убийства максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет, а по совокупности приговоров – более тридцати пяти лет.

Нельзя не заметить, что ч. 3 ст. 69 УК РФ, регламентируя правила назначения наказания по совокупности преступлений, указывает лишь на окончательное наказание в виде лишения свободы, тогда как за совершение особо тяжких преступлений против жизни санкции норм уголовного права предусматривают наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни.

Поскольку возникают вопросы при назначении наказания по совокупности преступлений, можно предложить ч. 1 ст. 57 УК РФ дополнить в следующей редакции: «В случае совершения особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, при назначении наказания по совокупности преступлений, окончательное наказание назначается в виде пожизненного лишения свободы, если оно назначено судом за одно из преступлений, входящих в совокупность».

Разноречивую оценку в среде ученых и практиков вызывает квалификация убийства, сопряженного с другими преступлениями.

При рассмотрении признаков убийства, сопряженного с другими преступлениями, важно обратить внимание на способы их регламентации и законодательной техники. Из двенадцати пунктов ч. 2 ст. 105 УК РФ только два не альтернативные. Н. Ф. Кузнецова справедливо заметила, что под одной буквой статьи могут оказаться сконструированные альтернативно вовсе не однородные элементы составов. Например, в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусмотрено убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека. В действительности же «равности» и однородности этих альтернативных элементов нет. Преступления в этих нормах вовсе не альтернативны, друг друга не заменяют и должны квалифицироваться по совокупности [5].

Поэтому, прежде всего, необходимо правильное построение диспозиции нормы с точки зрения законодательной техники. По-видимому, нелогично в одном пункте ч. 2 ст. 105 УК РФ указывать несколько никак не связанных друг с другом квалифицирующих признаков.

В некоторых случаях авторы приходят к выводу, что «сопряженное» убийство надлежит квалифицировать только по п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ без ссылки на другие статьи УК РФ.

Так, Б. В. Волженкин указал на то, что законодатель при конструировании данной статьи учел совершение при убийстве другого преступления (изнасилования, разбоя, вымогательства, бандитизма), что выразилось в установлении повышенной санкции за данное преступление. Назначение самостоятельного наказания за это преступление и затем присоединение его к наказанию, назначенному за убийство, сопряженное с другим преступлением, представляет собой учтенную реальную совокупность двух преступлений, из чего следует, что содеянное подлежит квалификации только по п. «з» ч.2 ст. 105 УК РФ [6].

С. М. Кочои полагает, что квалификация по совокупности ч. 2 ст. 105 с п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ нелогична [7].

С. В. Тасаков придерживается подобной позиции, и отмечает, что предпочтительнее является квалификация по одной статье УК, так как сам факт сопряженности с иным преступлением (изнасилованием, похищением человека, разбоем и т. д.) уже является отягчающим обстоятельством и предполагает отнесение соответствующего преступления к квалифицирующим видам [8].

Совершение убийства, сопряженного с другими преступлениями, следует квалифицировать не по совокупности убийства и любого из этих преступлений, а только по соответствующим пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ, – считает А. В. Корнеева [9].

Противоположную позицию занимают другие авторы. В. Морозов и С. Дубченко полагают, что неверно рассматривать убийство, сопряженное с разбоем, как единое преступление, так как разбой представляет собой самостоятельное особо тяжкое преступление [10].

Э. Ф. Побегайло указывает, что в случаях, когда убийства «сопряжены с иным преступлением», налицо типичная совокупность (как правило, реальная) самостоятельных криминальных деяний. Квалификация совершенного преступления только по п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не охватывает содеянного полностью [11].

П. С. Яни считает, что установленное в ч. 1 ст. 17 УК РФ исключение не распространяется на совершение убийств, сопряженных с преступлениями, названными в ч. 2 ст. 105 УК РФ [12].

О необходимости применения совокупности при совершении «сопряженных» убийств шла речь во многих постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ, а ранее Верховного Суда РСФСР и СССР.

В Постановлении от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» содержится разъяснение о том, что как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Содеянное в таких случаях квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьями УК, предусматривающими ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм. Под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, следует понимать убийство в процессе совершения указанных преступлений или с целью их сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этих преступлений. Учитывая, что при этом совершаются два самостоятельных преступления, содеянное следует квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ.

Вряд ли можно согласиться, что квалификация убийства должна осуществляться по совокупности с другими преступлениями без учета признака сопряженности, т. е. по ч. 1 ст. 105 УК РФ и по соответствующей статье особенной части УК РФ (например, ч. 1 ст. 131 УК РФ), поскольку, как считает автор, факт взаимосвязи данных преступлений не может повышать их общественную опасность [13].

Дифференциация в уголовном законодательстве убийств на виды: «простое», «квалифицированное» (с отягчающими обстоятельствами) и «привилегированное» со смягчающими обстоятельствами – исторически обусловлено и появилось в отечественном уголовном праве еще в «Русской Правде». Все убийства подразделялись на совершенные в открытой, честной схватке, в сваде (во время ссоры на пиру), тайно (при совершении «злого» дела) и в разбое [14]. Уже в Соборном уложении 1649 г. все убийства, применительно к действующему законодательству, условно можно разделить на простые, квалифицированные и привилегированные.

К простому можно отнести убийство, совершенное «в драке или по пьяному делу» (ст. 69 гл. XXI Соборного уложения), убийства родителями своих детей. Данные преступления наказывались битьем кнутом и тюремным заключением. Квалифицированными видами убийств, которые карались смертной казнью, признавались посягательство на жизнь царя (этим понятием охватывалось не только оконченное убийство и покушение, но также приготовление и обнаружение умысла на убийство государя), убийство родителей, родственников, господина, мужеубийство, убийство, сопряженное с разбоем, иным насилием или кражей, убийство, совершенное ратными людьми при следовании на государеву службу или со службы [15].

Можно отметить, что и в уголовном законодательстве многих зарубежных стран – Германии, Франции, Италии, Англии, США и других – также содержится подобная дифференциация.

В п. 4 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ говорится, что по ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство, совершенное без квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, и без смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 106, 107 и 108 УК РФ (например, в ссоре или драке при отсутствии хулиганских побуждений, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений).

Поэтому убийство, сопряженное с похищением человека, разбоем, вымогательством, изнасилованием и другими преступлениями, нельзя сравнивать по степени общественной опасности с «простым» убийством и квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ хотя бы потому, что тогда нужно пересматривать определение понятия «простого» убийства.

Можно заметить, что убийства, «сопряженные» с другими преступлениями, могут совершаться различными способами (например, общеопасным, с особой жестокостью), с различными мотивами и целями (с корыстной целью, с целью скрыть другое преступление), по отношению к потерпевшему, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии и т. д. Таким образом, характер и степень общественной опасности объективных и субъективных признаков убийств, «сопряженных» с другими преступлениями, могут быть различными, но есть признак, который объединяет все виды таких убийств – они не могут относиться и никогда в истории российского уголовного права не относились к так называемому «простому» убийству.

Как справедливо отметил С. В. Тасаков, любое убийство является глубоко безнравственным явлением, но степень безнравственности зависит от вида убийства [16].

Вряд ли можно рассматривать правильной квалификацию по совокупности одного из деяний, предусмотренных ст. 126, 162, 163, 209 или 131 с ч. 1 ст. 105 УК РФ, поскольку именно факт взаимосвязи убийства с другими тяжкими и особо тяжкими преступлениями, несомненно, повышает их общественную опасность до уровня «квалифицированного».

Вместе с тем проблема возникает в том, что деяние, «сопряженное» с убийством, уже учтено в качестве квалифицирующего признака и, по мнению ученых, при квалификации по совокупности имеет место нарушение принципа справедливости. Этот принцип предусмотрен в ч. 2 ст. 6 УК РФ, которая гласит, что никто не может нести ответственность дважды за одно и то же преступление.

Поскольку убийство, «сопряженное» с другими составами, нельзя отнести ни к «простому», ни тем более к «привилегированному» составу, можно предложить ввести в ч. 2 ст. 105 УК РФ новый квалифицирующий признак убийства «в процессе совершения других преступлений». Тогда все остальные признаки, касающиеся преступлений, «сопряженных» с убийством в п. «в», «з», «к», следует исключить из ч. 2 ст. 105 УК РФ. В этом случае убийство, имевшее место в процессе совершения других преступлений (разбоя, вымогательства, изнасилования, похищения человека и других), предусмотренном ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует квалифицировать по совокупности с указанными преступлениями на том основании, что они образуют самостоятельные составы преступлений, различающиеся по объекту уголовно-правовой охраны, характеру посягательства, направленности умысла и степени опасности.

Некоторые авторы считают, что «если у лица в процессе разбойного нападения изначально возник умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, а уже затем, в процессе выполнения объективной стороны преступления в виде нападения, сопряженного с опасным для здоровья насилием, возник новый умысел, уже на причинение смерти потерпевшему, то в этом случае рассматриваемые деяния должны квалифицироваться по рекомендованным в п. 22 Постановления правилам: по п. “з” ч. 2 ст. 105 и п. “в” ч. 4 ст. 162 УК» [17].

Следует отметить, что, по-видимому, логично было бы оценивать только те квалифицирующие признаки преступлений, «сопряженных» с убийством, которые характеризуют объективную сторону этих деяний. Например, в случае разбойного нападения могут быть вменены такие квалифицирующие признаки, как совершение разбоя с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, с причинением крупного или особо крупного размеров ущерба. Квалифицирующий признак, предусмотренный п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего) в случае совершения убийства этого же потерпевшего вменять виновному нельзя, поскольку, как правильно заметил Н. Бабий, в итоге один и тот же потерпевший оказывается убитым и одновременно тяжело раненым [18]. Такие же правила следует применять при квалификации и других «сопряженных» с убийством деяний.

Можно прийти к выводу, что факт взаимосвязи убийства с другими тяжкими и особо тяжкими преступлениями, несомненно, повышает общественную опасность такого преступления до уровня «квалифицированного».

Квалификация тяжких и особо тяжких преступлений по совокупности с убийством, предусмотренным ч. 2 ст. 105 УК РФ, является справедливой, поскольку подчеркивает как повышенную общественную опасность убийства, имеющего место в процессе совершения других преступлений, так и наиболее полно отражает объективные и субъективные признаки любого другого преступления, «сопряженного» с убийством.

Примечания

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П. URL: <http://www.legis.ru/misc/doc/6039/>

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 7, от 03.04.2008 № 4, от 03.12.2009 № 27). URL: «КонсультантПлюс».

3. Уголовное право зарубежных стран. Общая и особенная части: учебник для магистров / под ред. Н. Е. Крыловой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2013. Сер.: Магистр. С. 852, 922.

4. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головкин, Е. Н. Крылова; пер. с фр. и предисл. Н. Е. Крыловой. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2002. С. 171.

5. Кузнецова Н. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. 2000. № 1. С. 26.

6. Волженкин Б. В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1999. № 12.

7. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2009. С. 227.

8. Тасаков С. В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2008. С. 79.

9. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / под ред. А. И. Рарога. М.: ТК Велби: Изд-во Проспект, 2008. С. 131.

10. Морозов В., Дубченко С. Особенности квалификации убийств, сопряженных с разбоем, вымогательством или бандитизмом // Уголовное право. 2007. № 4. С. 53.

11. Побегайло Э. Ф. Нерадостный юбилей // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 3.

12. Яни П. С. Сопряженность не исключает совокупности // Законность. 2005. № 2. С. 27.

13. Павлов А. С. Убийство, сопряженное с изнасилованием // Российский следователь. 2007. № 1. С. 15.

14. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. С. 47.

15. Соборное уложение 1649 г. Текст и комментарии. Л., 1987. С. 23.

16. Тасаков С. В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2008. С. 65.

17. Русанов Г. А. Квалификация убийства, сопряженного с разбоем // Законность. 2013. № 11. С. 50.

18. Бабий Н. Принципы построения уголовного закона и квалификация преступлений // Уголовное право. 2006. № 3. С. 4.

Notes

1. The judgment of the Constitutional Court on February 2, 1999 № 3 P. Available at: <http://www.legis.ru/misc/doc/6039/> (in Russ.)

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court dated 27.01.1999, № 1 "On judicial practice in cases of murder (article. 105 of the Criminal Code) (as amended. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.02.2007 № 7 of 03.04.2008 number 4, from 03.12.2009 № 27). Available at: «Consultant." (in Russ.)

3. *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran. Obshchaya i osobennaya chast: uchebnik dlya magistrrov* [Criminal Law of foreign countries. General and special part: the textbook for the Masters] / ed. N.E. Krylova. 4 th ed., rev. and ext. Moscow: Yurait Publ. 2013. Ser.: Masters. Pp. 852, 922.

4. *Ugolovnyj kodeks Frantsii* [Penal Code of France] / scientific ed. L.V. Golovko, E.N. Krylova; transl. from fr. and foreword. N.E. Krylova. St. Petersburg: "Yurid. centr Press". 2002. P. 171.
5. Kuznetsova N. *Kvalifikatsiya slozhnykh sostavov prestuplenij* [Qualifications of complex offenses] // Criminal Law. 2000, №1, p. 26.
6. Volzhenkin B.V. *Printsip spravedlivosti i problemy mnozhestvennosti prestuplenij po UK RF* [Principle of justice and the problems of multiple crimes under the Criminal Code] // *Zakonnost'*- Legality. 1999, № 12.
7. Kochoi S.M. *Otvetstvennost' za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti* [Responsibility for acquisitive crimes against property]. 2nd ed., ext. and rev. Moscow. 2009. P. 227.
8. Tasakov S.V. *Nravstvennye osnovy norm ugolovnogo prava o prestupleniyakh protiv lichnosti* [Moral foundations of the criminal law on crimes against the person]. St. Petersburg: Publ. of R. Aslanov " Yurid. centr Press". 2008. P. 79.
9. Korneeva A.V. *Teoreticheskie osnovy kvalifikatsii prestuplenij: ucheb. osobie* [Theoretical basis of qualification of crimes: tutorial] / ed. A.I. Raroga. Moscow: TK Welby: Publ. Prospect. 2008. P. 131.
10. V. Morozov, S. Dubchenko *Osobennosti kvalifikatsii ubijstv, sopryazhennykh s razboem, vymogatel'stvom ili banditizmom* [Features of qualification of kills, associated with robbery, extortion and banditry] // *Ugolovnoe pravo - Criminal Law*. 2007, № 4, p. 53.
11. Pobegailo E.F. *Neradostnyj yubiley* [Joyless anniversary] // *Rossiyskaya yustitsiya - Russian justice*. 2006, № 6, p. 3.
12. Jani P.S. *Sopryazhennost' ne isklyuchaet sovokupnosti* [Conjugation does not preclude aggregate] // *Zakonnost'*- Legality. 2005, № 2, p. 27.
13. Pavlov A. *Ubijstvo, sopryazhennoe s iznasilovaniem* [Murder, involving rape] // *Rossiyskij sledovatel'*- Russian investigator. 2007, № 1, p. 15.
14. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov* [Russian law of X-XX centuries]: in 9 vols. / under gen. ed. O.I. Chistyakov. Moscow. 1984. Vol. 1. P. 47.
15. *Sobornoe ulozhenie 1649 g. Tekst i kommentarii* [Code of 1649. The text and commentaries]. Leningrad. 1987. P. 23.
16. Tasakov S.V. *Nravstvennye osnovy norm ugolovnogo prava o prestupleniyakh protiv lichnosti* [Moral foundations of the criminal law on crimes against the person]. St. Petersburg: Publ. of R. Aslanov " Yurid. centr Press". 2008. P. 65.
17. Rusanov G.A. *Kvalifikatsiya ubijstva, sopryazhennogo s razboem* [Qualifications of murder, conjugated with a robbery] // *Zakonnost'*- Legality. 2013, № 11, p. 50.
18. Babij N. *Printsipy postroeniya ugolovnogo zakona i kvalifikatsiya prestuplenij* [Principles of Criminal Law and qualification of crimes] // *Ugolovnoe pravo - Criminal Law*. 2006, № 3, p. 4.

Древний Херсонес как тема русской истории и литературы (по произведениям А. Н. Муравьева и А. М. Горького)

Рассматривается актуальная тема современного литературоведения, связанная с проблемами национальной идентичности, национального мифа. Крым неразрывно связан с русской историей и культурой. Особым пространством является Херсонес Таврический как центр распространения христианства. Духовную связь с этим загадочным пространством продемонстрировали А. Н. Муравьев как автор сборника «Таврида» и «Записки о судьбе древнего Херсониса» и А. М. Горький как автор очерка «Херсонес Таврический». В статье показаны размышления писателей о ходе истории, о ее круговороте, представленные в художественных и публицистических текстах, посвященных Крыму. Образ моря как хранителя культурной памяти сближает мировосприятие анализируемых авторов. Данный подход позволяет понять позицию русских писателей, заботящихся о сохранении античных древностей и церкви Святого Владимира от уничтожения не только временем, но и людьми. Произведения А. Н. Муравьева и А. М. Горького являются своеобразной литературной репрезентацией национально значимого места отечественной культуры и истории.

The subject matter is a topical issue of modern literary studies, related to the problems of national identity and national myth. The Crimea is inextricably connected with Russian history and culture. Tauric Chersonese is a special place as it is a centre of the expansion of Christianity. The spiritual liaison with this mysterious place was identified by A. N. Muravyov as an author of the collector 'Taurida' and 'The Commentaries on the destiny of ancient Chersonese' and A. M. Gorky as an author of the feature story 'Tauric Chersonese'. The article deals with the reflections of the writers on the evolution of the ages, circulation of history, presented in the literary and publicistic texts, dedicated to the Crimea. The image of the sea as a keeper of the cultural memory brings together the world perception of two authors whose works are being analyzed. This approach helps to understand the viewpoint of Russian writers, who care for retrieval of antiquity and St. Vladimir Church from time damage and destruction. Works of A. N. Muravyov and A. M. Gorky constitute a unique literary representation of the nationally significant area of native culture and history.

Ключевые слова: историческая память, христианство, круговорот жизни, национальная идентичность.

Keywords: historical memory, Christianity, circulation of life, national identity.

Крым, включенный в состав Российской империи в 1783 г., сразу же стал загадочно-притягательным для людей искусства. История «волшебной Тавриды», многочисленные археологические памятники античности и Средневековья, чудодейственная природа отразились в творческой биографии А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, В. Г. Короленко, А. А. Ахматовой, М. А. Волошина, О. Э. Мандельштама, М. И. Цветаевой, И. С. Шмелева, А. С. Грина и др. [1] Особый мир полуденного края проявился в произведениях, написанных в Крыму или созданных по крымским впечатлениям. Не случайно вместе с Петербургским или Римским текстом сейчас не менее известным стал Крымский текст, фиксирующий таинственную связь текста и пространства [2].

Херсонес – самый впечатляющий комплекс древних руин в Крыму – произвел сильное впечатление на многих русских поэтов и писателей. Херсонес (греч. chersonēsos, полуостров) был основан во второй половине VI в. или в начале V в. до н. э. выходцами из Гераклеи Пон-

тийской в юго-западной части Крымского полуострова. В первые годы нашей эры Херсонес стал главным опорным пунктом римлян в Крыму, затем примерно в IV в. античное городище было застроено византийцами. Русичи именовали его Корсунем. Херсонес стал центром распространения христианства. Обращение язычников в христиан началось в I в. и связано с апостольской деятельностью Андрея Первозванного. Историки относят победоносный Корсунский поход Киевского князя Владимира, направленный против Византии, и последовавшее за ним крещение Владимира I и его дружины к 988 г.

Херсонес просуществовал двадцать веков, до XV в. С основанием Севастополя руины древнего города возродились к новой жизни. Археологическое изучение Херсонеса Таврического началось в 1827 г. по приказу вице-адмирала А. С. Грейга.

Для А. Н. Муравьева, автора «Записки о судьбе древнего Херсониса» (1847), и А. М. Горького, автора очерка «Херсонес Таврический» (1897), Херсонес – великий памятник мировой и отечественной истории, в пространстве которого почти физически ощущается ее круговорот.

Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874) – поэт, писатель, драматург, мемуарист, автор книг духовного содержания. Его творческий путь начинается с публикации сборника «Таврида» (1827). Стихи сборника вписываются в романтическую концепцию восприятия Крыма, характерную для В. В. Капниста, А. С. Пушкина, А. Мицкевича и др. Однако в центре внимания А. Н. Муравьева находится религиозно-философская идея, его интересуют темы, связанные с русской историей и крещением Руси. Программным является стихотворение «Развалины Корсуни». Начало стихотворения – медитация лирического героя на развалинах города; обломки стен, груды камней и однообразный плеск волн наталкивают на размышления о давно минувших веках. Он чувствует древнюю мощь и силу, некогда царящую здесь, ощущает значимость и святость этого места. Лирический герой размышляет о быстротечности и необратимости времени: он не может поверить, что некогда величественный, богатый и сильный город превратился в безмолвную пустыню. Перед ним проносятся видения того времени, когда Херсонес был процветающим городом, в котором проживало множество народов различных культур. Центральным эпизодом всего стихотворения является крещение Владимира, очевидцем которого как будто является лирический герой. А. Н. Муравьев не использует здесь личные имена, но из контекста понятно, что «витязь величавый // Среди толпы, осанкой Князь» [3] – это Владимир Креститель, что девушка, которая стоит рядом с ним – это царевна Анна, родная сестра византийского императора Василия II, будущая супруга князя. Также автор вводит в текст образ «служителя давнего алтарей» [4], старца, который осуществляет обряд крещения и который символизирует церковь, веру, спасение: «Стоит, украшен сединою, // При блеске радостных огней» [5]. Событие крещения автор воспринимает как радость, праздник, начало новой жизни, когда «просветились взоры, // С очей туманный спал покров» [6]. Вскоре видение исчезает, лирический герой вновь оказывается среди руин, остатков древнего Херсонеса. А. Н. Муравьев напоминает потомкам о священности этого места, воскрешая события, которые коренным образом повлияли на дальнейшую судьбу страны. Он стремился показать ценность и значимость произошедшего здесь события и внушить чувство благодарности предкам и ответственности перед ними за дальнейшую судьбу Отечества. В конце стихотворения звучит открытый упрек современникам за неподобающее отношение к святым местам, к событиям, о которых должен помнить и знать каждый, но о которых напоминает лишь груда камней и обломков разрушающегося Херсонеса.

Мотив утраты исторической памяти выделяется А. Н. Муравьевым как ведущий. Еще в 1784 г. Светлейшим князем Г. А. Потемкиным-Таврическим был разработан план строительства города-порта Севастополя рядом с Херсонесом. Почти сразу же после присоединения Крыма к России возникла идея о возведении памятника на месте крещения Владимира. Реальные меры по ее осуществлению были приняты в 1825 г., когда адмирал А. С. Грейг получил высочайшее разрешение императора на сооружение храма. Однако по каким-то причинам проект вновь был забыт. Более того, в 40-е гг. XIX в. адмирал М. П. Лазарев хотел создать на месте древнего городища, как наиболее удобном месте, карантинные бараки, чтобы избежать распространения чумных эпидемий и удерживать больных вдали от Севастополя. На это немедленно реагирует А. Н. Муравьев и пишет «Записку о судьбе древнего Херсониса», настаивая на сохранении великого памятника отечественной и мировой истории.

Автор «Записки» называет древний Херсонис «колыбелью древнего Христианства», «священным памятником», «драгоценным уголком», «коренной святыней всей России»,

«лучшим нашим сокровищем», «местом нашего просвещения», «отечественной святыней», «святым местом» [7]. А. Н. Муравьев подчеркивает, что желание создать христианский памятник появилось давно, «и деньги, собранные подпискою в течение многих лет для сооружения памятника на мысу Херсониса, свидетельствуют о готовности каждого к прославлению этого места, откеле воссияло для всех просвещение духовное» [8]. Он называет мысль о постройке карантина «страшной и горькой». Ему, как почитателю национальных святынь, непонятно, почему нельзя «пощадить столь малый, драгоценный уголок, каков тот, где она просветилась в лице своего князя» [9]. А. Н. Муравьев называет Херсонис и в целом Крым пространством, с которым связано спасение Отечества. «Здесь первый просветитель Руси св. апостол Андрей, обходя берега Черного моря... пристал к Херсонису, и долго показывали на пристани стопу его, из которой Христиане черпали накоплавшуюся в ней воду и получали исцеление» [10]. С этим пространством связано еще одно «великое воспоминание» – «св. Кирилла Философа, который с братом своим Мефодием столько потрудился для перевода книг священного писания на наш отечественный язык» [11]. А. Н. Муравьев ищет поддержки своего мнения у современников и потомков. Особую ответственность он чувствует перед теми, кто придет после, настаивает на сохранении исторической памяти и передачи ее последующим поколениям. Если бы на территории древнего Херсонеса началось захоронение умерших от чумы, то это место навсегда стало бы недоступным. Автор «Записки» исходит из соображений вечности: «...польза материальная должна уступить пользе нравственной и самому достоинству церкви и государства» [12].

А. Н. Муравьеву удалось разрешить сложившуюся ситуацию. «Записка о судьбе древнего Херсониса» убедила генерал-губернатора Новороссии М. С. Воронцова не использовать святое место для госпитализации больных. «Замысел А. Н. Муравьева на сохранение святого для русских места совпадает с усилиями свт. Иннокентия Херсонского, с которым он во второй половине 1840-х гг. до кончины святителя в 1857 г. состоял в переписке, возвести здесь Владимирский собор и создать монашескую обитель» [13].

С Крымом тесно связана и судьба Алексея Максимовича Горького (1868–1936). Впервые он оказался здесь в августе 1891 г. и в течение месяца прошел путь от Симферополя через Бахчисарай, Севастополь, Ялту, Феодосию в Керчь и далее Тамань. Юношеские странствия привели его вместе с другими, бежавшими от голода, в страну изобилия – именно так был воспринят этот райский уголок земли. С 1896 г., когда А. М. Горькому был поставлен диагноз туберкулез легких, он часто приезжал в Крым и подолгу здесь жил. Всего он был в Крыму еще четырнадцать раз, можно сказать, что его творческий путь начинается (по крымским впечатлениям написаны многие романтические рассказы) и заканчивается в Крыму (в Тессели А. М. Горький жил с 1933 по 1936 г., работая над «Вассой Железновой» и «Жизнью Клина Самгина»).

Одним из самых ярких произведений о Крыме стал очерк «Херсонес Таврический», написанный во время второго пребывания писателя в Крыму (январь – апрель 1897 г.).

А. М. Горький уже в начале очерка говорит о храме во имя святого равноапостольного князя Владимира [14]. После окончания Крымской войны на центральном холме Херсонеса было предположительно определено место святой купели. Свято-Владимирский собор был освящен за пять лет до посещения А. М. Горького – в 1892 г.

В память о важнейшем событии в истории православия на месте святилища Херсонеса и был воздвигнут храм. Здесь, как поясняет автору очерка монах-проводник, было языческое капище идола «господом разрушенного града – богини Дианы» [15]. А. М. Горький, как и А. С. Пушкин, посетивший это место в 1820 г., восхищается в большей степени уголком греческих мифов, сохранившихся на территории Крыма. А. С. Пушкин, оказавшись здесь, вспомнил сначала Ифигению в Тавриде: «Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических...» [16]

Если для А. Н. Муравьева с этим пространством связан «свет крещения», изменение судьбы Отечества, то А. С. Пушкиным и А. М. Горьким оно воспринимается, прежде всего, через культуру античности. Позиция же А. Н. Муравьева разделялась другим современником Пушкина – А. С. Грибоедовым. Посетив руины Херсонеса и Георгиевский монастырь одновременно с автором поэтического сборника «Таврида», в 1825 году, он размышляет об особой значимости для русских православных святынь: «Мы – русские только в церкви, а я хочу быть русским» [17].

А. М. Горького, увлеченного классической древностью, и в очерке «Херсонес Таврический» интересуют причины круговорота истории. «Жизнь создается так медленно и трудно, а разрушается так быстро и легко... Зачем это?» [18] Писатель увидел в Херсонесе Таврическом модель идеального города-государства. В основе его жизнедеятельности лежали гражданственность и коллективизм. Восхищение писателя вызывают предприимчивые и трудолюбивые свободные граждане, создавшие высокую культуру. Поэтому ключевыми словами-характеристиками древнего города стали «цветок эллинской культуры», «археологическая сокровищница», «яркий цветок греческой культуры», «знаменитый рассадник просвещения и искусства», «центр греческой культуры и цивилизации» [19], а Крым для исторической науки – «золотое дно». На найденных вещах – мраморных колоннах с ажурными капителями, гробницах, памятниках, сосудах, мозаиках и др. – «лежит отпечаток недосягаемого эллинской культуры», херсониты обладали «тонким пониманием красоты рисунка и тонким исполнением» [20]. М. Горький несколько раз повторяет слова «красота» и «простота»: просты и потому красивы.

Визуальный осмотр территории древнего города и найденных при раскопках вещей позволил А. М. Горькому представить полисный принцип устройства общества. Каждый житель Херсонеса был свободным гражданином. В их гражданской присяге звучали следующие слова: «...я буду единомышлен относительно благосостояния и свободы города и граждан... не передам на словах ничего тайного ни эллину, ни варвару, что может повредить городу...» [21]

М. Горький воспроизводит этапы становления, развития и угасания города. Херсонес был «лакомым куском» для разных завоевателей. В 70-е гг. до н. э. царь скифов Скилур нападает на город. Херсониты обратились за помощью к Митридату Евпатору. Он помог, но подчинил город своей власти. Демонстрируя внушительную эрудицию, М. Горький постоянно указывает на зависимость судьбы отдельного человека от коварства других, даже близких. Митридат – правитель Понтийского царства, завоеватель Херсонеса, Боспора, подчинивший многие народы Кавказа – погиб из-за предательства сына Фарнака, мечтавшего о власти. С этим, по мнению М. Горького, связана одна из причин, ведущая к упадку, – нарушение жизненной гармонии.

Верным и надежным союзником Рима Херсонес Таврический оставался в эпоху Средневековья. В это время участились разрушительные нападения: в IV в. явились готы, в V в. – гунны, затем монгольское племя и, наконец, хазары, истощившие Херсонес набегами. Особенно сильно Херсонес пострадал от сосланного сюда римского императора Юстиниана, который хотел вернуть себе власть, но был выдан Риму херсонитами. Обиженный экс-император после воцарения в Константинополе решил уничтожить Херсонес. Он дважды посылает войска – сначала сотысячное, а потом семидесятитысячное, уводит в плен всех знатных граждан. Вмешавшиеся хазары разбили римлян и убили Юстиниана. Однако самостоятельный город-государство исчезает. А. М. Горький возмущается мстительностью человека, пожелавшего уничтожить город: «Этого наказания не много для человека, убившего целый город, его благосостояние, свободу и энергию...» [22]

Автор очерка постоянно сравнивает тогда – теперь: Херсонес раньше – центр цивилизации, а сейчас – «мертвый город». «Исток просвещения» – «груды камня», здания, «поражавшие своей красотой и роскошью» – «безобразные кучи щебня», «большой богатый город» – «грусть кладбища», «пышный расцвет жизни города» – «груды мусора» [23].

Исчезнувшее прошлое вызывает грустные размышления. Зрителя в этом музее под открытым небом охватывает «печаль при виде массы человеческого ума, энергии и знаний, претворенных временем в пыль и прах» [24]; город «лежит в виде груд щебня, возбуждая видом своим тоску и много мрачных дум» [25]. «Уходя с развалин Херсонеса, уносишь с собой что-то тяжелое и мрачное. Кажется, что ушел с почвы, от которой пахнет дымом, кровью, разлагающимися трупами» [26]. Образ «разлагающегося трупа» возникает в начале и в конце очерка, эмоционально воплощая размышления писателя о «дикой страсти к разрушению», свойственной человеческой натуре. Контрастное изображение прошлого и настоящего логично завершается обращением к будущему и формулировкой риторического вопроса-восклицания: «Будем ли мы когда-нибудь менее алчны?» [27]

Причина исчезновения величественного города с высоким уровнем цивилизации связывается писателем с корыстью и насилием. Один из ранних предшественников М. Горького, размышлявших над причинами гибели Херсонеса, – И. М. Муравьев-Апостол в «Путешествии

по Тавриде в 1820 году» (1823) рассматривает историю как вечное противоборство добра и зла. «Даже сторонники цивилизации (древние греки, Понтийское царство Митридата, впоследствии гунны и, наконец, русские) терпят неудачу, главным образом, из-за нравственных недостатков» [28]. Гибель Херсонеса И. М. Муравьев-Апостол объясняет тем, что херсонесцы попали в зависимость от Феодосии и стали «жертвой зависти» [29].

С приходом христианства история человеческого духа завершила свой очередной таинственный оборот. Активная христианизация Херсонеса началась задолго до Владимира – в V в. С изменением верований произошли изменения и в управлении: человек христианства стремился к более тесному общению с Богом, искал спасения от страха смерти и одиночества.

Крымский пейзаж в этом очерке, как и в стихотворении А. Н. Муравьева «Развалины Корсуни», представлен морем, то спокойным, то бушующим. Безграничное море – свидетель «славы города и постепенного падения его»; морской пейзаж усиливает эмоциональную атмосферу разрушенного Херсонеса: «...кажется, что громадный смерч с моря гигантскими прыжками кинулся на утес и сравнял с землей большой и богатый город, гордо возвышавшийся над коварно ласковыми волнами моря» [30]. Возможно, «коварно ласковые волны», как и «дикие тавры», позавидовали богатству и соблазнились этой приманкой. Неукротимая сущность морской стихии одушевляется: «...издали, снизу, доносится говор волн, немолчные голоса моря» [31]. Иначе море изображается по отношению к настоящему. Цветные стекла современного храма окрашивают море в «фантастические краски»: «Вид на море из храма – широкий и красивый» [32]. Функция моря, в основном, – наблюдательная, но иногда оно все же вмешивается в события. Когда Юстиниан второй раз посылает войско, чтобы стереть с лица земли Херсонес, на море разыгралась буря, и флот погиб.

Таким образом, для А. Н. Муравьева и А. М. Горького Херсонес – пространство, обладающее особой духовной аурой. Создав произведения с разницей в пятьдесят лет, оба писателя уверены, что описанное ими пространство исторически значимо для России. Оба они через размышления о быстротечности времени, о круговороте жизни, особенно остро ощущаемом на месте руин Херсонеса, высказали свои размышления о ходе истории. Для А. Н. Муравьева Херсонес, прежде всего, великий христианский памятник, точка отсчета духовно-нравственного развития, русская святыня, которую необходимо хранить для потомков. Для А. М. Горького с Херсонесом Таврическим связана высоко почитаемая им история и культура древнего мира. На этой земле хранились произведения, свидетельствующие о непревзойденном мастерстве людей, живших много веков назад. Красота, мера, простота стали характеристиками всего ими созданного. Херсониты стремились к гармонии и в жизни, и в искусстве. Нарушение жизненной гармонии по вине отдельных людей либо целых народов разрушало цивилизации, приводило к гибели. Актуально продолжают звучать последние слова очерка А. М. Горького: «Сколько на земном шаре таких развалин! Много ли еще будет, и настанет ли время, когда люди будут только созидать, утратив дикую страсть к разрушению?» [33].

Примечания

1. См.: *Кунцевская Г. Н.* Благословенная Таврида. Крым глазами великих русских писателей. Симферополь, 2008. 392 с.; *Кунцевская Г. Н.* Неповторимый Крым. Крым в судьбе и творчестве русских писателей. Симферополь, 2011. 364 с.

2. См., например: *Люсый А.* Крымский текст в русской литературе. СПб., 2003. *Фадеева Т. М.* Сакральная география Крыма. Очерки. Симферополь, 2011. 224 с.; *Увлечательное крымоведение (XVIII–XIX века)* / сост. Н. Н. Колесникова. Симферополь, 2008. 200 с. (Серия Раритеты) и др.; *Буркхарт Д.* Путешествие Осипа Манделъштама в Крым: поэтическая медиализация // Беглые взгляды. Новое прочтение травелогов первой трети XX века. М., 2010. С. 126–136; *Моклецова И. В.* Русские духовные традиции в литературном контексте XIX века и творческом наследии А. Н. Муравьева. М., 2013. 510 с.

3. *Муравьев А. Н.* Таврида / сост. и коммент. Н. А. Хохловой. СПб., 2007. С. 22. (Сер.: Литературные памятники).

4. Там же. С. 23.

5. Там же.

6. Там же. С. 24.

7. *Муравьев А. Н.* Записка о судьбе древнего Херсониса // *Моклецова И. В.* Русские духовные традиции в литературном контексте XIX века и творческом наследии А. Н. Муравьева. М., 2013. С. 308–311. А. Н. Муравьев использует правописание «Херсонис».

8. Там же. С. 308.
9. Там же.
10. Там же. С. 309.
11. Там же. С. 309–310.
12. Там же. С. 310.
13. Моклецова И. В. Указ. соч. С. 267.
14. Горький М. Херсонес Таврический. Очерк // Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. М., 1979. Т. XVI. С. 6.
15. О месте нахождения древнего храма Дианы среди историков существуют разногласия: одни говорят о месторасположении в границах Георгиевского монастыря, другие – в Партените у подножия горы Аю-Даг, третьи – на мысе Айя. См. подробнее: Кунцевская Г. Н. Благословенная Таврида. Крым глазами великих русских писателей. Симферополь, 2008. С. 42–43.
16. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1974. Т. VII. С. 242.
17. Цит. по: Скабичевский А. М. Жизнь Грибоедова // Путеводная звезда. 2004. № 2. С. 10.
18. Горький М. Херсонес Таврический. Очерк. С.13.
19. Там же. С. 5, 17, 7, 12.
20. Там же. С. 14.
21. Там же. С. 15.
22. Там же. С. 12.
23. Там же. С. 5, 9.
24. Там же. С. 5.
25. Там же. С. 13.
26. Там же. С. 6.
27. Там же. С. 18.
28. Шенле А. Парадокс сентиментального (И. М. Муравьев-Апостол) // Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб., 2004. С. 145.
29. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Таврии в 1820 году. СПб., 1823. С. 27.
30. Горький М. Херсонес Таврический. Очерк. С. 6.
31. Там же. С. 5.
32. Там же. С. 6.
33. Там же. С. 18.

Notes

1. See: Kuntsevskaya G.N. *Blagoslovennaya Tavrida. Krym glazami velikikh russkikh pisatelej*. [Blessed Tauris. Crimea by sight of the great Russian writers]. Simferopol. 2008. 392 p.; Kuntsevskaya G.N. *Nepovtorimyj Krym. Krym v sud'be i tvorchestve russkikh pisatelej* [Unique Crimea. Crimea in the fate and the works of Russian writers]. Simferopol. 2011. 364 p.
2. See ex.: Lyusy A. *Krymskij tekst v russkoj literature* [Crimea text in Russian literature]. St. Petersburg, 2003 Fadeeva T.M. *Sakral'naya geografiya Kryma. Oчерki* [Sacred Geography of Crimea. Essays]. Simferopol. 2011. 224 p.; *Uvlekatel'noe krymovedenie (XVIII–XIX veka)* [Fascinating Crimea-studying (XVIII–XIX century)] / Ed. N.N. Kolesnikova. Simferopol. 2008. 200 p. (Ser. Rarities) and others; Burkhart D. *Puteshestvie Osipa Mandel'shtama v Krym: poehticheskaya medializatsiya* [Trip of Osip Mandelstam to Crimea: poetic medialisation] // *Beglye vzglyady. Novoe prochtenie travelogov pervoj treti XX veka - Cursory glance. New reading of travelogues of early XX century.* Moscow. 2010. Pp. 126-136; Mokletsova I.V. *Russkie dukhovnye traditsii v literaturnom kontekste XIX veka i tvorchestvom nasledii A. N. Murav'eva* [Russian spiritual tradition in the literary context of the XIX century and the creative legacy of A.N. Muravev]. Moscow. 2013. 510 p.
3. Muravev A.N. *Tavrida* [Tauris] / comp. and comments N.A. Khokhlova. St. Petersburg, 2007. P. 22 (Ser.: Literary Monuments).
4. Ibid. P. 23.
5. Ibid.
6. Ibid. P. 24.
7. Muravev A.N. *Zapiska o sud'be drevnego KHersonisa* [Note about the fate of ancient Hersonissos] // Mokletsova I.V. *Russkie dukhovnye traditsii v literaturnom kontekste XIX veka i tvorchestvom nasledii A. N. Murav'eva* [Russian spiritual tradition in the literary context of the XIX century and the creative legacy of A. N. Muravev]. Moscow. 2013. P. 308-311. A.N. Muravev uses the spelling "Hersonissos".
8. Ibid. P. 308.
9. Ibid.
10. Ibid. P. 309.
11. Ibid. P. 309-310.
12. Ibid. P. 310.
13. Mokletsova I.V. Op. cit. P. 267.

14. M. Gorky *KHersones Tavricheskij. Oчерk* [Chersonesos. Essay] // M. Gorky Collected Works: in 16 vols. Moscow. 1979. Vol. XVI. P. 6.
15. On the location of the ancient Temple of Diana, there is disagreement among historians: some say about the location of the boundaries of the monastery of St. George, the other - in Partenite at the foot of the Ayu Dag, and others - on Cape Aya. See more: Kuntsevskaya G.N. *Blagoslovennaya Tavrida. Krym glazami velikikh russkikh pisatelej* [Blessed Tauris. Crimea by sight of the great Russian writers]. Simferopol. 2008. Pp. 42-43.
16. Pushkin A.S. Digest: in 10 vols. Moscow. 1974. Vol. VII. P. 242.
17. Cit. by: Skabichevsky A.M. *ZHizn' Griboedova* [Life of Griboyedov] // *Putevodnaya zvezda - Lodestar*. 2004, № 2, p. 10.
18. M. Gorky *KHersones Tavricheskij. Oчерk* [Chersonesos. Essay]. P. 13.
19. Ibid. Pp. 5, 17, 7, 12.
20. Ibid. P. 14.
21. Ibid. P. 15.
22. Ibid. P. 12.
23. Ibid. Pp. 5, 9.
24. Ibid. P. 5.
25. Ibid. P. 13.
26. Ibid. P. 6.
27. Ibid. P. 18.
28. A. Shanley *Paradoks sentimental'nogo (I. M. Murav'ev Apostol)* [Paradox of the sentimental (I.M. Muravev-Apostol)] // Shanley A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvij. 1790-1840* [The authenticity and fiction in the author's consciousness of Russian literature of travel. 1790-1840]. St. Petersburg. 2004. P. 145.
29. Muravev-Apostol I.M. *Puteshestvie po Tavrii v 1820 godu* [Travel across Tauris in 1820]. St. Petersburg. 1823. P. 27.
30. M. Gorky *KHersones Tavricheskij. Oчерk* [Chersonesos. Essay]. P. 6.
31. Ibid. S. 5.
32. Ibid. S. 6.
33. Ibid. S. 18.

УДК 803.0:801.316.4

А. М. Клэстер

Когнитивно-дискурсивные особенности немецкой терминологии инженерной психологии

В данной статье рассмотрены когнитивно-дискурсивные особенности немецкой терминологии инженерной психологии – научной дисциплины, изучающей объективные закономерности процессов информационного взаимодействия человека и техники с целью использования их в практике проектирования, создания и эксплуатации систем «человек – машина – среда». Об актуальности исследования данной лексики свидетельствуют широкое распространение психологической терминологии в немецкоязычном профессиональном дискурсе. Автором показаны взаимосвязи между понятиями, функционирующими в изучаемой терминотерминологии, что позволяет воссоздать когнитивную модель профессиональной картины мира и проследить динамику ее формирования в соответствии с динамикой научного познания. Статья содержит как теоретический материал, так и практические примеры перевода немецкой специальной лексики подязыка инженерной психологии. Материалом исследованной выборки послужили примеры, полученные на основе сплошного просмотра оригинальной немецкой научно-технической литературы.

The given research is devoted to the description of cognitive-discursive features German terminology of engineering psychology – the scientific discipline studying objective laws of processes of information interaction of the person and technicians for the purpose of their use in practice of designing, creation and operation of “person-machine-environment” systems. To relevance of research of this lexicon testify a wide circulation of psychological terminology in a German-speaking professional discourse. The interrelations between the concepts functioning in studied terminosystem are shown in this article. That allows to recreate cognitive model of a professional picture of the world and to track dynamics of its formation according to dynamics of

scientific knowledge. The article contains both theoretical material, and practical examples of the translation of the German special vocabulary of engineering psychology sublanguage. The examples on the basis of studied original German scientific and technical literature became the material of investigated terms.

Ключевые слова: терминология, инженерная психология, дискурс, немецкий язык.

Keywords: terminology, engineering psychology, discourse, German.

Когнитивная наука направлена на изучение процессов познания человеком окружающего мира, поэтому выявление структур человеческого знания, вербализованного в терминологии и формирующего научную картину мира, имеет особое значение, так как ученый, носитель научного знания, стремится познать, изучить окружающий мир, проникнуть в суть вещей и описать объективную картину мира [1].

В рамках когнитивной лингвистики терминология отражает, прежде всего, сложившиеся в обществе научные представления о мире и имеет дело с понятиями, т. е. с логически осмысленными концептами, возникающими на основе выделения существенных характеристик предметов и явлений с отвлечением от второстепенных признаков.

Когнитивное терминоведение учитывает опыт и результаты других подходов в языкознании и представляет свое видение явлений сознания, языка и коммуникации. Это не простое «сложение» возможностей нескольких наук или привлечение некоторых положений и результатов из той или иной науки в лингвистику, а качественно новый уровень исследования, учитывающий единую когнитивную методологию изучения явлений когниции и дискурса для обеспечения новых ракурсов их понимания и объяснения [2].

Проблема формирования, хранения и передачи профессиональных знаний посредством терминологических единиц приобретает все большую актуальность в современном контексте стремительного развития науки и техники, роста новых специализаций. Как отмечает В. Ф. Новодранова, «терминосистема строится на ключевых понятиях, и их описанию нужно уделить наибольшее внимание, тем более что система формируется и как совокупность единиц, и как совокупность очень сложной сетки знаний, которая может быть представлена когнитивными картами, сценарными планами и т. д.» [3].

Когнитивный подход в отличие от традиционного усложняет и углубляет понимание термина. Если в традиционном терминоведении предметом исследования являются, главным образом, лингвистические характеристики термина, то когнитивное терминоведение интересуется соотношением концептуальных и языковых структур в профессиональной сфере, особенности концептуализации профессионально значимых объектов [4].

В исследовании М. В. Володиной отмечается необходимость учета всех разновидностей информации, которая участвует в формировании нового знания. При этом особое внимание уделяется «терминологической информации», носителем которой является термин. С этой точки зрения термины – это приобретение, хранение и репродуцирование информации, но информации особой, создающей систему языкового выражения специальных понятий – терминологию. Источником формирования терминологической информации является практическая преобразующая деятельность людей, накопленный ими общественно полезный опыт. Этим определяется социальная сущность терминологической информации, концентрирующей в себе коллективную научно-профессиональную память, в качестве базовых единиц которой выступают понятия или концепты. Терминологическая информация создается на основе знаний об объектах, которые кодируются в конвенциональных лексических значениях общеупотребительных слов. Чем больше информации, совпадающей со свойствами познаваемого объекта, содержится в значении общеупотребительного слова, тем выше вероятность выбора этого слова для обозначения терминируемого им предмета или явления. Отсюда следует, что *«термин представляет собой особую когнитивно-информационную структуру, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессионально-научное знание, накопленное человечеством за весь период его существования носителями коллективного профессионально-научного знания, которое оптимизирует познавательную и преобразующую деятельность людей»* [5].

Изучив понимание термина с позиции когнитивного терминоведения, мы выяснили, что новое когнитивное понимание термина не противоречит традиционной трактовке, а

лишь дополняет его. Итак, термин является необходимым условием существования, хранения, дальнейшего развития и совершенствования профессионально-научного знания. Когнитивное направление открывает новые возможности для переосмысления проблем терминоведения и позволяет сделать новый шаг в описании терминологии, предлагая иной взгляд на ранее изученные вещи – рассматривает вопрос взаимодействия профессионального мышления и терминологии как средства его вербализации.

Дискурс как форма знания обладает собственным понятийным аппаратом с тезаурусными связями. По справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, подход к разграничению текста и дискурса с позиций когнитивной лингвистики «представляется вполне естественным, поскольку соответствует противопоставлению когнитивной деятельности ее результату» [6]. В связи с этим следует обратить внимание на многомерность дискурса в отношении его ментальных моделей.

Изучение сферы инженерной психологии – научной дисциплины об объективных закономерностях процессов информационного взаимодействия человека и техники с целью использования их в практике проектирования, создания и эксплуатации систем «человек – машина – среда» (СЧМС) [7] поставило нас перед необходимостью выделить, определить и описать данный профессиональный дискурс. Продуцируемые в ходе деловой коммуникации тексты являются письменной манифестацией изучаемого дискурса, что представляет собой четко организованный и структурированный способ языкового взаимодействия, при котором коммуниканты совершают определенные дискурсивные действия, оформленные как тексты, в соответствии со своими дискурсивными ролями и сценариями.

В данной статье под *дискурсом инженерной психологии* мы понимаем *коммуникативную деятельность, направленную на оптимизацию процессов информационного взаимодействия человека и техники с целью использования их в практике проектирования, создания и эксплуатации систем «человек – машина – среда».*

Собранный материал показывает, что значительная часть инженерно-психологических терминов является следствием процесса ретерминологизации, т. е. образована в результате перехода терминов из взаимодействующих с инженерной психологией областей. Анализ выборки немецких терминов инженерной психологии позволил выявить следующие **общенаучные термины**, к которым мы относим термины, функционирующие во многих терминосистемах: **Datenanalyse** *f* ~ анализ данных; **Problemlösen** *n* ~ решение проблемы; **Prognose** *f* ~ прогноз, предсказание. К общенаучным терминам относятся 46 терминов, что составляет 1,3% от общего объема выборки.

Что касается межотраслевых терминов, данные термины используются в немецкой терминологии инженерной психологии практически без изменения основных дефиниции, присущей им в тех отраслях, из которых они были привлечены. Под **межотраслевыми терминами** мы понимаем термины, функционирующие одновременно в нескольких областях знаний.

Установить, из какой именно науки подобные термины были привлечены в исследуемый дискурс, и провести количественный анализ данных терминоединиц нам удалось благодаря лексикону по инженерной психологии, опубликованному в Ольденбурге в 1994 г., в котором автор четко прописывает, из какой области заимствован тот или иной термин [8]. Использование лексикографических источников позволило нам с уверенностью говорить о том, что на данном этапе развития инженерной психологии в соответствующий дискурс были привнесены термины из следующих областей знаний:

– философии. В основном это термины, называющие философские категории или понятия, при помощи которых в данной области описывается теория целостного человека, что представляет методологическую базу для комплексного исследования взаимодействия человеко-машинных систем и среды: **Abstraktion** *f* ~ абстракция; **Gnosis** *f* ~ гнозис; **Gnoseologie** *f* ~ гносеология, теория познания;

– медицины, прежде всего гигиены и охраны труда, в которых рассматриваются антропометрические особенности человека-оператора: **Beschäftigungsneurose** *f* ~ профессиональный невроз (неспособность исполнения отдельных профессиональных задач); **Afferenz** *f* ~ афферентация (постоянный поток нервных импульсов, постоянно поступающих в ЦНС от органов чувств);

– социологии, прежде всего социологии труда; изучая социальные аспекты трудовой деятельности и закономерности функционирования трудовых коллективов, эти отрасли

используют следующие термины: **Sozialisation** *f* ~ социализация; **Sozialabilitdt** *f* ~ социальность (способность к социальной адаптации);

– экономики труда, в частности, трудового права, предметом изучения которого является труд и его организация, где уделяется большое внимание отбору и подготовке кадров, обусловленным растущим значением рационализации труда с целью эффективного использования «человеческого фактора»: **Best-Practice-Verfahren** *n* ~ процесс выявления эффективных способов и методов работы; **Menschkapital** ~ человеческий капитал (трудовые ресурсы, включая знания, квалификацию, опыт);

– основ математики и кибернетики, а именно, теории систем, теории алгоритмов, теории автоматов, информатики и искусственного интеллекта; учет данных направлений позволяет провести более точную оценку надежности, точности и стабильности работы: **Algorithmus** *m* ~ алгоритм; **Informationstheorie** *f* ~ теория информации;

– физиологии, прежде всего физиологии труда, которая посвящает свои исследования изучению изменений функционального состояния организма человека под влиянием его рабочей деятельности и физиологическому обоснованию научной организации его трудового процесса, способствующей длительному поддержанию работоспособности человека-оператора: **Physiognomik** *f* ~ физиогномика (учение о связи между внешним обликом человека и его принадлежностью к определенному типу личности); **körperliche Leistungsfähigkeit** ~ физическая работоспособность; **physische Ermüdung** ~ физическое утомление;

– психологии, прежде всего социальной психологии и психологии труда, сотрудничеству с которыми позволяет описать информационное взаимодействие в системе «человек – машина – среда» и синтетическую природу психологического фактора в трудовой деятельности, а также психолингвистики, поскольку информационное взаимодействие часто происходит при помощи языка (текста) или опосредованных языком образов (предметных значений): **Berufseignungstest** *m* ~ тест профпригодности; **Berufsversagen** *n* ~ профотказ; **Berufserfolg** *m* ~ профуспешность;

– эргономики, задачами которой являются создание благоприятных условий труда, удобство управления, повышение привлекательности и престижности труда. Данное научное направление порой отождествляют с инженерной психологией, но мы, вслед за выдающимися деятелями исследуемой области, придерживаемся следующей точки зрения: «...когда между эргономикой и инженерной психологией не проводят различия и между ними ставят знак равенства, зачастую возникают бесплодные споры, причиной которых являются не различия во взглядах, а терминологические недоразумения» [9]. Поскольку эргономика находится в очень тесной связи с дизайном и решает многие проблемы системотехники, мы нашли целесообразным отнести термины этих отраслей именно к этому разделу: **Ergonomie** *f*, **Human-Factor-Engineering (амеп.)** ~ эргономика; **Usability** ~ качество работы пользователя в некоторой интерактивной среде (Як. Нильсен);

– технических наук, прежде всего техники контроля и технологии и инструментов управления, электроники и электронно-вычислительной техники: **Anleitung** *f* ~ руководство, инструкция по использованию некоторого устройства; **Anschlußmöglichkeiten** *f, pl* ~ средства сопряжения, интерфейсные средства.

Таким образом, в рамках данной статьи показано строение изучаемого дискурса, особенностью которого является привлечение понятий из смежных областей знания, тем самым обоснована междисциплинарность немецкоязычного дискурса инженерной психологии.

Примечания

1. Клэстер А. М. Лингвокогнитивное описание межотраслевой терминосистемы (на материале немецкой терминосистемы инженерной психологии). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2012. С. 18.
2. Манерко Л. А. Истоки и основания когнитивно-коммуникативного терминоведения // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр., посвящ. юбилею В. М. Лейчика. М.; Рязань, 2003. С. 120–126.
3. Новодранова В. Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр., посвящ. юбилею В. М. Лейчика. М.; Рязань, 2003. С. 150–155.
4. Гуреева Е. И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. С. 40.
5. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 30.

6. Кубрякова Е. С. Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 19.
7. Клёстер А. М. Опыт историко-этимологического описания некоторых концептов инженерной психологии в немецком языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (79). С. 34–38.
8. Charwat H. J. Lexikon der Mensch-Maschine-Kommunikation. 2., verb. Aufl. Мюнchen; Wien: Oldenbourg, 1994. 516 S.
9. Зинченко В. П., Мунипов В. М. Основы эргономики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 30.

Notes

1. Kloester A.M. *Lingvokognitivnoe opisaniye mezhotraslevoj terminosistemy (na materiale nemetskoj terminosistemy inzhenernoj psikhologii)* [Linguo-cognitive interdisciplinary terminological description (based on the German term system of engineering psychology)]. Omsk. OmSTU Publ. 2012. P. 18.
2. Manerko L.A. *Istoki i osnovaniya kognitivno kommunikativnogo terminovedeniya* [Origins and cognitive communicative base of terminology] // *Leksikologiya. Terminovedenie. Stilistika: sb. nauch. tr., posvyashch. yubileyu V. M. Lejchika* - Lexicology. Terminology. Stylistics: digest of scientific proc., dedicated to anniversary of V.M. Leychik. Moscow; Ryazan. 2003. Pp. 120-126.
3. Novodranova V.F. *Problemy terminoobrazovaniya v kognitivno kommunikativnom aspekte* [Problems of term formation in cognitive communicative aspect] // *Leksikologiya. Terminovedenie. Stilistika: sb. nauch. tr., posvyashch. yubileyu V. M. Lejchika* - Lexicology. Terminology. Stylistics: digest of scientific proc., dedicated to anniversary of V.M. Leychik. Moscow; Ryazan. 2003. Pp. 150-155.
4. Gureeva E.I. *Sportivnaya terminologiya v lingvokognitivnom aspekte: dis. ... kand. filol. nauk* [Sports terminology in linguo-cognitive aspect: dis. Candidate Philology sci.] Chelyabinsk. 2007. P. 40.
5. Volodina M.N. *Kognitivno informatsionnaya priroda termina (na materiale terminologii sredstv massovoy informatsii)* [Cognitive information nature of the term (based on the terminology of the media)]. Moscow: Moscow University Publ. 2000. P. 30.
6. Kubryakova E. S. *Vidy prostranstva teksta i diskursa* [Types of text space and discourse] // *Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya: materialy nauch. konf* - Categorizing the world: space and time: Proc. of sci. conf. Moscow: Dialog-MSU. 1997. P. 19.
7. Kloester A.M. *Opyt istoriko etimologicheskogo opisaniya nekotorykh kontseptov inzhenernoj psikhologii v nemetskom yazyke* [Experience of historical etymological description of some concepts of engineering psychology in German] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* - News of Volgograd State Pedagogical University. 2013, № 4 (79), pp. 34-38.
8. Charwat HJ Lexikon der Mensch Maschine Kommunikation. 2., verb. Aufl. München; Wien: Oldenbourg, 1994. 516 p.
9. Zinchenko V.P., Munipov V.M. *Osnovy ehrgonomiki* [Basics of ergonomics]. Moscow: Publ. of Moscow University. 1979. P. 30.

УДК 811.81-13

С. В. Балакин

Универсальность категории «первичность / вторичность» при изучении деривационных процессов на языковом и концептуальном уровнях

В настоящей статье рассматривается универсальная категория «первичность / вторичность» в свете учения о деривации. Вторичная единица на языковом уровне рассматривается как продукт реализации синтетической и аналитической деривации. В последние десятилетия понятие деривации, а также ее понятийный аппарат экстраполировался на концептуальный уровень, где вторичная единица рассматривается как новообразование посредством активации первичного (исходного концепта) с последующей его модификацией. Для более удобного изучения образования вторичных единиц предлагается когнитивно-таксономический метод, позволяющий представить концепт в виде трехчленной структуры, в которой категория «первичность / вторичность» отображает взаимосвязь вертикального типа по принципу «сверху – вниз». Концепт суперординатного уровня является основой для формирования концептов базового и субординатного уровней и характеризуется наивысшей степенью абстрактности. Наибольшей степенью конкретизации обладают концепты субординатного уровня.

The present article deals with the universal category “primary characteristics / derivative characteristics” in the light of a doctrine of derivation. A derived unit of a language level is regarded as a product of realization of synthetic and analytic derivation. In recent decades a notion of derivation together with its conceptual apparatus were extrapolated onto conceptual level where a derived unit is considered as a neologism by means of an activation of the primary (source concept) with its further modification. A cognitive taxonomic method is proposed for more convenient study of formation of derived units due to possibility to represent a concept in the form of trinomial structure in which the category “primary characteristics / derivative characteristics” displays a correlation of vertical type “from top down”. The concept of the superordinate level is the basis for the formation of the basic and subordinate levels and is characterized by the highest degree of abstraction. The concepts of the subordinate level have the highest degree of concreteness.

Ключевые слова: аналитическая деривация, синтетическая деривация, первичность, вторичность, когнитивная лингвистика, таксономия, производная единица, концепт.

Keywords: analytic derivation, synthetic derivation, primary characteristics, derivative characteristics, cognitive linguistics, taxonomy, derived unit, concept.

Понятие *деривации*, введенное в лингвистический обиход Е. Куриловичем в 30-х гг. прошлого века, оказалось чрезвычайно плодотворным для исследования динамических процессов, происходящих в языке и речи. Разграничив два подвида деривационных процессов в языке на аналитическую и синтаксическую деривацию, Е. Курилович определил, что в результате обеих дериваций образуется некая вторичная единица, которая может быть объяснена с помощью единиц, принятых за исходные, или выведена из них путем применения определенных правил, операций [1].

Сравнивая дериваты аналитической и синтетической деривации, лингвисты отмечают, что первая обычно меньше по объему, поэтому «легче подвергается переосмыслениям», в то время как производные синтетической деривации более громоздки и в структурном плане труднее для перестройки» [2]. Отмечается также, что синтетическая деривация «нередко лишена прямой мотивированности, значение может быть затуманено», а аналитическая обладает очевидной мотивированностью, и поэтому в семантическом отношении ею легче манипулировать [3]. В любом случае производство вторичных единиц происходит на основе категориальной модификации первичных единиц путем «семантического сдвига и актуализации собственных категорий» [4]. По словам Н. В. Доменко, производные единицы «образуют ассоциативные связи с лексическими единицами, от которых они образованы, входя в различные зоны их ассоциативного поля (ядро, ближнюю, среднюю, дальнюю периферию)» [5]. Поэтому взаимосвязь вторичной единицы по отношению в первичной носит категориальный универсальный аспект.

По словам Н. М. Нестеровой, универсальность категорий «первичность – вторичность» реализуется в некоторой зависимости вторичного знака от первичного, с одной стороны, а с другой – в том, что вторичный знак «продлевает и меняет бытие первичного» [6]. То есть, с одной стороны, исходная единица и ее дериват начинают существовать отдельно и независимо друг от друга, а с другой – эта независимость имеет условный характер. Условность заключается в том, что структура деривата понятна нам лишь исходя из особенностей структуры исходной единицы. Внутренняя форма производной единицы и ее ономаσιологическая структура оказываются ключом к семантике деривата, задаваемой дефиницией производящего слова, «которое к тому же содержит сведения и о других (не отсылочных, а формирующих) частях данной единицы номинации» [7]. На необходимость смысловой «обработки» первичного для понимания вторичного при анализе взаимоотношений этих понятий указывают и другие лингвисты. При этом делается попытка выведения определенного набора правил, отражающих законы возникновения вторичных единиц, по которым мы можем распознать природу дериватов.

Законы возникновения вторичных единиц сводятся в единое понятие «деривационная грамматика» (или «грамматика производных единиц»): словообразование обладает своеобразной «грамматикой», так как отличается «своей регулярностью и повторяемостью» [8].

При рассмотрении понятия «грамматики производных единиц» существует два направления исследования: выявление глубинных причин деривационных процессов и выяснение языковых факторов деривации. Л. Н. Мурзин выделяет, прежде всего, как он говорит, «отнюдь не лингвистические», а те экстралингвистические обстоятельства, которые застав-

ляют человека прибегать к производству/воспроизводству языковых единиц [9]. К таким обстоятельствам можно отнести, по мнению автора, всю жизненную ситуацию и человеческие потребности, имеющие достаточно большое влияние на состояние языковой ситуации. Л. Н. Мурзин подчеркивает, что производство вторичных единиц имеет определенную стратегию с точки зрения коммуникативной ситуации: оно обусловлено необходимостью обеспечения большей коммуникативной ясности. К аналогичным выводам приходит Н. Ф. Алефиренко, указывающая, что потребности вторичного номинирования предметов действительности обусловлены коммуникативно-прагматическими потребностями, а именно, поиском оптимальной формы «задуманного воздействия на реципиента» [10].

Как было сказано выше, важным аспектом диалектической взаимосвязи первичности/вторичности является отношение простоты/сложности. В большинстве случаев «производная основа сложнее первообразной» [11]. Имея более сложную форму, дериват, как правило, обладает и «осложненным» смыслом, отличающимся от исходного количественно-качественными параметрами. Как указывает Е. С. Кубрякова, производные единицы, как и производящие, создаются для того, чтобы номинировать какие-либо объекты или явления нашей действительности, но они выполняют и дополнительные функции: это не просто название фрагмента мира, но и указание «на его связь с другим действием, признаком или предметом, на его отношение к ним <...>» [12]. Автор также отмечает, что производные единицы, составляющие огромный пласт лексики современных европейских языков, являются более информативными. Этому отвечает тот факт, что дериваты позволяют увидеть, «как была воспринята определенная реальия в мире “как он есть” – через отсылки к каким (исходным, мотивирующим) сущностям (объектам, действиям, качествам и т. д.) они были осмыслены и затем поименованы» [13].

По мнению ряда современных лингвистов, изучение явления вторичности языковых единиц должно быть связано с исследованием ассоциативного характера мышления: вторичная единица рассматривается как результат деривационных процессов, которые обусловлены такими операциями, свойственными человеческому мышлению, как опора на «старое» при осмыслении «нового» и их ассоциативная связь [14].

Таким образом, при исследовании особенностей производной языковой единицы выявляется сложный характер ее взаимоотношений с исходной единицей, проявляющий их диалектическое единство. Обычно выделяют четыре типа таких взаимоотношений (возникающих в результате как синтетической, так и аналитической деривации): антонимия, синонимия, омонимия и конверсия.

С возникновением когнитивного направления изучение деривационных процессов и категории «первичность – вторичность» экстраполировалось на концептуальный уровень и обозначилось концептуальной деривацией, под которой подразумевается перераспределение смыслов и образование новых концептов на базе исходных, уже существующих в концептуальной системе индивида [15]. По словам Л. В. Бабиной, при вторичной репрезентации концептов имеет место активация первичного (исходного) концепта с последующей его модификацией с последующим формированием нового концепта. Модификация, по словам автора, может быть трех видов: развитие, расширение и сравнение [16].

Под основными когнитивными факторами вторичной репрезентации Л. В. Бабина выделяет тенденцию концептов к взаимодействию и способность концепта выступать в качестве ментального пространства и ментальной области. Обе тенденции взаимодействуют при образовании вторичных единиц, так как исходные концепты по своей природе могут выступать одновременно как доноры, так и реципиенты, а деление на часть-целое является фундаментальным свойством человеческого сознания. Вновь созданные концептуальные образования становятся неотъемлемой частью общего концептуального пространства человека [17]. При дальнейшем развитии каждый отдельный концепт обрывает определенным числом производных концептуальных новообразований, которые в свою очередь становятся «платформой» для будущего развития. С течением времени формируются крупномасштабные концептуальные области, призванные называться макроконцептами. Каждый отдельно взятый макроконцепт несет в себе «историческую память» и, как отмечает Г. Р. Ижбаева, можно выделить элементы, свидетельствующие о жизнедеятельности поколений, языковом единстве, историческом прошлом, культурной самобытности [18].

В последние годы особое место в лингвистике заняли исследования макроконцептов различных лингвокультур. Многие филологи при анализе макроконцептов придерживаются

теории таксономии, предложенной Э. Рош. Как правило, в упрощенном виде таксономическая структура состоит из зависимых друг от друга трех уровней: суперординатного, базового и субординатного [19]. С точки зрения развития и способности изменяться наиболее «подвижным» оказываются концепты субординатного уровня, или микроконцепты. Концепты же суперординатного уровня менее всего подвержены деривации, если, конечно, не принимать во внимание тот факт, что, изменяясь, микроконцепты приводят к модификациям и структуры концепта суперординатного уровня, по крайней мере, увеличивая или уменьшая его в объеме.

Однако нельзя утверждать, что концепт суперординатного уровня в силу своей фундаментальности оказывается «неинтересным» для изучения на предмет способности к различным изменениям, так как, во-первых, исследователи отталкиваются именно от концепта суперординатного уровня, а уже потом «спускаются» на нижние уровни. Во-вторых, доказывая естественную природу таксономических моделей, многие авторы обращаются к этимологическим основам макроконцептов и, в частности, к концептам высшего уровня, поскольку они «призваны служить точками опоры отсчета в языковой передаче непосредственного, перцептивного знания, требующего определенного перцептивного образа, отражения онтологических характеристик объектов, а также знания специального, экспертного характера» [20].

Поэтому доказательной базой при исследовании естественного хода категоризации макроконцептов может послужить выявление этимологических основ концепта суперординатного уровня. Во-первых, данный анализ позволяет, по нашему мнению, решить следующие фундаментальные вопросы лингвистики, а именно, в каком направлении происходит формирование уровней в структуре макроконцептов, был ли концепт суперординатного уровня априори единым, а его концептуальные признаки дали толчок развитию концептов базового уровня, или же, наоборот, концепты базового уровня объединились за счет салиентных признаков в единый макроконцепт с общим верхним концептом. Во-вторых, подобное исследование подводит нас к решению еще одного важного вопроса: являются ли концепты суперординатного уровня искусственно выведенными единицами или же они отражают естественный ход категоризации в различных лингвокультурах.

При концептуальном анализе необходимо выделить первоначальную основу, давшую «толчок» для последующего развития всего макроконцепта. Первоначальная основа нередко могла являться основой для двух или более концептов, что связано с особенностями мышления древних людей, соотносивших один и тот же предмет / явление с различными предметами, а одно и то же действие, по словам Н. Н. Панченко, становилось источником множества ассоциаций в сознании древних, связывающих данное действие с широким кругом действий/явлений [21].

Так, например, исследуя этимологию концепта «обман», Н. Н. Панченко доказывает, что понятия «обман» и «ложь» ассоциировались с пустотой, моральным и физическим ущербом, повреждением [22]. Е. Г. Стешина при анализе концепта «богатство» выделила следующие первичные признаки: достояние, состояние, доля, дающий, счастье, судьба, противопоставление бедности [23]. Е. В. Пак прослеживает следующую эволюцию концепта «гнев» в английском языке: злора, ярость, безумие (основа) – беспокойство, ярость, бешенство, сумасшествие – раздражение, возбужденность, бешенство, досада [24].

При рассмотрении развития различных макроконцептов возникает ряд проблем, связанных с категорией «первичность – вторичность» в самой структуре макроконцепта. Данная категория является онтологической сущностью, но выводится из анализа данных и отображает взаимосвязь вертикального типа по принципу «сверху – вниз». Главной проблемой является вопрос о том, от какого суперординатного концепта считать производной единицей концепта базового уровня. Например, базовый концепт «спортивные игры» в равной степени может находиться в структуре как макроконцепта «игра», так и «спорта».

Во-вторых, является ли производный базовый концепт вторичной единицей, сформированной при блендинге (интеграции) концептуальных признаков концептов суперординатного уровня или же она является вторичной единицей только одного суперординатного концепта с использованием элементов другого концепта.

Итак, формирование вторичности осуществляется за счет концептуальных признаков, присущих концепту суперординатного уровня. Данные концептуальные признаки, носящие абстрактный характер на вершине структуры макроконцепта, конкретизируются на базовом

уровне; они, в свою очередь, формируют концепты гипонимического уровня (микрконцепты), обладающие наибольшей степенью конкретизации, что позволяет человеку оперировать ими в своей повседневной жизни. См.:

Макроконцепт *instruments musicaux* – *instruments a vent, instruments a cordes, instruments a vent cuivres, instruments a percussion, instruments a membranes.*

Макроконцепт *lйgumes* – *lйgumimuses, lйgumes-feuilles, salades.*

Макроконцепт *animaux domestiques* – *gros бйтails, basse-cour, volaille, poulet*

Макроконцепт *parasites* – *parasites de fruits, parasites de vigne, parasites de cultures*

Макроконцепт *moyens de transport* – *deux-roues, voitures, camions, autocars, transport par fer.*

Таким образом, категория «первичность / вторичность» носит онтологический универсальный характер и имеет место как на языковом, так и на концептуальном уровнях. Универсальность рассмотренной категории заключается в самой сущности производных единиц, которые, в отличие от производящих основ, обладают большей степенью конкретизации. Как правило, вторичная единица является более сложной по сравнению с производящей основой и отличается от последней особыми количественно-качественными параметрами. Когнитология перенесла понятие «первичность / вторичность» на концептуальный уровень, затронув исследования как сиюминутных вторичных образований, так и развитие макроконцептов в диахроническом плане. В качестве методологии анализа вторичных единиц наиболее эффективным, по нашему мнению, оказывается исследование макроконцепта в виде трехчленной иерархической структуры. Концепт суперординатного уровня оказывается основой для формирования концептов базового и субординатного уровней. Ввиду большой временной протяженности развития макроконцепта целесообразнее обращаться к этимологическим истокам концептов суперординатного уровня.

Примечания

1. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 2000. 490 с.
2. *Гак В. Г.* Лексико-семантические преобразования // Языковые преобразования. 1998. С. 145.
3. Там же. С. 144.
4. *Конецкая В. П.* Семантические типы слов (на материале английского языка) // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 90.
5. *Доменко Н. В.* Лексические единицы со вторично-номинативным значением в ассоциативном поле русской языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 9.
6. *Нестерова Н. М.* Вторичность как онтологическое свойство концепта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2005. С. 42.
7. *Конецкая В. П.* Семантические типы слов (на материале английского языка) // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 90.
8. *Мурашов Р. З.* Грамматика производного слова // Вопросы языкознания. 1987. № 5. С. 38.
9. *Мурзин Л. Н.* Об основаниях деривационной грамматики // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики. Пермь, 1991. С. 39.
10. *Алефиренко Н. Ф.* Протовербальное порождение культурных концептов и их фразеологическая репрезентация // Филологические науки. 2002. № 5. С. 74.
11. *Мельчук И. А.* К понятию словообразования // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1967. Т. 26. Вып. 4. С. 352.
12. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. М., 2004. С. 335.
13. *Кубрякова Е. С.* Образы мира в сознании человека // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. № 2 (т. 65). С. 6.
14. *Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981. С. 354.
15. *Бабина Л. В.* Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи. Тамбов; М., 2003. С. 11.
16. См. там же. С. 11.
17. См. там же. С. 13.
18. *Ижбаева Г. Р.* Концепт как компонент национального самосознания // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2013. № 12.2. С. 235.
19. *Rosch E. H.* Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27.
20. *Болдырев Н. Н.* Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 21.
21. *Панченко Н. Н.* Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. С. 10.
22. См. там же. С. 10

23. Стешина Е. Г. Этимологическая память концепта «богатство / wealth» в русском и английском языковом сознании // Вестник ТГУ. 2007. Вып. 7 (51). С. 56.

24. Пак Е. В. Этимология концепта «гнев» в английском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 96. С. 217.

Notes

1. Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike* [Essays in Linguistics]. Moscow. 2000. 490 p.
2. V.G. Gak *Leksiko semanticheskie preobrazovaniya* [Lexical-semantic transformations] // *Yazykovye preobrazovaniya - Language transformations*. 1998. P. 145.
3. Ibid. S. 144.
4. Konetskaya V.P. *Semanticheskie tipy slov (na materiale anglijskogo yazyka)* [Semantic types of words (in the English language)] // *Voprosy yazykoznaniya - Questions of linguistics*. 1993, № 6, p. 90.
5. Domenko N.V. *Leksicheskie edinit'sy so vtorichno nominativnym znacheniem v assotsiativnom pole russkoj yazykovoj lichnosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical units with secondary nominative value in the associative field of Russian language personality: autoref. dis. Candidate of Philology]. Moscow. 2005. P. 9.
6. Nesterova N.M. *Vtorichnost' kak ontologicheskoe svojstvo kontsepta: avtoref. dis. ... d ra filol. nauk* [Secondaries as ontological character of concept: autoref. dis. Dr. Philology]. Perm. 2005. P. 42.
7. Konetskaya V.P. *Semanticheskie tipy slov (na materiale anglijskogo yazyka)* [Semantic types of words (in the English language)] // *Voprosy yazykoznaniya - Questions of linguistics*. 1993, № 6, p. 90.
8. Muryasov R.Z. *Grammatika proizvodnogo slova* [Grammar of derivative word] // *Voprosy yazykoznaniya - Questions of linguistics*. 1987, № 5, p. 38.
9. Murzin L.N. *Ob osnovaniyakh derivatsionnoj grammatiki* [On the foundations of derivative grammar] // *Printsip derivatsii v istorii yazykoznaniya i sovremennoj lingvistiki - Principle of derivation in the history of linguistics and modern linguistics*. Perm. 1991. P. 39.
10. Alefirenko N.F. *Protoverbal'noe porozhdenie kul'turnykh kontseptov i ikh frazeologicheskaya reprezentatsiya* [Protoverbal causing of cultural concepts and their phraseological representation] // *Filologicheskie nauki - Philology*. 2002, № 5, p. 74.
11. Melchuk I.A. *K ponyatiyu slovoobrazovaniya* [On the concept of word] // *Izv. AN SSSR. - News of USSR Academy of Sciences. Ser. Lit. and lang. Vol. 26. 1967. Issue 4. P. 352.*
12. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow. 2004. P. 335.
13. Kubryakova E.S. *Obrazy mira v soznanii cheloveka* [Images of the world in the human mind] // *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka - News of RAS. A series of literature and language*. 2006, № 2 (vol. 65), p. 6.
14. G. Lakoff *Lingvisticheskie geshtal'ty* [Linguistic gestalts] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike - New in foreign linguistics*. Is. 10. Moscow. 1981. P. 354.
15. Babina L.V. *Kognitivnye osnovy vtorichnykh yavlenij v yazyke i rechi* [Cognitive basis of secondary phenomena in language and speech]. Tambov; Moscow. 2003. P. 11.
16. See ibid. P. 11.
17. See ibid. P. 13.
18. Izhbaeva G.R. *Kontsept kak komponent natsional'nogo samosoznaniya* [Concept as a component of national identity] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta - Herald of the Chelyabinsk State University*. Chelyabinsk. 2013. № 12.2, p. 235.
19. Rosch E.H. *Principles of Categorization* // *Cognition and Categorization*. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27.
20. Boldyrev N.N. *Reprezentatsiya znaniy v sisteme yazyka* [Representation of knowledge in the language] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki - Issues of cognitive linguistics*. 2007, № 4, p. 21.
21. Panchenko N.N. *Sredstva ob'ektivatsii kontsepta «obman» (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov): avtoref. ... kand. filol. nauk* [Tools of objectification of the concept "deception" (based on the English and Russian languages): autoref. Candidate Philology]. Volgograd. 1999. P. 10.
22. See ibid. P. 10
23. Steshina E.G. *Ehtimologicheskaya pamyat' kontsepta «bogatstvo / wealth» v russkom i anglijskom yazykovom soznanii* [Etymological memory concept "wealth / wealth" in Russian and English language consciousness] // *Vestnik TGU - Herald of TSU*. 2007 issue 7 (51), p. 56.
24. Pak E.V. *Ehtimologiya kontsepta «gnev» v anglijskom yazyke* [Etymology of concept "anger" in English] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena - Proceedings of the Herten Russian State Pedagogical University*. 2009, № 96, p. 217.

Английское предложение в аспекте восприятия

В статье обсуждаются результаты лингвостатистического анализа различных типов английского предложения и его лингвистических признаков на материале устной речи носителей английского языка (британский вариант). Полученные статистические данные позволяют выделить перцептивные типы английского предложения, составляющие ядро синтаксического уровня носителя языка. В статье также представлены результаты восприятия изолированных английских предложений на слух носителями языка и русскоязычными билингвами.

The article discusses results of the statistic linguistic analysis of English sentences and their linguistic features. The statistic data allows to describe perception types of the English sentence, which make the nucleus of the perception base. Peculiarities of perception of the English sentence by native speakers and by Russians learning English are also discussed in the article.

Ключевые слова: английское предложение, восприятие, существенные лингвистические особенности, лингвостатистический анализ.

Keywords: English sentence, perception, linguistic features, statistic linguistic analysis.

Предложение считается одной из наименее изученных областей перцептивной лингвистики, при этом выявление стратегий слушающего, обусловленных строем конкретного языка, имеет особую актуальность. В настоящей статье обсуждаются перцептивные характеристики английского предложения в традициях модели восприятия речи по лингвистическим признакам, разработанной Л. Р. Зиндером и А. С. Штерн (1990). Данная модель восприятия предполагает опору на лингвистические признаки (ЛП), определяющие успешность восприятия речевой единицы, выявление иерархии признаков и установление среди них существенных. Совокупность ЛП выступает в качестве оперативных единиц доступа к перцептивному эталону предложения [1].

В работах А. С. Штерн развивается понятие перцептивной базы (ПБ) языка, первоначально введенное З. Н. Джапаридзе «как единство хранящихся в памяти эталонов фонетических единиц и правил сравнения с ними» [2]. А. С. Штерн включает в систему ПБ и эталоны высокочастотных слов, структур предложений и даже текстов. Модель обращена к поверхностному восприятию, обеспечивающему восприятие формально-языковой структуры лингвистических единиц, и не предполагает направленного обращения к высоким уровням интерпретации и понимания предложения.

В рамках модели на материале русского [3], английского [4] и немецкого [5] языков экспериментально выявлено влияние на успешность восприятия предложений таких ЛП: *распространенное – нераспространенное предложение, сообщение – вопрос, время глагола, актив – пассив, модальность, порядок слов и др.* Значимость признака определяется строевыми особенностями языка, конкретными условиями восприятия, уровнем владения языком.

При описании процессов восприятия речи также необходимо учитывать, что в речевых механизмах существует иерархическая организация элементов речи в соответствии с частотой их встречаемости. Статистические закономерности организации синтаксического уровня ПБ позволяет выявить лингвостатистический анализ корпуса звучащих текстов на уровне предложения. Он дает возможность выявить вероятностные характеристики строя английского предложения в перцептивном аспекте, ядерные типы синтаксических конструкций, естественно выделяемые носителями языка в спонтанной речи.

Таким образом, описание перцептивных характеристик английского предложения в данной статье осуществляется, с одной стороны, через представление частотности ЛП звучащего английского предложения и его перцептивных типов. С другой стороны, описываются

ся стратегии опоры на ЛП английского предложения при восприятии изолированных предложений в шуме.

Описание перцептивных типов и частотности ЛП английского предложения осуществляется на основе контент-анализа корпуса звучащих английских текстов, которые представлены скриптами девяти радиопередач Money Box BBC (5 595 предложений) (архив передач: http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/money_box/7813519.stm).

На основании лингвостатистического анализа выделено семь перцептивных типов английского предложения.

Предложения первого и второго типов представлены примерно в равном соотношении (590 и 583 предложения соответственно)

Тип 1: Простые предложения (средняя длина – 5,8 слова).

1.1. Простые предложения, построенные по структурной схеме *S P O*, например: *Some people do prefer that. I misunderstood you.*

1.2. Простые предложения, построенные по структурной схеме *S be C*, например: *And top of their worries is usually money. Next week it's about careers and their financial obligations.*

1.3. Простые предложения, построенные по структурным схемам *S P*, *S P O Adv*, *S P Adv*, например: *Inflation rises for the first time in 8 months.*

1.4. Простые предложения, построенные по структурной схеме *There be*: *There is a shortfall.*

1.5. Простые предложения, построенные по структурным схемам *S P prO*, *S P Oi O*, *S P O prO*, например: *And then they put us into consultation. I'll couple your call with an email from Jane in London.*

Тип 2: Сложноподчиненное предложение, состоящее из двух структурных частей (средняя длина предложения – 9,17 слова).

2.1. Сложноподчиненное предложение, состоящее из двух структурных частей, которые объединяются с помощью коннекции (союзная связь)

2.1.1. Сложноподчиненное предложение, состоящее из двух структурных частей, которые объединяются с помощью союза *that*, например: *And let's hope that Roger in Berkshire has as simple a question.*

2.1.2. Сложноподчиненное предложение, состоящее из двух структурных частей, которые объединяются с помощью союза *if*, например: *If you don't have a computer at home, most public libraries give free access.*

2.1.3. Сложноподчиненное предложение, состоящее из двух структурных частей, которые объединяются с помощью союзов или союзных слов *which*, *what*, *because*, *who*, *when*, *as*, *how*, например: *So obviously we're very worried because she does own her own house.*

2.1.4. Сложноподчиненное предложение, состоящее из двух структурных частей, которые объединяются коннекцией, реализуемой союзами и союзными словами: *whether*, *where*, *how*, *before* и др. (не перечисленными в предыдущих группах), например: *So you could be in that situation where you would need to find an extra income to meet that shortfall.*

2.2. Сложноподчиненное предложение, состоящее из двух структурных частей, которые объединяются примыканием (бессоюзной связью), например: *Well ACAS and I'm sure there's a link to that on our website.*

Представленность предложений 3-го и 4-го типов примерно в 1,5-2 раза ниже по сравнению с типами 1 и 2 (395 и 308 предложений соответственно).

Тип 3. Предложения, содержащие осложняющие конструкции (средняя длина 11,7 слова).

3.1. Предложения, осложненные неличными формами глагола (с наиболее частотной формой – инфинитивом), например: *It's very difficult for me to move the matter on.*

3.2. Предложения, осложненные такими видами конструкций, как однородные члены предложения, вводные конструкции, сравнительные обороты, обособленные второстепенные члены предложения, например: *You can find out more from our website, bbc.co.uk/moneybox, do all sorts of exciting things* (обособленный член предложения, однородное сказуемое).

Тип 4. Сложноподчиненные предложения, содержащие три структурные части (средняя длина 21,45), например: *There's an awful lot of certificates when you buy a property that's been converted or indeed a new build.*

Предложения 5, 6 и 7-го типов представлены примерно одинаково (в исследуемом массиве – 135, 124 и 114 соответственно).

Тип 5. Сложные предложения смешанного типа (содержащие сочинительную и подчинительную связь), содержащие четыре структурные части (средняя длина предложения – 29,4 слов), например: *And rules of contract are probably much the same, but we're answering the question very much as it would be in England, and on that basis I absolutely agree with Simon.*

Тип 6. Сложносочиненные предложения, содержащие две структурные части (средняя длина предложения – 18,02 слов).

6.1. Сложносочиненные предложения из двух структурных частей, объединенных коннекцией, реализуемой союзом *and*, например: *I work for a university and we have in our contract our holiday rights.*

6.2. Сложносочиненные предложения, содержащие две структурные части, объединенные коннекцией, реализуемой союзами *so*, *but* или примыканием (бессоюзной связью), например: *In Susanne's case though, the returns are low but the charges were high.*

Тип 7. Сложные предложения смешанного типа, состоящие из трех структурных частей (средняя длина предложения – 23,8 слова), например: *But I am quite willing to pay some money back to the tenant and in fact it was me who asked the tenant to get in touch with you as well.*

Обратимся к частотности отдельных ЛП предложения.

Подавляющее число глаголов имеют формы, представленные на рис. 1. Пассивных форм лишь 6% от всех проанализированных глаголов.

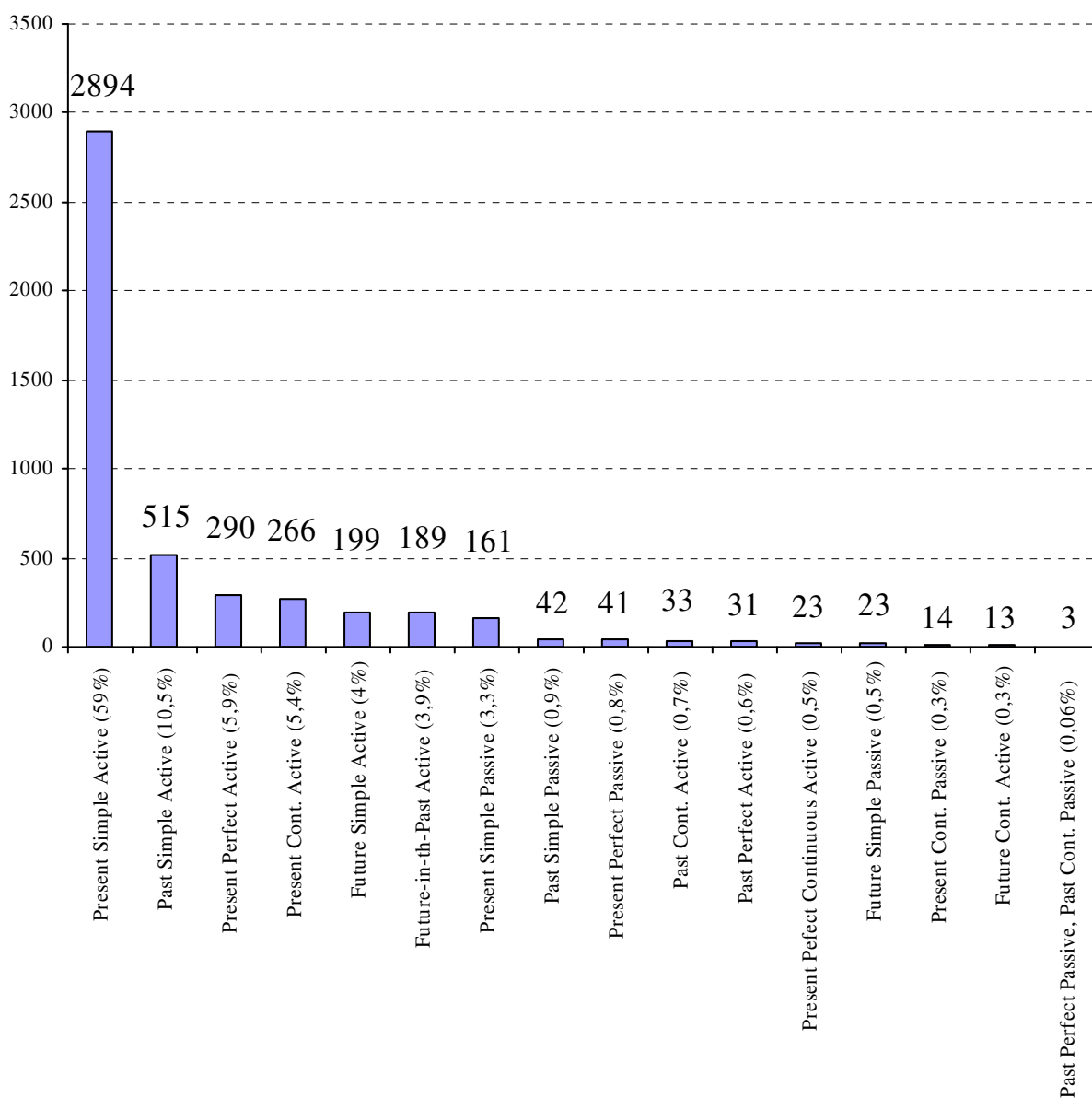

Рис. 1. Видовременная форма глагола-сказуемого

Одним из наиболее распространенных типов сказуемого является составное именное сказуемое с глаголом-связкой *to be* в настоящем времени (51,7% всех форм настоящего времени), в качестве предикатива к которому используется имя прилагательное или существительное. Модальное сказуемое образуется с помощью модальных глаголов *can* (34%), *have to* (14,2%), *should* (12,6%), *could* (11,5%), реже *might* (7,1%), *may* (6,9%), *have got to* (5,2%).

Самой частотной неличной формой глагола является инфинитив; герундий, причастие настоящего времени и причастие прошедшего времени используются значительно реже (рис. 2).

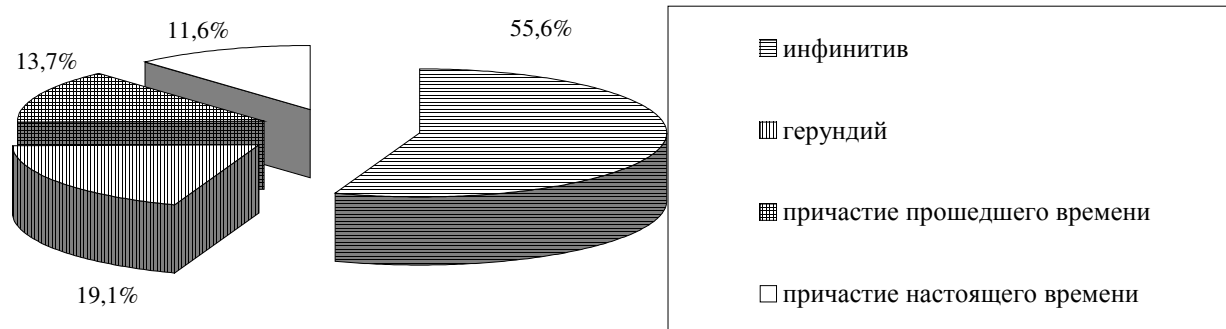

Рис. 2. Частотность неличных форм глагола

Подавляющая часть предложений построена по структурным схемам **SPO**: *We take your point* (39,6%), и **S be C**: *And top of their worries is usually money* (31,7%).

Менее частотны схемы: **SPO Adv**: *Then they put us into consultation* (6,5%); **SP Adv**: *This sort of dismissal can fall into that category* (6,1%); **SP**: *We are all blushing* (6,1%); **There be**: *There's always care from the state* (4,4%); **SP pro**: *She could certainly look at the option* (4,2%).

Средняя длина звучащего предложения – 13,16 слова. При этом длина простого предложения составляет 5,8 слова, осложненного – 11,7 слова, сложного – 22 слова.

Коннекция как способ связи частей сложного предложения реализуется через союзы и союзные слова, которые по степени убывания располагаются следующим образом: *that* (17,6%), *and* (16,6%), *if* (11%), *what* (7,1%), *because* (6,4%), *which* (6,2%), *but* (6,2%). Следующими по частотности идут *who* (4,9%), *when* (3,3%), *so* (3%), *whether* (2,2%). Доля примыкания составляет примерно 30%.

Рассмотрим особенности восприятия программы *изолированных* английских предложений носителями языка (БА) и русскоязычными билингвами (РА) (первый эксперимент) и успешность восприятия отдельных лингвистических признаков [6].

В экспериментах по прослушиванию программы *изолированного* предложения в качестве аудиторов приняла участие группа из семи аудиторов: британские студенты, обучающиеся в Пермском педагогическом университете, преподаватели одного из Пермских языковых центров, а также участники международной научной конференции; средний возраст – 30 лет, образование – высшее. В эксперименте также приняли участие русские аудиторы – студенты и преподаватели языковых факультетов и специальностей ПГУ, ПГТУ (г. Пермь) и ВятГГУ (г. Киров) (20 человек).

В качестве экспериментального материала использовалась программа 120 простых английских предложений. Предложения были озвучены двумя носителями (мужчиной и женщиной) британского варианта английского языка с нормативным произношением в естественном темпе. Предложения были замаскированы белым шумом при заданном соотношении S/N (сигнал/шум), равном приблизительно 0 дБ. Белый шум используется для выявления особенностей опоры на ЛП предложения при восприятии. Никто из аудиторов не проходил специальной подготовки к восприятию речи в условиях шума.

Для лингвистического анализа восприятия *изолированных* предложений были использованы результаты восприятия семи британских студентов (840 реакций) и восьми русских аудиторов (960 реакций), в которых процент опознания предложений наиболее высокий. Остальные 12 русскоязычных участников эксперимента показали крайне низкий процент опознания предложений (не более 18 опознанных предложений, или менее 15% опознания).

Средний процент правильного опознания изолированно произнесенных предложений британцами составляет 77,4%. Процент полностью сохранных предложений – 45,83%. Подлежащее и сказуемое предложения остаются сохранными в 94,52 и 93,57% соответственно, поэтому предложение в целом остается сохранным.

БА хуже воспринимают те части предложения, которые не являются элементами структурной схемы (определения и обстоятельства). Заменам подвергаются в основном слова, не являющиеся элементами структурной схемы и видовременной формы сказуемого (местоимения, прилагательные, наречия, т. е. второстепенные члены предложения), встречаются замены синонимического характера (на уровне лексики), не искажающие смысл предложения, например *It will also be a positive career move* было воспринято как *It will also be a good career move*.

БА при восприятии изолированного английского предложения опираются на ЛП: *структурная схема, время сказуемого, сложность синтаксической конструкции, утверждение – отрицание, актив – пассив*. Проведенный анализ свидетельствует о том, что названные признаки остаются наиболее сохранными при восприятии предложения в сильном шуме. Высокая степень опознания структурных элементов предложения и его ЛП позволяет носителю языка опознать предложение как целостную единицу даже в затрудненных условиях восприятия.

При изолированном восприятии длина полностью воспринятых и неопознанных предложений примерно одинакова (7,54 и 7,47 слова). Осложненные предложения чаще оказываются в группе неопознанных предложений.

Частотность является значимой при опознании *структурной схемы* предложения и *видовременной формы* сказуемого. Правильно воспринятыми чаще оказываются предложения, построенные по наиболее распространенным синтаксическим схемам *SPO, SbeC, SP*. Сказуемое в таких предложениях, как правило, стоит в форме Present Simple или Past Simple. Частотность также оказывается значимым признаком при восприятии неличных форм глагола и конструкций с ними. Носителями языка легче опознается инфинитив в силу своей частотности, хуже опознается герундий.

Признак *порядок слов* также оказывает влияние на качество опознания предложения носителями языка, так как изолированные предложения, где на первое место было вынесено обстоятельство, опознавались хуже.

Синонимические замены, которые встречаются при восприятии предложения БА, могут свидетельствовать о том, что при восприятии предложения действуют стратегии восприятия «сверху – вниз». Синонимичные замены в изолированном простом предложении у носителей языка чаще происходят на уровне лексики, структурная схема предложения заменам не подвергается. Тем не менее стратегия «снизу – вверх» также включается при восприятии предложения. Это происходит, когда в предложении встречаются многосложные слова и слова низкой частотности. Даже при успешном воспроизведении такого слова само предложение воспроизводится не полностью.

Неаутентичные механизмы восприятия изолированного предложения (РА) отличаются сильным снижением процента правильного опознания (31,2%). РА намного хуже опознают *структурную схему предложения* (61,48%) и *время сказуемого*, совершают ошибки при восприятии признаков *утверждение – отрицание и модальность*. Процент полностью сохранных предложений у РА ничтожен – 1,66%; в результате опознание предложения как целостной единицы РА весьма проблематично.

Несмотря на формальное наличие в предложении подлежащего (80,52%) и сказуемого (78,64%), у РА наблюдаются многочисленные замены таких признаков, как *время сказуемого, утверждение – отрицание, актив – пассив*. Кроме того, РА опускают артикли, искажают местоимения. Заменам подвергаются слова, являющиеся элементами синтаксической схемы и видовременной формы сказуемого. Кроме того, многочисленны лексические замены; многосложные слова и определения к существительным нередко совсем не воспринимаются.

Чем хуже сформированы аудитивные навыки испытуемого, тем многочисленнее и разнообразнее предлагаемые замены. Русскоязычные аудиторы чаще прибегают к заменам лексического уровня, часто предлагаемые замены совершенно не близки по звучанию со словом-стимулом, происходят нарушения границ слов (*the red roof* → *vegetables*). Хотя количество лексических замен довольно высоко, синонимических замен у РА практически не встречается. Это говорит о превалировании стратегий восприятия «снизу – вверх».

Результаты экспериментов с РА говорят о чрезвычайно низком качестве сформированности ПБ языка на синтаксическом уровне как в количественном, так и в качественном отношении. Полученные результаты подтверждают необходимость целенаправленного обучения восприятию предложения на слух с учетом опоры на лингвистические признаки и их частотность в речи. Тем не менее большинство грамматик английского языка не учитывают аспект восприятия, хотя важность разграничения позиций говорящего и слушающего признается многими лингвистами (Л. В. Щерба, Р. О. Якобсон, В. Б. Касевич, Т. Н. Чугаева).

Результаты исследования особенностей восприятия звучащего предложения подтверждают существование перцептивных типов предложений, которые представляют синтаксический уровень ПБ носителя языка и являются, по определению А. А. Леонтьева, основными психологическими единицами, наряду со слогом и словом, т. е. единицами, в отношении которых носитель языка располагает имплицитными критериями для выделения в потоке речи. Структурированность синтаксического уровня особенно важна при восприятии предложения, поскольку носитель языка знает синтаксические формулы предложения и узнает их даже при ущербности звукового облика.

Примечания

1. Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности: (экспериментальное исследование). СПб., 1992. 236 с.
2. Джапаридзе З. Н. Перцептивная фонетика. Тбилиси: «Мецниереба», 1985. С. 15.
3. Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности: (экспериментальное исследование). СПб., 1992. 236 с.
4. Чугаева Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка. Пермь, 2007. 246 с.; Алексеева Н. С. Существенные лингвистические факторы при восприятии английского изолированного предложения: дипломная работа. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2000. 53 с.
5. Ельцова М. Н. Категория напряжения и напряженности простого повествовательного предложения: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 185 с.
6. Порческу Г. В. Строй английского предложения в перцептивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2013. 210 с.

Notes

1. Stern A. *Pertseptivnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti: (ehksperimental'noe issledovanie)* [Perceptual aspect of speech activity (experimental study)]. St. Petersburg. 1992. 236 p.
2. Japaridze Z.N. *Pertseptivnaya fonetika* [Perceptual phonetics]. Tbilisi: "Metsniereba". 1985. P. 15.
3. Stern A. *Pertseptivnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti: (ehksperimental'noe issledovanie)* [Perceptual aspect of speech activity (experimental study)]. St. Petersburg. 1992. 236 p.
4. Chugaeva T.N. *Pertseptivnyj aspekt zvukovogo stroya anglijskogo yazyka* [Perceptual aspect of the sound system of English]. Perm. 2007. 246p.; Alekseeva N.S. *Sushchestvennye ling-visticheskie faktory pri vospriyatii anglijskogo izolirovannogo predlozheniya: diplomnaya rabota* [Linguistic significant factors in the perception of English insulated deals thesis]. Perm: Perm State Univ. 53 p. 2000.
5. Eltcova M.N. *Kategoriya napryazheniya i napryazhennosti prostogo povestvovatel'nogo predlozheniya: dis. ... kand. filol. nauk* [Category of stress and tension a simple declarative sentence: dis. Candidate of Philology]. Perm. 2006. 185 p.
6. Porchesku G.V. *Stroj anglijskogo predlozheniya v pertseptivnom aspekte: dis. ... kand. filol. nauk* [Story of an English sentence in the perceptual aspect: dis. Candidate of Philology]. Kirov, 2013. 210 p.

Миф о вечном возвращении в романе Дж. Макдональда «Фантастес»

Анализируется функционирование мифа о вечном возвращении в структуре романа Дж. Макдональда «Фантастес», исследуется роль мифологических образов в произведении в контексте авторской концепции духовной смерти и возрождения человека.

The paper examines the functioning of the myth of the eternal return in the structure of G. MacDonald's novel "Phantastes", concerns the role of mythological images in the novel in the context of the author's conception of human spiritual death and rebirth.

Ключевые слова: миф, вечное возвращение, цикличность, мифотворчество.

Keywords: myth, eternal return, recurrence, myth-making.

Цикличность (или вечное возвращение) – концепция восприятия мира как вечно повторяющихся событий. Одно из наиболее известных изложений теории цикличности представлено в книге румынского исследователя М. Элиаде «Миф о вечном возвращении» [1]. Согласно данной теории, жизнь первобытного общества определяется природными циклами, в частности сменой времён года. Соответственно, время в мифологическом сознании древнего человека членится на замкнутые циклы, что отражается в обрядовой практике. Функция ритуала состоит в устранении течения конкретно-исторического («профанного») времени и замене его временем традиции («сакральным временем»). Восприятие времени как циклического явления позволяет избежать «ужаса перед историей»: все события получают оправдание, и муки, несчастья людей обретают эсхатологический смысл.

Мифологическое представление о вечном возвращении оказало большое влияние на развитие философской и религиозной мысли. Первые философские космогонии в основном повествовали о возникновении и гибели космоса. Пифагор считал, что на свете нет ничего нового, что все рождённое вновь через какой-то срок рождается [2]. Стоики создавали учение о бесконечном и точном до деталей повторении того же самого мира, с теми же людьми и событиями. В диалогах «Федр», «Политик», «Тимей» Платон осмысливал историю как круговое движение, подобное движению небесных тел и вращению всего космоса.

В христианстве признание линейной направленности исторического процесса, уникальности исторических событий возникло как идея конечности истории. Христианство заимствует миф о смерти и воскрешении бога, а вместе с ним и всего космоса, но лишает его периодической повторяемости. Мир в итоге погружается в хаос (апокалипсис), чтобы затем воскреснуть в трансценденции, где нет времени и истории. Ученый А. Я. Гуревич замечает: «При всей своей "векторности" время в христианстве не избавилось от циклизма; коренным образом изменилось лишь его понимание. <...> Земная история, взятая в целом, в рамках, образуемых сотворением мира и концом его, представляет собой завершённый цикл: человек и мир возвращаются к Творцу, время возвращается в вечность» [3].

Вечное возвращение – один из основополагающих концептов философии жизни Ф. Ницше, используемый им для обозначения высшей формы утверждения жизни, способа бытия всего сущего. Время в его бесконечном течении должно с неизбежностью повторять в определенные периоды то же положение вещей. «Все вещи вечно возвращаются, и мы сами вместе с ними... мы уже существовали бесконечное число раз, и все вещи вместе с нами» [4]. С одной стороны, эта идея обрекает человека на существование без конечной цели. С другой стороны, несмотря на свою безжалостность, эта идея придаёт непреходящий характер и ценность каждому мгновению жизни в силу его вечного возвращения.

Древний миф переосмысливается в искусстве и превращается в художественный образ, развернутую метафору. Так, в XIX в. шотландский писатель и священник Джордж Макдо-

нальд (George MacDonald) использовал при создании своих произведений греческие, египетские, библейские мифы, послужившие в итоге основой его собственного мифотворчества. Первый роман Дж. Макдональда «Фантастес» («Phantastes», 1858 г.) считается одним из самых загадочных произведений британской литературы, причем все ученые отмечают его насыщенность мифологическими образами. Например, исследователь Ф. Сото так пишет о романе: «It is an imaginative yet thorough, literary mythic-religious underground adventure into the very heart of ancient rituals and beliefs» («Это фантастическое, но весьма тщательно выписанное литературное мифически-религиозное путешествие в подземный мир, в самое сердце древних обрядов и верований») [5].

Повествование в романе идет от первого лица. Главного героя зовут Анодос (Anodos), и значение этого имени играет важную роль в произведении. Греческое слово *ανωδος* ('восхождение') использовалось для обозначения цикличного воскресения или возвращения богинь земли – процесса, параллельного ежегодному пробуждению природы от зимнего сна [6]. Природные силы в мифе получили антропоморфный характер – так сложились повествования о богинях, богах и смертных, сходящих в царство мёртвых и возвращающихся оттуда (мифы о Персефоне, Деметре, Эвридике, Кибеле, Изиде и т. п.).

Имя Анодос также созвучно имени Адонис – так, согласно греческой мифологии, звали прекрасного юношу, в которого была влюблена богиня Афродита. Однако Адонис преждевременно погиб, и Зевс, сжалившись над горем Афродиты, приказал Аиду выпускать юношу из царства мёртвых ежегодно. «Вся природа ликует, когда возвращается на землю к ярким лучам солнца юный... Адонис» [7]. Таким образом, Адонис является одним из богов вегетационного цикла. Связь Анодоса с Адонисом подчеркивается также на образном уровне: анемон, цветок Адониса, имеет и другое название – ветреница, а образ ветреницы неоднократно возникает в структуре романа в связи с образом главного героя. Так, Анодос становится свидетелем торжественных «похорон» Ветреницы, на которых цветочные феи поют ритуальную песнь о сне до весны, приравнивая его к смерти. Позже Анодос замечает: «Я чувствовал, что ветреница – мой облик и моя вестница» [8].

В романе «Фантастес» всё указывает на то, что Анодос попадает в царство смерти: ручей, который нужно пересечь, сумрак, лес, постоянное ощущение чужого присутствия (призраков и теней). Затем Анодос пробует пищу Волшебной страны и начинает отчетливо различать человеческие фигуры, то есть приобщается к иному миру.

Анодос неоднократно говорит о своей любви к природе, к земле: «Земля манила меня; я готов был упасть на колени и покрыть её поцелуями» [9]. По мнению Ф. Сото, роль Анодоса состоит в выведении на свет богинь ежегодного весеннего обновления земли, которых символизируют различные женские персонажи [10]. Исследователь выделяет несколько восхождений, пробуждений, то есть «анодосов» богинь в романе (анодосы Кибелы, Персефоны, Эвридики, Изиды). Главный герой в процессе своего путешествия также испытывает ряд смертей и возрождений, возвращений, т. е. анодосов.

Еще в начале путешествия маленькие существа, живущие в цветах, кричат Анодосу: «Look at him! He has begun a story without a beginning, and it will never have any end» («Посмотрите на него! Он начал историю, у которой нет начала и никогда не будет конца») [11]. Когда Буковая дева поёт Анодосу песнь-оберег, он предвидит свое будущее в виде символического годового цикла. Побродив некоторое время по Волшебной стране, обогатившись новым опытом, Анодос глубоко засыпает, а свое пробуждение описывает, как возвращение к жизни: «Тело и душа мои ожили; я словно поднялся из объятий смерти, вбирающей в себя печаль прежней жизни и умирающей с приходом нового утра» [12]. Затем Анодос попадает в пустынный дворец и оказывается в комнате, точь-в-точь похожей на свою.

Читая книги, Анодос ощущает себя литературным героем: «Я вращался в любой роман. Все его повествование было обо мне, ибо я превращался в того героя, что более всего походил на меня, и его история становилась моей до тех пор, пока я не поднимал голову от книги – устав от долгой жизни, сжатой в пределы одного часа, добравшись до смертного одра или просто дочитав последнюю страничку...» [13] Для Анодоса каждая книга – это маленькая жизнь со своей смертью, его собственная жизнь, новые знания и опыт.

По прочитанным книгам Анодос делает вывод о вечном возвращении любви. Так, легенда о людях-птицах, которые не могут быть с теми, кого любят, и вынуждены в одиночку умирать от своей страсти, вызывает у Анодоса следующие мысли: «Почему-то мне кажется,

что после этого они заново рождаются у нас на Земле. И если там, повзрослев, они находят друг друга, все у них складывается удачно, а если нет, то им кажется, что они так и не обрели счастья» [14]. Рассказ о девушке-птице, которая отправилась на поиски весны и после долгих странствий, отыскав в лесу первый подснежник, умерла, вызывает у Анодоса уверенность в том, что вскоре «где-то на земле родилась крохотная девочка, прозрачно-бледная и тихая, как маленький подснежник» [15].

Потеряв в очередной раз Мраморную деву, Анодос совершает самоубийство – бросается в море. Вся жизнь буквально «проплывает» перед глазами героя – он видит её в волнах океана. Чудесным образом рядом с Анодосом оказывается лодка, которая выносит его к новому пристанищу – странной хижине. Хозяйка дома – добрая старуха, которая загадочно говорит о себе: «Уже сто лет прошло с тех пор, как меня хоронили последний раз» [16]. Это архетипический образ Великой Матери. Хозяйка ухаживает за обессилевшим Анодосом, и тот мечтает, чтобы это продлилось вечно: «Мне чудилось, что она может дать мне всё, чего я когда-либо желал, что мне уже никогда не захочется расстаться с ней, что я был бы счастлив вечно слушать её песни и есть её похлебку день за днём, сколько бы ни прошло лет» [17].

В этом доме Анодос проходит сквозь двери-порталы, каждый раз возвращаясь к значимым событиям своей жизни. Первое возвращение происходит через «дверь слез»: Анодос оказывается в собственном детстве и заново переживает смерть брата. Герой замечает: «A strange conviction flashed across my mind, that I had gone through the very same once before» («Меня вдруг посетило странное ощущение: я твердо знал, что все это уже происходило со мной и раньше») [18]. Второе возвращение происходит через «дверь вздохов»: Анодос видит Мраморную деву, но она любит другого. Третье возвращение происходит через «дверь смятения»: Анодос попадает к бывшей возлюбленной, затем оказывается в храме и в фамильном склепе. Затем Анодос снова возвращается к хозяйке хижины и, несмотря на её запрет, проходит через «дверь безвременья». Что было за этой дверью – остаётся тайной и для героя, и для читателя. Анодос возвращается в дом, хозяйка совершает над ним обряд, похожий на омование умершего, и отправляет в дорогу с напутствием «совершить что-нибудь достойное» [19].

Далее Анодос помогает двум братьям расправиться с великанами, держащими в плену невинных людей. Битва с великанами, а также длительная и тщательная подготовка к ней имеют явную отсылку к обряду инициации. Возгордившись победой, Анодос оказывается буквально заточен в темнице собственного тщеславия. Его спасает женщина, которую он когда-то сильно обидел: она освобождает его из башни с помощью песни, то есть тем же способом, что и сам герой раньше освободил из каменного плена Мраморную деву. Вскоре Анодос оказывается свидетелем ритуала жертвоприношения. Пытаясь помешать ходу церемонии, Анодос убивает волка и погибает сам.

Целая глава посвящена описанию чувств и мыслей умершего героя. В размышлениях Анодоса о смерти можно выделить прямую отсылку к мифу о вечном возвращении: «Уже то, что на земле бывает смерть, подразумевает, что существует и нечто бессмертное, которому предстоит либо принять иную форму – как бывает с посеянным зерном, когда оно умирает, а потом снова поднимается, – или, быть может, продолжать жить в чисто духовном измерении, как живёт человеческий разум или душа» [20]. Смерть – это начало новой жизни. Анодос имеет циклическое восприятие жизни и смерти: «I lay thus for a time, and lived as it were an unradiating existence» («Я лежал, продолжая жить в некоем замкнутом круге существования») [21]. Смерть – это возвращение домой, и эта идея неоднократно возникает в романе. Легенда о людях-птицах гласит: «Перед смертью каждый из них, повинувшись какому-то внутреннему велению, ищет себе место, похожее на то, где родился» [22]. Старуха, хозяйка хижины, поёт Анодосу:

Вот так же, бледный и немой.
Сойдешь ты в смерти тень.
Но ждёт тебя не мрак глухой,
А светлый, новый день.
Проснёшься ты средь лиц родных,
В объятьях любящих, живых [23].

В итоге Анодос возвращается к своей семье, к жизни в «реальном» мире, мире людей, откуда он и начинал свое путешествие.

Миф о вечном возвращении в структуре романа не только отсылает читателя к древним мифам о циклическом пробуждении и восхождении «растительных» богинь и богов из подземного царства мёртвых. В ходе всего путешествия Анодос пытается избавиться от собственной Тени, олицетворяющей гордыню и тщеславие. Герой так описывает одну из своих духовных смертей: «Словно бледный дух, исходящий из мёртвого тела, из моей прошлой, безгласной и раздавленной самости появилось новое “я”. Конечно, ему тоже придется умереть, быть погребённым, а потом взлететь из своей могилы на крыльях нового рождения – но пока всё это ещё впереди» [24]. Вернувшись домой, Анодос осознаёт свои приключения в Волшебной стране как важный духовный опыт: «Лишь один вопрос мучил меня: смогу ли я по-настоящему перенести в свою нынешнюю жизнь то, что приобрёл там? Или мне придётся снова преодолевать те же испытания, заново проходить всё, чему я научился, но иначе, по земным и человеческим обычаям?» [25]. Таким образом, миф о вечном возвращении в романе «Фантастес» имеет этическую доминанту: ряд смертей и возрождений героя символизирует духовное перерождение, избавление от пороков, самосовершенствование.

Примечания

1. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении / пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. СПб.: Алетейя, 1998. 250 с.
2. Циклическость // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. М.: Сов. энцикл., 1980. Т. 1. С. 620.
3. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. С. 100.
4. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // По ту сторону добра и зла: соч. М.: Изд-во Эксмо, 2004. С. 471.
5. *Soto F.* Chthonic Aspects of MacDonald's *Phantastes*: From the Rising of the Goddess to the *Anodos* of *Anodos* // North Wind. 2000. № 19. P. 25.
6. *Ibid.* P. 21.
7. *Кун Н. А.* Легенды и мифы Древней Греции. М.: «Мартин», 2006. С. 43.
8. *Макдональд Дж.* Фантастес / пер. с англ. О. Лукмановой. Н. Новгород: Агапе, 2005. С. 206.
9. Там же. С. 50.
10. *Soto F.* Chthonic Aspects of MacDonald's *Phantastes*: From the Rising of the Goddess to the *Anodos* of *Anodos* // North Wind. 2000. № 19. P. 31.
11. *MacDonald G.* *Phantastes*. Grand Rapids, MI: Eerdmans Pub Co, 1981. P. 23.
12. *Макдональд Дж.* Фантастес. С. 76.
13. Там же. С. 87.
14. Там же. С. 93.
15. Там же. С. 95.
16. Там же. С. 164.
17. Там же. С. 153.
18. *MacDonald G.* *Phantastes*. Grand Rapids, MI: Eerdmans Pub Co, 1981. P. 120.
19. *Макдональд Дж.* Фантастес. С. 164.
20. Там же. С. 205.
21. *MacDonald G.* *Phantastes*. Grand Rapids, MI: Eerdmans Pub Co, 1981. P. 158.
22. *Макдональд Дж.* Фантастес. С. 92.
23. Там же. С. 162.
24. Там же. С. 189.
25. Там же. С. 210.

Notes

1. *M. Eliade.* *Mif o vechnom vozvrashchenii* [The Myth of the Eternal Return] / transl. from fr. E. Morozova, E. Murashkintseva. St. Petersburg: Aletheia. 1998. 250 p.
2. *TSiklichnost'* [Cyclical] // *Mify narodov mira: ehntsiklopediya* - Myths of nations of the world: Encyclopedia: in 2 vol. / Ed. S. A. Tokareva. Moscow: Sov. entsikl. 1980. 1. P. 620.
3. *A.Y. Gurevich* *Kategorii srednevekovoj kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo. 1972. P. 100.
4. *F. Nietzsche* *Tak govoril Zaratustra* [Thus Spoke Zarathustra] // *Po tu storonu dobra i zla: soch* - Beyond Good and Evil: Op. Moscow: Eksmo. 2004. P. 471.
5. *Soto F.* Chthonic Aspects of MacDonald's *Phantastes*: From the Rising of the Goddess to the *Anodos* of *Anodos* // North Wind. 2000. № 19. P. 25.
6. *Ibid.* P. 21.
7. *Kun N.A.* *Legendy i mify Drevnej Gretsii* [Myths and Legends of Ancient Greece]. Moscow: "Martin". 2006. P. 43.

8. J. MacDonald. *Fantastes* [Phantastes] / translated from English O. Lukmanova. Nizhny Novgorod: Agape. 2005. P. 206.
9. Ibid. P. 50.
10. Soto F. Chthonic Aspects of MacDonald's Phantastes: From the Rising of the Goddess to the Anodos of Anodos // North Wind. 2000. № 19. P. 31.
11. MacDonald G. *Phantastes*. Grand Rapids, MI: Eerdmans Pub Co, 1981. P. 23.
12. J. MacDonald. *Fantastes* [Phantastes]. P. 76.
13. Ibid. P. 87.
14. Ibid. P. 93.
15. Ibid. P. 95.
16. Ibid. P. 164.
17. Ibid. P. 153.
18. MacDonald G. *Phantastes*. Grand Rapids, MI: Eerdmans Pub Co, 1981. P. 120.
19. J. MacDonald. *Fantastes* [Phantastes]. S. 164.
20. Ibid. P. 205.
21. MacDonald G. *Phantastes*. Grand Rapids, MI: Eerdmans Pub Co, 1981. P. 158.
22. J. MacDonald. *Fantastes* [Phantastes]. P. 92.
23. Ibid. P. 162.
24. Ibid. P. 189.
25. Ibid. P. 210.

УДК 7.011.2/3

М. М. Калиничева, М. В. Решетова

Креационное и креативное в проектной культуре дизайна

В статье анализируется российский опыт проектной культуры дизайна в свете его креационной и креативной составляющей; последние рассматриваются сквозь призму категорий духовности и инновационности в проектной культуре.

Понятие дивергентного мышления (модель структуры интеллекта по Дж. Голфриду) рассматривается с позиций формирования творческого потенциала личности в промышленности, науке, искусстве и образовании. Библейское толкование креационизма (по А. Меню) прослеживается через теории эволюционизма и креационизма. Наиболее значимой представляется позиция одного из основоположников теории технической эстетики (дизайна) К. М. Кантора.

Дизайн, подверженный влияниям моды и рынка, является необычайно динамичным компонентом культуры и находится в состоянии постоянного поиска. Активно участвуя в межкультурной коммуникации, он в то же время находится на пике синтеза искусств, что актуализирует параллельное использование важнейших для проектной культуры понятий креационности и креативности.

In article the Russian experience of design culture of design in the light of its kreationsny and creative component is analyzed; the last are considered through a prism of categories of spirituality and innovation in design culture.

Concept of divergent thinking (structure of intelligence by J. Golfridu) is considered from the standpoint of forming creative potential in industry, science, art and education. Biblical interpretation of creationism (by A. Menu) is viewed through the theory of evolution and creationism. Most significant is a position of one of the founders of the theory of technical aesthetics (design) K. M. Cantor.

Design is liable to the influence of fashion and the market so it is an extremely dynamic component of culture and it is in the state of constant research. It takes an active participation in cross-cultural communication, and at the same time it is at the peak of synthesis of arts which actualizes the concurrent use of the most important concepts for the design culture of Creation and creativity.

Ключевые слова: проектная культура дизайна, креационность, креативность, паттерн, современное искусство, функциональные, визуальные, социокультурные компоненты среды.

Keywords: project design culture, creation, creativity, pattern, contemporary art, functional and visual, socio-cultural components of the environment.

Проектная культура отечественного дизайна является неотъемлемой частью российской культуры в целом. Последняя неоднократно претерпевала сильнейшее влияние центробежных и центростремительных сил, которые кардинальным образом меняли подходы и взгляды на материальную среду обитания человека и, тем самым, задавали разные, порой противоположные типы проектности. В начале двадцатого столетия, как известно, благодаря стремительному развитию идей авангардизма, советский конструктивизм занял передовые позиции среди европейских стран, но уже после 2–2,5 десятилетий был отброшен «социалистическим реализмом» на периферию европейского развития, а, точнее, за его пределы, потеряв при этом и традиционную самобытность своей культуры. Однако до указанного перелома дизайн развивался в едином русле с европейской культурой и сумел сформировать мощный творческий импульс, который получил развитие во второй половине столетия. Этот этап развития отечественного дизайна глубоко и всесторонне освещен в работах С. О. Хан-Магомедова, Н. В. Воронова, А. Н. Лаврентьева, Е. В. Сидориной, Р. О. Антонова и многих других.

В целом, анализ описанного или художественного наследия свидетельствует о том, что эстетическая ситуация в сфере материальной культуры того времени складывалась под давлением государственной политики, которая решала две основные задачи:

– создание прогрессивного, лучшего в мире промышленного потенциала;

– воспитание нового человека с контролируемым, управляемым личностным сознанием. «Связь искусства со зрителем в этих условиях приобретает извращенный характер» [1]. Таким образом, отмеченное первенство, объясняющееся внехудожественными причинами, оказывало двухстороннее воздействие на личность художника, у которого креативность мысли соседствовала со страхом за судьбу произведения, а затем и личную жизнь. Борьба этих двух начал явно проступает в художественных формах Кандинского, Малевича, Татлина, Шагала и ряда других, демонстрируя сложность и противоречивость становления отечественной проектной культуры.

С течением времени ситуация менялась от отрицания дизайна и тесно связанной с ним эргономики до их широкого признания и внедрения во всех сферах производства. Созданный в 1962 г. Всероссийский научно-исследовательский институт технической эстетики стал крупнейшим в мире, объединив в своей разветвленной структуре свыше 10 тыс. специалистов [2]. Стремительно осваиваемый опыт мирового дизайна базировался в основном на изучении зарубежных образцов и отечественного исторического наследия начала XX столетия. Однако уже к последним десятилетиям века стало понятно, что западные аналоги плохо адаптируемы к нашей художественной действительности, а терминология мало приемлема из-за ее неточного понимания и применения.

К настоящему времени стало очевидным, что органическая ткань культуры требует учета не только научно-технического, но и мировоззренческого опыта, который во второй половине XX – начале XXI столетия раздвинул до беспредела представления о роли и месте творческого креативного импульса человека в художественном творчестве. И в то же время культура стремится вернуть себе свою исконную духовность. Прежде всего, в открытой и почти наивной простоте встает вопрос века: «Чему все же соразмерен человек – Богу или обезьяне?» В усиливающейся полемике все чаще используемое слово «креативность» антагонистически сталкивается с термином «креационизм», часто без обосновательной мотивировки.

В бесконечно широком веере суждений по этому поводу ответы исходят в подавляющем большинстве из неточной интерпретации указанных понятий в науке, образовании, культуре. Чаще всего указанные термины раскрываются в своем минимальном смысловом значении, но сделанные на этом основании далеко идущие и категоричные выводы решительно отвергают тот или иной полюс суждений. Желая понять сущность научной полемики, мы обратились к значению понятия «креационизм», представленному А. Менем в библиографическом словаре, которое с научно-исследовательских позиций, как нам кажется, наиболее обосновано. В нем, в частности отмечается, что креационизм (от лат. creatio – творение) библейский – учение о создании Творцом видимого бытия. «В языческих космогониях нет подлинного креационизма. Вселенная по их концепциям, возникла из лона самих богов или из вечного космического вещества (огня, воды). Библия не знает ничего совечного Творцу и указывает на Его абсолютную иноприродность по отношению к твари...» [3]

Сам процесс творения, вытекающий из анализа библейского текста, изображается как:

- «поэтапное усложнение твари, увенчивающейся человеком»;
- совершение творения «в процессе победы над Хаосом».

Но если в иных космогониях «борьба богов-творцов с чудовищами Хаоса представлялась закономерностью, для Библии чудовища Хаоса (левиафан, дракон, раав) означают нарушение замыслов Творца». И в конечном счете, что самое любопытное, в библейском учении о борьбе с Хаосом «содержится, быть может не вполне ясно выраженная, но все же достаточно определенная идея о том, что творение есть процесс, продолжающийся и поныне». Таким образом, креационизм библейский оказывается связанным с проблемой космического зла, которое преодолевается, как указывает А. Мень, в созидательных деяниях Божьих.

Естественно, что интерес вызывает, прежде всего, понимание указанного тезиса ведущими теоретиками дизайна. Под этим углом зрения важна не только точка зрения, существующая на данный момент, но и эволюция современных подходов к вопросам созидания с позиций естественнонаучного эволюционизма и креационизма. В интересующей нас области наиболее значимой представляется позиция одного из основоположников теории технической эстетики (дизайна) К. М. Кантора. Его основополагающий труд «Красота и польза. Социологические вопросы материально-художественной культуры» являлся одним из базовых, вошедших в историю становления отечественной проектной культуры [4]. В 1996 г. он же ввел в научный обиход понятие «паттерна» как проекта конкретных культурно-исторических типов: «Есть паттерны истории западноевропейской, российской и т. д. с моей точки зрения, нет общества – ни русского, ни западноевропейского, ни китайского – в котором бы укоренился лишь один тип паттерна. Тип культуры связан с определенным народом и формируется в процессе жизнедеятельности определенного общества, этноса, народа» [5].

Следовательно, категории народности и проектности находятся в генетической близости, и их совместное развитие как по пути прогресса, непосредственно связанного с креативным мышлением, так и становление культуры народа, обращенной к мировоззренческим вопросам, – закономерно. Указанный вывод, сделанный непосредственно К. М. Кантором, можно найти в его итоговом труде XXI в. «Двойная спираль истории: Историософия проектизма». В частности, он отмечает: «Схождение Бога к человеку есть одновременно требование восхождения человека к Богу; прорыв естественного миропорядка со стороны Бога есть выход, обращенный к человеку, от которого ожидается такой же прорыв силой его “выше чем человеческого” поведения» [6]. Это, по его мнению, английский биолог и поэт Э. Дарвин (1731–1802) и французский ученый Ж.-Б. Ламарк (1744–1829) учитывали в процессе разработки своих трудов (сведения приведены в соответствии с данными цитируемого выше библиологического словаря А. Менья). Все они были убеждены в том, что разрабатываемые ими идеи не вступают в конфликт с библейским толкованием креационизма. Как отмечает А. Мень, только после появления в 1958 г. работы А.-Р. Уоллеса (1823–1913) о борьбе за существование и выхода труда Ч. Дарвина (1809–1882) «Происхождение видов» с дальнейшим развитием их учений в трудах последователей естественнонаучный эволюционизм был активно введен в арсенал науки и, в конечном счете, перенесен на геогенез и космогенез [7]. Термин креативность (от лат. *creation* – созидание), а затем и понятие креативного мышления сложились в принципиально ином научном поле, которое может характеризоваться как плоскостное. Один из основных создателей теории креативности, американский психолог Голфрид Джой Пол противопоставил линейному дискурсу, который ведет к единственному решению (конвергентное мышление), «веерообразный» намек по всем направлениям, часто приводящий к оригинальным решениям (дивергентное мышление). В частности, он писал: «Под креативностью следует понимать способность отказываться от стереотипных способов мышления. Основой креативности является дивергентное мышление...»; «Дивергентное мышление против всякой однозначности, “черно-белых” истин. Ему чужды мертвящие, абстрактные схемы. “Дивергентный” ум нацелен на поиск инновационных путей. В литературе, адресованной массовому читателю, ближайшей параллелью дивергентному мышлению является понятие “горизонтального мышления”» [8]. Будучи разработчиком структуры интеллекта, Дж. Голфрид [9] отводил ключевую роль творческому потенциалу личности в промышленности, науке, искусстве и образовании и считал необходимыми системные исследования природы творчества. В разработанной им теории он в 1950 г. описал творчество как чувствительность к проблемам, а в 1959 г. описал дивергентное мышление как возможность генерировать различные идеи и созидать на этой

основе новые модели. В усовершенствованной модели дивергентного мышления, представленной в 1976 г., Голфрид трактовал указанный тип мышления как сущностную составляющую творчества. Связав указанные категории напрямую, он предложил следующие характеристики дивергентного мышления:

1. Беглость (способность производить большое количество идей или решений проблемы).
2. Гибкость (способность одновременно предлагать различные подходы к конкретной проблеме).
3. Оригинальность (способность производить новые, оригинальные идеи).
4. Разработка (способность систематизировать и детализировать идеи и реализовывать их).

Эти общие характеристики получили широкое распространение и дальнейшую разработку в различных областях искусства.

В итоге креативность, имманентно присущая творчеству дизайна, воспринимается обобщенно (часто поверхностно), как все то, что отличается необычностью и новизной, и в условиях убыстряющихся темпов жизни снимает или упраздняет мировоззренческие культурные парадигмы. Это приобретает особое значение с учетом того, что дизайн, подверженный влияниям моды и рынка, является необычайно динамичным компонентом культуры и находится в состоянии постоянного поиска. Активно участвуя в межкультурной коммуникации, он в то же время находится на пике синтеза искусств [10], что актуализирует параллельное использование важнейших для проектной культуры понятий креационности и креативности. Оба они вошли в научный обиход относительно недавно и являются однокоренными, хотя по своему значению могут, как указано выше, либо близко подходить друг к другу, либо, наоборот, знаменовать собой противоположные подходы к пониманию роли и места человека в культуре и мире. Состояние современного дизайна настолько усложнено в своих понятиях и определениях, настолько расширено в границах исследований, что в него как артефакты могут быть включены любые элементы быта, производства и вообще деятельности человека – от высокого искусства до любых отбросов утилитарного потребления – мусора, производственных отходов или даже самих процессов отправления человеком физических или физиологических актов (см. письмо Марии Чегодаевой Центру современной живописи по поводу круглого стола «Современная живопись в системе культуры сегодня») [11].

Все это мотивируется тем, что *«мир хочет разбираться в себе посредством современного искусства. Это психоанализ, это Фрейд новейшего времени. Мир живет другими скоростями, другими объемам. Надо понимать, что российское искусство должно быть представлено в разных регионах мира...»* (Цитата из текста вышеуказанного письма; курсив М. Чегодаевой).

Но что именно может представить миру искусство России и, в частности, дизайнерское? Ведь, проектируя и моделируя среду обитания человека, оно не только самым непосредственным образом затрагивает все сферы его жизни и деятельности, но и выступает действительным фактором управления культурой. Это продемонстрировано, как отмечено выше, всем опытом XX столетия. Им же оставлен уникальный опыт экстрагирования самых существенных доминант функциональных и визуальных компонентов окружающей среды с их последующим воплощением в предметно-пространственные композиции уже на новом уровне культурного восприятия. Но здесь задействуется уже другой художественно-выразительный язык, использующий новые пластические возможности живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, архитектуры и дизайна.

Анализируя выставочную и практическую деятельность современных дизайнеров (Internazionale Del Mobile/Миланский мебельный салон, Милан; выставка Imm Cologne, Германия, посвященная мебели и дизайну интерьеров; выставка Maison & Objet – салон в области дизайна и оформления помещений в Европе, проходящий два раза в год в Париже с 1995 г.; Международная бьеннале графического дизайна «Золотая пчела», Москва; «Стрелка» – ежегодный фестиваль, который представляет на своих площадках современный дизайн: выставки, презентации проектов, мастер-классы авторитетных дизайнеров и экспериментальные проекты студентов; Салон инноваций и инвестиций, ВВЦ РФ, Москва; выставка «Дизайн России – творчество молодых» в рамках РосБиоТех – 2013, Москва и др.), можно выделить такую важнейшую для настоящего времени черту их искусства, как использование сходных или одинаковых компонентов минималистического стиля в функционально и эстетически адекватных образах различных национальных традиций.

Здесь можно в равной мере наблюдать древнерусские мотивы, увиденные глазами дизайнера, североевропейские или прибалтийские. Разнообразие национальных манер быта становится узнаваемым, но не конфронтирующим ни с общими принципами минималистического стиля (хотя и с некоторыми декоративными отступлениями от него), ни с другими интерьерами подобного вида. При этом заданность художественно-выразительных элементов сообщает некоторую закрытость средовому пространству, сохраняя одновременно его широкие коммуникативные возможности.

В проектировании подобного рода голос разума и голос эмоций могут быть соединены воедино. При этом сохраняется возможность культурной идентификации, т. е. самоощущения себя внутри конкретной культуры. «Она характеризуется субъективным чувством индивидуальной самоотжествленности, т. е. отождествлением себя с теми или иными типологическими формами культурного устройства...» [12]

Дизайнерское мастерство здесь сказывается, прежде всего, в умении придавать различным типам интерьера (или иного объекта) свою имманентную композиционную логику, которая может характеризоваться большей или меньшей своеобразием при неизменной реализации главной цели – высокой функциональности вводимых компонентов. При этом степень конкретизации, акцентации и детализации объектного наполнения средового пространства избирается дизайнером таким образом, что их фигуративные и образные характеристики допускают высокий уровень обобщения. Именно этим определяется успешность реализации рационалистического стиля в различных типах национальных интерьеров. Естественно, что важнейшую роль здесь играет колористическое оформление.

Подобный пример, являясь одним из многих (например, синтез природных и рукотворных элементов в интерьере), позволяет понять сферу и смысл креативного мышления в теории Дж. Голфрида, где он выделяет шесть основных параметров креативности:

- 1) способность к обнаружению и постановке проблем;
- 2) способность к генерированию большого количества проблем;
- 3) семантическая спонтанная гибкость – способность к продуцированию разнообразных идей;
- 4) оригинальность – способность продуцировать отдаленные ассоциации, необычные ответы, нестандартные решения;
- 5) способность усовершенствовать объект, добавляя детали;
- 6) способность решать нестандартные проблемы, проявляя семантическую гибкость, т. е. способность увидеть в объекте новые признаки, найти их новое использование. Весь спектр перечисленных параметров креативности может быть широчайшим образом задействован в практически неограниченном художественном пространстве языческого и библейского креационизма с их бездной семиотических и геронтологических смыслов. С их участием осуществляется идентификация человека с определенным историческим прошлым, в котором мировоззрение выражается, в том числе, через выработку ряда отличительных символов – образной системы окружающей среды, эмблем, различного рода знаков и т. п. Все это может и должно войти в контекст будущих дизайнерских исследований и проектных разработок, закладывающих фундамент проектной культуры XXI в.

Примечания

1. Толстой А. В. Стиль и спрос. Искусство, государство и зритель. Из истории взаимоотношений // Стиль, направление, метод. Российская академия художеств. Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств. М., 1992. С. 125.
2. Калиничева М. М., Жердев Е. В., Новиков А. И. Научная школа эргодизайна ВНИИТЭ: предпосылки, истоки, тенденции становления. М.: ВНИИТЭ, 2009. 368 с.
3. Мень А. Эволюционизм естественный. Библиологический словарь. Т. 3. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. 528 с.: ил.
4. Кантор К. М. Красота и польза. Социологические вопросы материально-художественной культуры. М.: «Искусство», 1967.
5. Кантор К. Правда о дизайне. М.: АНИР, 1996. С. 11.
6. Кантор К. М. Двойная спираль истории: историософия проектизма. Т. 1: Общие проблемы. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 592–593.
7. Мень А. Эволюционизм естественный. Библиологический словарь. Т. 2. К – П. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. 560 с.

8. Алдер Гарри. C.Q., или Мускулы творческого интеллекта / пер. С. Потапенко. М.: Изд-во ФАИР-ПРЕСС, 2004. С. 40.
9. Guilford J. P. Analysis of Intelligence. N. Y., 1971 (совм. с Hoepfner R.).
10. Мурина Е. Б. Проблемы синтеза пространственных искусств. М., 1982. 192 с.; Зис А. Я. Теоретические предпосылки синтеза искусств // Взаимодействие и синтез искусств / под ред Д. Д. Благой. Л.: Наука, 1978. С. 5–20.
11. URL: www.cp-centre.ru/critica_PDF/che_pismo.pdf
12. Культурология / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М.: Высш. образ., 2007. С. 91.

Notes

1. Tolstoy A.V. *Stil' i spros. Iskusstvo, gosudarstvo i zritel'*. Iz istorii vzaimootnoshenij [Style and demand. Arts, the State and the viewer. From the history of the relationship] // *Stil', napravlenie, metod. Rossijskaya akademiya khudozhestv. Nauchno issledovatel'skij institut teorii i istorii izobrazitel'nykh iskusstv* - Style, direction, method. Russian Academy of Arts. Scientific Research Institute of Theory and History of Fine Arts. Moscow. 1992. P. 125.
2. Kalinicheva M.M., Zherdev E.V., Novikov A.I. *Nauchnaya shkola ehrgodizajna VNIITEH: predposylki, istoki, tendentsii stanovleniya* [Scientific School of ergodesign VNIITEH: background, origins, trends of development]. Moscow: VNIITE, 2009. 368 p.
3. Men A. *EHvolyutsionizm estestvennyj* [Evolution is natural]. Bibliologichesky dictionary. Vol. 3. Moscow: Fund of Alexander Men. 2002. 528 p.: ill.
4. Cantor K.M. *Krasota i pol'za. Sotsiologicheskie voprosy material'no khudozhestvennoj kul'tury* [Beauty and benefits. Sociological issues of material culture]. Moscow: "Iskusstvo". 1967.
5. Cantor K. *Pravda o dizajne* [The truth about design]. Moscow: ANIR. 1996. P. 11.
6. Cantor K.M. *Dvojnaya spiral' istorii: istoriosofiya proektizma* [Double helix of history: historiosophy of projectizm. Volume 1: General problems]. Moscow: Languages Slavic culture. 2002. Pp. 592-593.
7. Men A. . *EHvolyutsionizm estestvennyj* [Evolution is natural]. Bibliologichesky dictionary. Vol. 2. K - P. Moscow: Fund of Alexander Men. 2002. 560 p.
8. Harry Alder. *C.Q., ili Muskuly tvorcheskogo intellekta* [CQ, or muscles of creative intelligence] / transl. S. Potapenko. Moscow: FAIR Press Publ. 2004. P. 40.
9. Guilford J. P. Analysis of Intelligence. N. Y., 1971 (together. From Hoepfner R.).
10. Murina E.B. *Problemy sinteza prostranstvennykh iskusstv* [Problems of synthesis of spatial arts]. Moscow. 1982. 192 p.; Zis A. Ya. *Teoreticheskie predposylki sinteza iskusstv* [Theoretical background of synthesis of the arts] // *Vzaimodejstvie i sintez iskusstv* - Interaction and synthesis of the arts / edited by D D. Blagoy. Leningrad: Nauka. 1978. Pp. 5-20.
11. Available at: www.cp-centre.ru/critica_PDF/che_pismo.pdf (in Russ.)
12. *Kul'turologiya* [Culture study] / ed. Yu.N. Solonin, M.S. Kagan. Moscow: Vyshee obrazovanie. 2007. P. 91.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.013

О. В. Лебедева

Педагогическое наследие К. Д. Ушинского и проблемы современного образования в России

В статье раскрываются некоторые аспекты педагогического наследия К. Д. Ушинского, касающиеся проблем, актуальных для современного образования в России: нравственного и трудового воспитания, противоречий патриотического воспитания, идеала, соотношения общечеловеческого и национального воспитания, заимствования западных систем образования. Основу данных проблем составляет противоречие между необходимостью сохранения национальной самобытности и увлечением иностранными заимствованиями, понимание проявления патриотизма не только в военное, но в мирное время. Великий педагог поднимал и решал проблемы преимущественного изучения отечества, знания родного языка, формирования национального идеала, в котором выражены требования общества к подрастающему поколению, потребностей личности в труде на пользу отечества. Внимательное изучение наследия позволит экстраполировать его на сегодняшнюю теорию и практику образования в России.

The article covers some aspects of K. D. Ushinsky's pedagogical heritage which are actual for the modern education in Russia. They concern to such problems as moral and working education, contradictions of patriotic education, ideal's forming, relations between human and national education, borrowings of foreign systems. The basis of these problems is contradiction between the necessity of keeping national identity and passion for foreign borrowings, understanding of patriotism display not only in war, but in peace time. The outstanding teacher raised and resolved the problems of the priority of the motherland studies, the mother tongue knowledge, national ideal's forming, in which social demands to the yang generation are expressed, personal needs in work for the motherland well being. The careful studies of K. D. Ushinsky's heritage permit to extrapolate it for the educational theory and practice in Russia in the present time.

Ключевые слова: нравственное образование, труд, патриотическое воспитание, идеал, национальная система воспитания.

Keywords: moral education, work, patriotic education, ideal, national system of education.

Современная школа России переживает сложный этап очередной модернизации. Поиск путей интеграции в международную образовательную систему вовсе не означает отказ от достижений, накопленных отечественной педагогической наукой, у истоков которой стоял выдающийся педагог К. Д. Ушинский (1824–1870). В этом году исполнилось 290 лет со дня его рождения. Педагогическое наследие основателя научной педагогики в России представляет несомненную ценность для теории и практики воспитания и обучения, поэтому представляется закономерным обращение к его творческим исканиям. В соответствии с логикой развития европейского образования он предложил концепцию отечественного, национального, «народного образования», основу которого составляли национальная культура (родной язык, литература, история, природа и т. д.), наука и христианство. Обладая способностью прогнозирования, педагог предвидел, что эти науки составят базис содержания образования развитых стран мира.

Исходные категории его педагогической концепции – понятия «человек» и «цель». Цель воспитания К. Д. Ушинский определял с гуманистических позиций: «Основной целью воспитания может быть только сам человек, так как все остальное в этом мире (и государство, и народ, и человечество) существует только для человека. ... В человеке цель воспитания

составляет душа, для которой существует и тело» [1]. Он дал своеобразное определение души как принципа жизни в организме, деятельности чувства и воли.

Цель жизни педагог обоснованно считал сердцевиной человеческого достоинства и счастья. «Удовлетворите всем желаниям человека, но отымите у него цель в жизни и посмотрите, каким несчастным и ничтожным существом явится он» [2]. Цель, детерминированная любовью к делу, обеспечивает включение человека в беспрестанную, постоянно расширяющуюся деятельность, избавляет от поиска наслаждений и помогает пренебрегать страданиями. Парадоксально, на первый взгляд, звучит его утверждение о том, что, если воспитание желает счастья человеку, то должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни. Однако он был абсолютно прав, утверждая, что труд – это основа счастья, нравственности и человеческого достоинства. Эта мысль заслуживает особенного внимания в современных условиях, когда труду (даже по самообслуживанию) не находится места в системе школьного воспитания.

Отличительную особенность отечественной педагогики К. Д. Ушинский видел в свободном, «излюбленном» труде, увлекающем целью дела, как идеал воспитания, основанного не на мечтах, а на реальной действительности. Следовательно, воспитание должно быть направлено на то, что помочь воспитаннику найти полезный труд и внушить неутомимую «жажду» труда. «Для всякого, кто понимает назначение жизни человека и научился сочувствовать интересам человечества, найдется довольно почтенного и полезного труда» [3].

Нравственное воспитание в его педагогической системе играло первостепенную роль. «Влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями и разъяснение каждому его личных интересов» [4]. На основе анализа его трудов можно заключить, что сущность нравственного воспитания определялась как формирование свободной личности с сознательными убеждениями, твердой волей и характером, относящейся к труду как основе достоинства и счастья, патриота, готового трудиться для пользы отечества. «Нравственность и свобода – два явления, необходимо обуславливающие друг друга, потому что нравственным является действие, проистекающее из свободного решения. Поскольку человеку предоставляют права, постольку можно требовать от него нравственности» [5].

Признавая врожденный характер свободы, К. Д. Ушинский относил ее к таким существенным условиям самостоятельной человеческой деятельности, без удовлетворения которых она невозможна. В самостоятельной «излюбленной» деятельности происходит соединение сознания и воли. Педагог ставил проблему соотношения нравственности и труда. Взаимообусловленность нравственности и самостоятельного труда выражена им в психическом законе «свобода есть законная дочь вольного, упорного, неутомимого труда, а вольный труд широко разливается только под покровом свободы» » [6]. Отсюда педагог выводил задачу воспитателя – развивать в воспитаннике любовь к самостоятельному излюбленному труду и предупреждать развитие своеволия и деспотизма.

Важное значение в выработке нравственных привычек и поведения придавалось методу убеждения. Убеждение как духовная сторона характера трансформируется в постоянное правило для действия и, наконец, становится привычкой. При этом подчеркивалось, что воспитатели не должны навязывать собственных убеждений воспитанникам. Главной проблемой гуманистического воспитания он считал противоречие между необходимостью формирования самостоятельных убеждений воспитанников и трансляцией им убеждений воспитателей. К. Д. Ушинский выступал противником воспитания, основу которого составляло подражание детей словам и действиям воспитателей, разрушавшего индивидуальность детей.

Центральное место в его педагогической концепции занимает идея народности. Ее сущность выражена в следующих словах: «Есть только одна общая для всех людей прирожденная склонность, на которую может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем народностью. Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми склонностями» [7].

Несмотря на то что педагог несколько преувеличивал роль инстинктивного характера патриотизма, наделяя его непостижимой властью над сердцем любого человека, в том числе взяточника и негодяя, гибнущим в человеке последним при общей гибели всего святого и благородного, в его работах содержится много положений, актуальных для теории и практики патриотического воспитания в современный период.

Народность, трактуемая как любовь к родине, называлась единственным источником жизни народа в истории. «Каждому народу суждено играть в истории свою особую роль, и если он позабыл эту роль, то должен удалиться со сцены, он более не нужен. Народ без народности – тело без души, которому остается только подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность» [8]. Поскольку народность – источник благополучия и процветания государства, то все его члены черпают в любви к отечеству силы для своей общественной деятельности. Отсюда следовало, что воспитание будущего гражданина, члена общества – это важный процесс общественной жизни, посредством которого все новые поколения связываются общей духовной жизнью с отживающими. Эти идеи великого педагога отражены в Концепции патриотического воспитания граждан РФ, в которой патриотизм называется нравственной основой жизнеспособности государства, а выражается в особой направленности самореализации и социального поведения граждан.

Педагог верно отмечал, что общественное воспитание не только укрепляет любовь к отечеству в личности человека, развивая в то же время его ум и самосознание, но и содействует развитию народного самосознания, оказывает влияние на развитие общества, язык, литературу, законы, словом, на всю историю. Одним из признаков национального самосознания К. Д. Ушинский считал осознание человеком единого исторического развития народа. История определялась как процесс сознания идеи, которая скрывается в народности, и ее выражение в исторических деяниях. Требование осознания идеи народности касалось не только исторических деятелей и народных писателей, но и каждого члена общества. Каждый должен быть патриотом своей родины и трудиться для ее пользы, занимаясь своим делом.

К. Д. Ушинский называл патриотизм одной из особенностей национального характера русских людей, объяснял сложность его воспитания противоречивостью нашего национального характера. «Нет, назло нам самим, в нас гораздо более патриотизма, чем мы сами думаем, но много также того прирожденного славянского недостатка, который увлекает нас чужеземщиной далее пределов благоразумия» [9]. Основной проблемой воспитания патриотизма является необходимость понимания того, что патриотизм проявляется не только в военное, но и в мирное время. Большого мужества требует отстаивание правды, защита невинного человека в неблагоприятных жизненных обстоятельствах. «Мы считаем выражением патриотизма и те проявления любви к родине, которые выражаются не в одних битвах с внешними врагами: высказать смелое слово истины бывает иногда гораздо опаснее, чем подставить лоб под вражескую пулю, которая, авось, пролетит мимо» [10]. К числу особенностей российского патриотизма К. Д. Ушинский относил его недостаточное проявление в будничных повседневных делах. «Одна беда, что это чувство патриотизма, пробуждающееся по временам с истинно львиною силою, оказывает мало влияния на спокойный ход нашей жизни, на исполнение постоянных, ежедневных наших обязанностей» [11].

К. Д. Ушинский порицал квасной патриотизм, свойственный нашей литературе, наполненной поддельными патриотическими возгласами и преднамеренными неправдами, но особенно осуждал литераторов, заявляющих о своем уважении народа и в то же время вооружающихся против невинных патриотических предубеждений. Педагог приводил в пример Ч. Диккенса, с любовью описывавшего странные и отчасти смешные привычки старой доброй Англии. Педагогу было больно, жалко и досадно слушать, что в нашей истории все достойно насмешки и презрения и как литераторы с наслаждением развенчивают Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Гоголя и доказывают детям, что ни в настоящем, ни в прошлом нет ничего заслуживающего любви и уважения. «Это не образование, а дикость, вандализм, потому что только варварам свойственно не иметь историю и разрушать драгоценнейшие ее памятники, истреблять все и не созидать ничего. А это, поистине вандальское, все разрушающее, ничего не сберегающее и ничего не созидующее направление нередко принимается у нас многими за признак высшего европейского образования; тогда как в целой Европе нет ни одного самого мелкого народа, который бы не гордился своей национальностью» [12].

Важной проблемой отечественной педагогики, на которую обращал внимание К. Д. Ушинский, всегда был вопрос о западных заимствованиях. Решая эту проблему, он писал: «Общей системы народного воспитания всех народов не существует не только на практике, но и в теории...» [13] Сделавшись одним из элементов государственной и общественной жизни, общественное воспитание шло своим особенным путем у каждого народа. У каждого

народа своя особая национальная система воспитания, поэтому заимствование воспитательных систем невозможно. «Воспитание берет человека всего, как он есть, со всеми его народными и единичными особенностями, – его тело, душу и ум, – прежде всего, обращается к характеру человека; а характер и есть именно та почва, в которой коренится народность» [14]. Как разные виды почвы требуют своих особых средств обработки и посева соответствующих растений, так и педагогика для воспитания человека должна использовать специальные средства с учетом его индивидуальных и национальных особенностей. Поскольку Россия являлась аграрной страной и большая часть ее населения проживала в сельской местности, К. Д. Ушинский раскрывал особенности национального характера русских на примере деревенских жителей и относил к ним природный славянский ум, добродушие, глубокие следы христианства, патриархальную нравственность. По мнению педагога, особенности патриархальной нравственности, свидетельствующей о потребностях глубоких и благородных чувств народа, являются основой для формирования гражданской, государственной и общечеловеческой или христианской нравственности. На церковь и школу возлагалась задача вывести народ из отжившего патриархального быта в более обширную и свободную сферу гражданского общества, государства и человечества.

Причину различия национальных систем воспитания К. Д. Ушинский видел в особой идее о воспитании, которая имела у каждого народа, ее основанием служил идеал человека, соответствующий данному историческому периоду. «Каждый народ имеет свой особенный идеал человека, и требует воспроизведения этого идеала в отдельных личностях. Идеал этот у каждого народа соответствует его характеру, определяется его общественной жизнью, развивается вместе с его развитием, и выяснение его составляет главнейшую задачу каждой народной литературы» [15]. Придерживаясь диалектических взглядов на общественно-историческое развитие, он указывал на относительную ценность народного идеала и его эволюцию в ходе исторического развития: «Народный идеал человека, к какому бы веку он ни принадлежал, всегда хорош относительно этого века» [16]. Ценность народного идеала заключается в том, что он способствует самосовершенствованию человека, является образцом, опираясь на который, он судит о действиях и поступках других людей и воплощения которого хочет в близких людях. В народном идеале отражены требования, предъявляемые обществом к воспитанию подрастающих поколений. Творцом идеала совершенного человека выступает народ. «Всякий народ в литературе, начиная песней, пословицей, сказкой и оканчивая драмой и романом, выражает свои убеждения о том, каков должен быть человек по его понятию. Он украшает этого идеального человека всеми лучшими качествами души своей... каков бы ни был этот идеал, он всегда выражает собою степень самосознания народа, его взгляды на пороки и добродетели – выражает народную совесть» [17]. Литературный идеал отражает лучшие стороны изменения общественной жизни. Проблема формирования идеала особенно актуальна в век прагматизма, когда привлекательными для молодежи становятся образы олигархов, секс-символов, киллеров, мисс мира, топ-моделей, добившихся материального преуспевания, популяризируемые средствами массовой коммуникации и литературой, а в учебной литературе отсутствуют достойные герои, способные конкурировать с ними своим нравственным обликом.

Народный идеал в национальной системе К. Д. Ушинского выступал как цель воспитания, которой подчиняются все другие компоненты. Средствами формирования идеала в первую очередь являлись родной язык, литература и история. Педагога огорчало наличие в данный период незначительного количества детской литературы, имеющей воспитательное значение. В связи с этим при составлении книги для обучения детей младшего возраста «Родное слово» он внес коррективы в имевшиеся произведения литературы и вместе с Л. Н. Модзалевским написал некоторые рассказы и стихи на нравственные темы, обращая особое внимание на их эмоциональное воздействие. «Влияние литературных произведений на нравственность очень велико; то литературное произведение нравственно, которое заставляет дитя полюбить нравственный поступок, нравственное чувство, нравственную мысль, выраженные в произведении» [18].

Идея народности К. Д. Ушинского выражала требование преимущественного изучения родины. «Отчего в наших школьных уставах, подвергавшихся и подвергающихся беспрестанным переделкам, нет и намека на преимущественное, усиленное изучение родины?» [19]. Педагог возмущался фактами относительного невежества русских во всем, что касается

России. Он был озадачен, почему эту проблему не поднимают газеты, а Русское географическое общество и Академия наук не делают ничего для распространения сведений по географии России и облегчения изучения русский грамоты и русской литературы для русского юношества. Одной из причин экономического отставания России он считал недостаточную роль русского элемента в образовании, плохое знание родины, порождавшие отсутствие уважения к отечеству. К. Д. Ушинский был искренне убежден в том, что все «болезни» уменьшатся, если поднять уровень знаний учащихся о России. «Скудость наших знаний о России зависит от многих причин; но, конечно, прежде всего, от того, что мы ее не изучаем или изучаем плохо» [20].

К числу необходимых знаний для каждого человека педагог относил наряду с умением читать, писать, считать и знанием оснований своей религии знание своей родины, потому что детей учат не для того, чтобы учить, а для того, чтобы сообщать знания, обладая которыми, можно быть полезным себе и обществу. Первое знакомство с отечеством, а именно занятия языком, природой, географией и историей своей ближайшей и обширнейшей родины «должно быть признано такою же необходимостью для каждого человека, как умение читать и писать... Дальше мальчик может идти и не идти, но это он должен знать, как человек и гражданин» [21].

Несомненной заслугой К. Д. Ушинского являлось выделение родинovedческого направления, трактуемого как обучение географии на местном материале, составляющее основу современного краеведения. Родинovedение он позаимствовал в швейцарских школах как наглядное изучение того уголка природы, в котором живет ребенок, так как подобное обучение сближает с великим наставником – природой. Он считал странным, что воспитательное влияние природы, которое каждый испытал на себе и которое отмечено почти в каждой биографии, так мало оценено в педагогике.

В работах К. Д. Ушинского содержатся ценные указания относительно разрешения проблемы соотношения общечеловеческой и национальной основ воспитания, о заимствовании систем воспитания у других народов и необходимости их критического осмысления. Особенно актуально сегодня, когда на наших улицах мы видим рекламные надписи и названия торговых центров на иностранном языке, звучат его слова об единственном достойном без критической переработки заимствовании из западного образования черты уважения к своему отечеству. «Но, право, нам не мешало бы занять, вместо всех прочих, одну черту из западного образования – черту уважения к своему отечеству; а мы ее-то, именно ее, единственно годную для заимствования во всей полноте, и пропустили. Не мешало бы нам занять ее не для того, чтоб быть иностранцами, а лишь затем, чтоб не быть ими посреди своей родины» [22].

Педагог обоснованно считал, что воспитание имеет общечеловеческие основы, применимые ко всем детям. Национальное дополняет черты общего образовательного идеала. Однако основания общественного воспитания должны быть заложены самим народом. Только при этом условии можно заимствовать педагогический опыт другого государства. Опыт других народов в деле воспитания – «драгоценное наследие» для всех в том же смысле, в котором всемирный опыт истории является всеобщим достоянием. Но вместе с тем «как нельзя жить по образцу другого народа... точно так же нельзя воспитываться по чужой педагогической системе, как бы ни была она стройна и хорошо обдумана» [23]. Содержание и организационно-педагогические формы обучения у всех европейских народов имеют сходство, но «у каждого из них своя особая система воспитания, своя особая цель и свои особые средства ее достижения» [24]. Во всех школах изучается одна и та же латинская и греческая грамматика, та же история с бесконечными войнами, но каждый народ находит в них «особенную пищу», соответствующую своим национальным особенностям.

Следовательно, прежде чем создавать теории воспитания, нужно познакомиться с состоянием воспитания русского народа. Мы напрасно стараемся выдумать воспитание у русского народа, оно родилось вместе с ним, отразило в себе всю его историю, его лучшие и худшие качества, это почва, на которой выросли все поколения России, сменяя друг друга. Пересоздать ее невозможно, но можно улучшить, учитывая ее требования и недостатки. Он правомерно утверждал, что воспитание, созданное самим народом, имеет воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у других народов «Нет, русское воспитание не поддается и не поддастся нашим

усилиям до тех пор, пока мы сами в себе не примирим европейского образования с живущими в нас элементами народности» [25].

Раскрывая собственный опыт примирения европейского образования с элементами народности, К. Д. Ушинский признавался, что заимствовал многие приемы обучения у немецких педагогов и швейцарского педагога, а также из книг, из личных наблюдений за обучением в заграничных школах, но изменял «сообразно нашим русским потребностям и под влиянием... собственной практики» [26]. Его единомышленник и последователь Д. Д. Семёнов, анализирувавший учебники для начальной школы, признавал «Родное слово», составленное под влиянием иностранных пособий Фриза и Шерра, вполне самостоятельным не только в методическом отношении, но и русским, народным по обработке материала. Достоинство книги составляют гуманные идеи мыслителя-психолога, «глубоко изучившего и понимавшего потребности детской природы вообще и русской в частности» [27], выражающего любовь к русским детям.

Лучшим выражением народности К. Д. Ушинский считал родной язык, выражающий самосознание народа, так как в нем отражена вся историческая духовная жизнь народа, и он соединяет отжившие, живущие и будущие поколения в одно великое историческое целое. «Вводя дитя в народный язык, мы вводим его в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, в область народного духа» [28]. Родное слово называлось духовной одеждой, в которую должно облечься все знание, чтобы превратиться в собственность человеческого сознания.

Основоположник отечественной педагогики придавал большое значение знанию детьми родного языка, который являлся центральным предметом, вокруг него группировались все остальные, изучавшиеся в народной школе. «Преподавание отечественного языка в первоначальном обучении составляет предмет главный, центральный, входящий во все другие предметы и собирающий в себе их результаты» [29]. Идея народности приобретала демократическое звучание, поскольку обучение детей в низшей школе на родном языке делало доступным образование для широких слоев населения. Обучение на языке, на котором с детьми дома разговаривали родители, гуманизировало педагогический процесс.

Заслугой К. Д. Ушинского являлось то, что он вносил изменения не только в теорию, но и в практику образования. Будучи инспектором Гатчинского сиротского института (1854–1859 гг.), педагог изменил учебный план, увеличив количество часов на изучение родного языка, словесности, естествознания, математики и географии. Аналогичные изменения он произвел в Смольном институте благородных девиц, систему образования в котором характеризовал как «французско-галантерейную», так как там совсем не звучала русская речь, воспитанницы не знали А. С. Пушкина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, а основное внимание уделялось изучению французской истории, литературы, географии.

Таким образом, внимательное изучение педагогического наследия великого педагога, интерпретация с позиций современности его принципиальных теоретических положений, раскрывающих проблемы цели воспитания, нравственного и трудового воспитания, противоречивого характера патриотического воспитания, формирования идеала, соотношения общечеловеческой и национальных основ воспитания, заимствования западных систем воспитания позволяют его экстраполировать на сегодняшнюю теорию и практику образования в России.

Примечания

1. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. Т.6. М.: Педагогика, 1990. С. 498.
2. Там же. С. 351.
3. Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении // Избранные произведения. М.; Л.: АПН РСФСР, 1946. Вып. 3. С. 146.
4. Ушинский К. Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Избранные произведения. М.; Л.: АПН РСФСР, 1946. Вып. 3. С. 154.
5. Там же. С. 178.
6. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1990. С. 331.
7. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Избранные произведения. М.; Л.: АПН РСФСР, 1946. Вып. 3. С. 118–119.
8. Там же. С. 121.
9. Ушинский К. Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Избранные произведения. М.; Л.: АПН РСФСР, 1946. Вып. 3. С. 184.

10. Там же.
11. Там же. С. 185.
12. Там же.
13. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Избранные произведения. М.; Л.: АПН РСФСР, 1946. Вып. 3. С. 123.
14. Там же. С. 57.
15. Там же. С. 90.
16. Там же. С. 92.
17. Там же. С. 90–91.
18. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1989. С. 19.
19. Ушинский К. Д. О необходимости сделать русские школы русскими // Избр. пед. соч. Вопросы обучения: в 2 т. Т. 2. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1954. С. 281.
20. Там же. С. 282.
21. Там же. С. 283.
22. Там же. С. 282–283.
23. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании в данный период // Избранные произведения. М.; Л.: АПН РСФСР, 1946. Вып. 3. С. 123.
24. Там же. С. 60.
25. Ушинский К. Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Избранные произведения. М.; Л.: АПН РСФСР, 1946. Вып. 3. С. 191.
26. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1990. С. 45.
27. Семенов Д. Д. Избранные педагогические сочинения. М.: АПН РСФСР, 1953. С. 45.
28. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1989. С. 16.
29. Там же. С. 517.

Notes

1. Ushinsky K.D. *Pedagogicheskie sochineniya* - Pedagogical works: in 6 vols. Vol.6. Moscow: Pedagogika. 1990. P. 498.
2. Ibid. P. 351.
3. Ushinsky K.D. *Trud v ego psikhicheskom i vospitatel'nom znachenii* [Labour in its mental and educational value] // *Izbrannye proizvedeniya* - Selected Works. Moscow; Leningrad: APN RSFSR. 1946. Iss 3. P. 146.
4. Ushinsky K.D. *O npravstvennom ehlemente v russkom vospitanii* [On the moral element in the Russian education] // *Izbrannye proizvedeniya* - Selected Works. Moscow; Leningrad: APN RSFSR. 1946. Iss 3. P. 154.
5. Ibid. P. 178.
6. Ushinsky K.D. *Pedagogicheskie sochineniya* -Pedagogical works: in 6 vols. Vol. 6. Moscow: Pedagogika. 1990. P. 331.
7. Ushinsky K.D. *O narodnosti v obshchestvennom vospitanii* [About nationalities in the public education] // *Izbrannye proizvedeniya* - Selected Works. Moscow; Leningrad: APN RSFSR. 1946. Iss 3. Pp. 118-119.
8. Ibid. P. 121.
9. Ushinsky K.D. *O npravstvennom ehlemente v russkom vospitanii* [On the moral element in the Russian education] // *Izbrannye proizvedeniya* - Selected Works. Moscow; Leningrad: APN RSFSR. 1946. Iss 3. P. 184.
10. Ibid.
11. Ibid. P. 185.
12. Ibid.
13. Ushinsky K.D. *O narodnosti v obshchestvennom vospitanii* [About nationalities in the public education] // *Izbrannye proizvedeniya* - Selected Works. Moscow; Leningrad: APN RSFSR. 1946. Iss 3. P. 123.
14. Ibid. P. 57.
15. Ibid. P. 90.
16. Ibid. P. 92.
17. Ibid. Pp. 90-91.
18. Ushinsky K.D. *Pedagogicheskie sochineniya* -Pedagogical works: in 6 vols. Vol. 4. Moscow: Pedagogika. 1989. P. 19.
19. Ushinsky K.D. . *O neobkhodimosti sdelat' russkie shkoly russkimi* [On the need to make Russian schools Russian] // *Izbr. ped. soch. Voprosy obucheniya* - Sel. ped. proc. Study questions: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: State ped.-ed. publ. of Min. of education. RSFSR. 1954. P. 281.
20. Ibid. P. 282.
21. Ibid. P. 283.
22. Ibid. Pp. 282-283.
23. Ushinsky K.D. [About nationalities in public education in this period] // *Izbrannye proizvedeniya* - Selected Works. Moscow; Leningrad: APN RSFSR. 1946. Iss 3. P. 123.
24. Ibid. P. 60.

25. Ushinsky K.D. *O narodnosti v obshchestvennom vospitanii v dannyj period* [On the moral element in the Russian education] // *Izbrannye proizvedeniya* - Selected Works. Moscow; Leningrad: APN RSFSR. 1946. Iss 3. P. 191.

26. Ushinsky K.D. *Pedagogicheskie sochineniya* -Pedagogical works: in 6 vols. Vol. 5. Moscow: Pedagogika. 1990. P. 45.

27. Semenov D.D. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* - Selected pedagogical works. Moscow: APN RSFSR. 1953. P. 45.

28. Ushinsky K.D. *Pedagogicheskie sochineniya* -Pedagogical works: in 6 vols. Vol. 4. Moscow: Pedagogika. 1989. P. 16.

29. Ibid. P. 517.

УДК 159.9.072; 376.6

В. В. Ковров

Воспитательная работа в общеобразовательной организации как ресурс обеспечения психологической безопасности*

В статье рассматриваются актуальные проблемы современной образовательной практики, связанные с организацией воспитательной работы в школе, обосновывается взаимосвязь качества организации процесса воспитания и психологической безопасности образовательной среды для всех её субъектов. В статье обсуждаются результаты исследования представлений учащихся о безопасности образовательной среды во взаимосвязи с проявлением в ней разных форм насилия или свободой от насилия. Приводятся конкретные примеры взаимосвязи оценки отношений в семье, школе и классе с насилием со стороны учителей, учащихся, сверстников. Выделяются базовые факторы, определяющие для обследованной выборки школьников все многообразие феноменов взаимодействия в системе отношений учащихся и восприятие ими содержательных аспектов воспитательной работы в образовательных учреждениях.

The article deals with problems of modern educational practices related to the organization of educational work in school, the quality of the relationship settles organization of the process of education and psychological safety of the educational environment for all its members. The article discusses the results of studies in students about the safety of the educational environment in conjunction with the manifestation of it in various forms of violence and freedom from violence. The concrete examples of the relationship assessment of relations in the family, school and classroom violence by teachers, students, and peers. Stand the basic determinants for the sample of schoolchildren surveyed the diversity of phenomena of interaction in the system of relations of students and their perception of education in educational institutions.

Ключевые слова: воспитание, воспитательный процесс, безопасность образовательной среды, насилие, формы насилия, воспитательная работа, общественная направленность деятельности.

Keywords: education, training process, the safety of the educational environment, violence, forms of violence, mentoring, community orientation activities.

В настоящее время при обсуждении широкой образовательной практики всё чаще звучат оценочные мнения, связанные с деградацией воспитательного компонента в образовании, в которое внедрился экономический термин «образовательная услуга», превращающий образование из высочайшей обязанности общества и важнейшей его ценности в услугу. Между тем воспитательная функция образования является особенностью именно нашей, российской, системы. Не случайно американский психолог У. Бронфенбреннер в книге «Два мира детства» заметил, что в английском языке даже не существует эквивалента термина «воспитание». К сожалению, сегодня в нашем социуме не работают устоявшиеся, привычные механизмы социализации и воспитания детей, которые были весьма действенны в недалеком прошлом.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-06-00559.

Естественно, возникает вопрос: что же сегодня является системообразующим началом в определении содержания процесса воспитания? Современная специфика вопроса содержания процесса воспитания состоит в том, что современного ребенка нужно защищать от агрессивной пропаганды вседозволенности и насилия, примитивизма и цинизма, учить достойно жить в меняющемся социуме, создавая «островки безопасности» в школе, и проектировать дружественную социальную среду. С другой стороны, ребёнку необходимо активно вводить в практику личностного самоопределения, формирования собственных взглядов, основанных на ненасильственном взаимодействии с окружающими его людьми. Кроме того, с нашей точки зрения, культурно-историческая традиция развития нашей страны свидетельствует о приоритете духовных и нравственных ценностей, положенных в основу воспитания [1]. Сегодня организация воспитательного процесса в общеобразовательной организации требует самого пристального внимания и всесторонней поддержки как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества, возвращающихся к осознанию значимости духовно-нравственного воспитания в системе образования. Проблемы, связанные с человеческими ценностями, относятся к числу важнейших научных проблем – философских, психологических, педагогических. Это связано с той ролью, которую играют ценности в развитии человека и общества, выступая интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой социальной группы, культуры, нации, для человечества в целом.

Отсюда следует, что в условиях модернизации российского образования при обновлении содержания и организации образовательного процесса должны быть актуализированы его воспитательные функции. В то же время приходится констатировать, что современная школа рассматривается как сфера образовательных «услуг», как «отрасль народного хозяйства», где минимизируется воспитательная функция образования, примитивизируются формы воспитывающей практики, упрощается и (или) искажается методика и технология организации воспитательной работы. Вследствие этого организация воспитательной деятельности в школе остается «проблемным полем» для всех участников образовательного процесса.

Отметим, что сегодня многими руководителями общеобразовательных организаций задачи воспитания зачастую не определяются приоритетными. То, что делается в соответствии с «актуальными для школы планами организации учебно-воспитательной (внеурочной) работы», осуществляется в логике развития имиджа организации. В тех же случаях, когда руководство школы ставит такие задачи серьезно, решать их приходится за счет микроформ и координации отношений с семьями учащихся. Преобладание «малых форм» в организации воспитательной работы в школе обусловлено катастрофическим отсутствием ресурсов времени», поскольку учащиеся уже «включились в соревнование за лучшее будущее». Их, на всякий случай, готовят к тому, что им придется жить всерьез, или к тому, чтобы не упустить то мгновение, когда перед ними случайно откроются двери социального лифта.

Организация внутришкольных воспитательных мероприятий – «мира шоу и акций» с ролями ранеток, имитирующими гражданскую активность и нравственные образцы в поведении и деятельности, имитирующими «уникальность воспитательной системы школы», преобладание «дистанционного воспитания» в социальных сетях – то содержание «инновационных находок» (симулякров новой инновационной педагогики в области воспитания) современной школы. Говорить о создании и удержании системы ежегодных ключевых коллективно-творческих дел в отдельном классе, в образовательной организации в целом (как основы воспитательной системы школы, по Л. И. Новиковой, В. А. Караковскому) приходится всё реже. Однако отметим, что в современной российской школе пока ещё сохраняются элементы упорядоченности в школьной культуре, в отношениях, в деятельности, в мероприятиях.

Следует сказать, что в современных условиях значительно усложнился процесс воспитания и защиты ребенка от негативных воздействий факторов окружающей среды: рекламы, СМИ (в том числе Интернет), деструктивных объединений и движений. Но, несмотря на это, актуализация в содержании воспитательной деятельности гуманистических ценностей и идеалов, героического прошлого и настоящего является своеобразной фильтрацией негативного воздействия, защищает учащихся от политических манипуляций, ориентирует детей в выборе пути самореализации в просоциальной деятельности, способствует снижению насилия и агрессии в межличностном взаимодействии друг с другом. Известно, что процесс воспитания, имея динамическую структуру, качественно характеризуется организацией

сложной системы деятельности (общей, творческой, гражданской) воспитателей и воспитанников, направляемой воспитателями. Это единство двух типов отношений – отношений товарищеского творческого обучения и отношений товарищеского содружества поколений.

Деятельность, в процессе которой преобладают отношения товарищеского творческого обучения, позволяет открыто решать воспитательные задачи двух типов: это задачи овладения системой знаний, умений и навыков по определенной программе (образовательные) и задачи овладения отдельными знаниями, умениями и навыками для успешного участия в текущей жизни (задачи обучения в жизни). Творческое овладение происходит тогда, когда задачи ставятся и решаются сообща.

И. П. Иванов отмечал, что деятельность, в процессе которой преобладают отношения творческого содружества поколений, позволяет открыто решать жизненно практические задачи (трудовые, бытовые, игровые, развлекательные, организаторские), задачи улучшения жизни окружающих, своего коллектива, собственной. Одновременно незаметно (скрыто) решаются задачи воспитания положительных качеств личности и преодоления отрицательных. Это сочетание различных видов общей заботы в соответствии с разными видами деятельности [2]:

- поведение – образ жизни и действий, обращение с окружающим миром – людьми, природой, окружающими предметами;
- общение – обмен личным опытом (универсальный вид деятельности);
- трудовая деятельность – создание материальных ценностей и соответственно трудовая забота;
- познавательная деятельность – открытие явлений и закономерностей мира и соответственно познавательная забота;
- художественно-эстетическая деятельность – создание художественных образов и соответственно художественно-эстетическая забота;
- оздоровительно-спортивная деятельность – укрепление здоровья, закалка организма и соответственно жизненно-практическая, оздоровительно-спортивная забота;
- организаторская деятельность – обеспечение условий для решения жизненно-практических и воспитательных задач и соответственно организаторская забота.

Как актуальны и востребованы сегодня идеи И. П. Иванова о «педагогике жизни», «педагогике общей заботы»: заботы о жизни, о людях и о себе как товарище других людей [3]! Эту педагогику коллективной творческой жизни можно назвать «педагогикой социального творчества», в которой педагогический труд – это не прямое, открытое, непосредственное решение задач воспитания, не лобовая атака, не штурм педагогических твердынь, а «обходный маневр». Прежде всего, это организация жизни и деятельности воспитательного коллектива, развитие его социальной активности, желаний и стремлений улучшать жизнь общества и думать над тем, как это сделать сообща. Принципиальным здесь является превращение коллектива в самоуправляющуюся, самостоятельную и полноправную ячейку сегодняшнего общества: не готовить подрастающее поколение лишь к завтрашнему труду, к будущей жизни, профессии, а делать его сегодняшним творцом, участником реальных общественных процессов [4].

Опора в организации воспитательного процесса в современной школе на исключительно результативный опыт по организации жизнедеятельности детей и взрослых на основе методики коллективной творческой деятельности позволяет говорить о заметном снижении (и даже исключении) угроз и рисков безопасности образовательной среды в её психологическом аспекте. Мы полагаем, что увеличение рисков и угроз психологической безопасности образовательной среды в современной школе напрямую связано с поверхностным (не рефлексивным) отношением педагогов к организации воспитательной работы; с неинтересным и незначимым для учащихся содержанием иницилируемой педагогами деятельности; с формальным (лично не ориентированным) подходом к технологиям организации воспитательного процесса. Это замедляет (исключает саму возможность) процесс создания и развития воспитательной системы образовательной организации. В нереперентной для учащихся и педагогов образовательной среде вызовов (рисков, угроз) проявления насилия и агрессии во взаимодействии всех её субъектов становится значительно больше.

И. А. Боевой, автором «Концепции психологической безопасности образовательной среды», определяется, что психологическая безопасность образовательной среды – состоя-

ние, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников [5]. При этом автор особое внимание обращает на то, что «...психологическая безопасность является условием, обеспечивающим позитивное личностное развитие всех участников образовательной среды» [6], а наличие чувства удовлетворенности, защищенности и осознание значимости образовательной среды для школьника являются базовыми индикаторами психологически комфортной и безопасной образовательной среды школы [7].

Вслед за И. А. Баевой, мы полагаем, что результативность процесса воспитания и показатели уровня психологической безопасности образовательной среды в значительной мере пересекаются. Это позволяет утверждать, что, обеспечивая качество воспитательного процесса в образовательном учреждении, мы одновременно способствуем формированию (поддержанию) комфортной и безопасной для личности школьника образовательной среды в ее психологическом аспекте, среды воспитывающей и развивающей.

Важно отметить, что гуманистически-ориентированный процесс воспитания способствует закреплению соответствующей системы отношений субъектов образовательной среды, формирует воспитательную систему образовательной организации, обладающей ресурсами поддержания психологического комфорта и безопасности для всех участников образовательного процесса [8]. Такими ресурсами, с нашей точки зрения, являются [9]:

- совокупность идей, лежащих в основе воспитательной системы; гуманистические цели воспитательной системы, особенности процесса целеполагания, участие в этом процессе учителей, учащихся, родителей; системообразующая деятельность, реализующая целевую установку системы, другие приоритетные виды деятельности, наиболее часто используемые формы их организации;

- благоприятные условия для воспитания, социализации и развития личности школьника, связанные с признанием учителем приоритетов развития у школьника инициативы, независимости, уверенности в себе; его способности ставить цели, планировать действия, необходимые для их достижения, делать самостоятельные наблюдения и выводы;

- гуманные отношения между учащимися и педагогами, педагогами и родителями, педагогами и администрацией: психолого-педагогическое обеспечение воспитательного процесса; наличие чувства школьной общности и формы его проявления; ценности, которые объединяют учащихся и педагогов; культура воспитательной системы (традиции, ритуалы, символы); нормы школьной жизни, их знание и выполнение; наличие разнообразных объединений и организаций школьников (постоянных и временных коллективов), учащихся, учителей, родителей; содержание и формы их взаимодействия, воспитательных центров, комплексов, клубов; интеграция обучения и воспитания; разновозрастные и межкультурные связи;

- открытость образовательной среды, обладающей такими свойствами, как гибкость, способность к быстрому перестраиванию в свете потребностей субъектов образовательного процесса; вариативность как условие выбора программ развития; способность выходить за территориальные рамки учреждения; соуправляемость (участие всех субъектов в управлении); мультикультурность (включение различных культурных образований в единое образовательное пространство);

- наличие большой доли групповой работы, для того чтобы школьник научился общаться, организовывать совместную деятельность, распределять обязанности, разрешать конфликты, слушать другого и т. д., т. е. обучаться навыкам социального взаимодействия.

- личностные особенности педагога, такие как коммуникабельность, эмоциональная устойчивость, способность к эмпатии и рефлексии, умение увлечь школьников социально-ориентированным делом, умение выстроить доброжелательные взаимоотношения между учащимися в классе как на межличностном уровне, так и на уровне классного коллектива и т. д.;

- ненасильственная гуманистическая позиция педагога по отношению к детскому сообществу школы, к коллегам по педагогическому коллективу; к среде, окружающей воспитательную систему школы;

- управление воспитательной системой, включающее самоуправление учащихся и педагогов; использование воспитательных возможностей окружающей среды; участие школьников и родителей в ее преобразовании; защита от отрицательных воздействий среды; процесс перманентного развития воспитательной системы (противоречия в развитии воспита-

тельной системы; неиспользованные резервы и перспективы развития воспитательной системы);

– научная рефлексия исследовательской (опытно-экспериментальной) деятельности образовательного учреждения.

Целенаправленный, организованный образовательным учреждением процесс воспитания, дискретный по своему характеру, тем не менее, должен стимулировать непрерывный внутренний процесс воспитания личности школьника, формируя у него социально ценные качества и приобщая к социальным ценностям общества. Таким образом, личность школьника становится целью воспитательной системы гуманистического типа, иначе она не была бы гуманистической. Но это значит, что личность школьника является и результатом ее функционирования, и показателем эффективности.

Оценивать результаты воспитательной работы в школьном коллективе, выявлять риски и угрозы и своевременно корректировать процесс воспитания можно благодаря диагностической функции воспитательных систем. Показателем эффективности воспитательной системы служит уровень воспитанности учащихся, сформированность школьного коллектива в целом, удовлетворённость учащихся и их родителей жизнедеятельностью школы, психологической безопасностью образовательной среды школы.

Таким образом, образовательная организация с наличием воспитательной системы (при активном использовании актуальных воспитательных технологий) является более благополучной с точки зрения обеспечения психологической безопасности, в ней представляются возможности для роста и развития личности школьника, удовлетворения его возрастных потребностей и интересов. Воспитательная система образовательного учреждения является ресурсом для успешного развития ненасилия как ценности у школьников, если обеспечивается реализация в образовательной среде следующих психолого-педагогических условий, адекватных специфике самой среды:

– обеспечение педагогическим коллективом в процессе воспитания комплексной помощи школьникам в решении наиболее важных проблем и потребностей их текущего развития, включая преодоление последствий различных видов насилия;

– развитие на основе современных гуманистических подходов эмоционально-волевой сферы школьника, в том числе создание атмосферы психологического комфорта, гуманизация жизнедеятельности образовательного учреждения;

– ориентированность педагогов на ненасилие как важную профессиональную ценность, на личностную модель взаимодействия с детьми, личностно-профессиональный рост, изменение их нравственной позиции через освоение теоретических основ и практических методов педагогики ненасилия;

– разработка и активное внедрение в жизнедеятельность образовательного учреждения содержания и технологий воспитания, способствующих развитию у школьников ненасилия как ценности [10].

С целью анализа представлений учащихся о качестве отношений в школе и классе в контексте проблемы безопасности образовательной среды, понимаемой прежде всего как отсутствие в ней насилия в его разных формах, с их восприятием воспитательной деятельности, проводимой в школе и ориентированной на профилактику насилия и жестокости во взаимодействии учащихся в образовательной среде, было проведено анкетирование.

В исследовании приняли участие 662 школьника с 7-го по 10-й класс, среди них 324 девушки и 338 юношей, из 17 различных образовательных учреждений (школы, школы-интернаты, кадетские корпуса, детские дома) 10 административных округов г. Москвы. В сборе данных участвовали педагоги-психологи выбранных учреждений. В качестве основного метода сбора данных была использована анкета «Изучение особенностей жизнедеятельности учащихся в школе» (авторы В. В. Ковров, Г. С. Кожухарь, Н. Т. Оганесян). Анкета включала сбор социально-демографических данных, а также 32 вопроса, направленные на выявление представлений учащихся о том, что происходит в двух основных сферах их жизнедеятельности: в семейных отношениях и в образовательном учреждении: в школе как макросистеме и в классе как микросистеме. В статистический анализ были включены только те ответы на вопросы анкеты, которые осуществлялись с помощью шкалы Лайкерта (21 вопрос). Вопросы, которые предполагали качественные ответы, не сводимые к иерархии рангов, были исключены из статистических подсчетов и подвергались процентно-

му и качественному анализу. Для обработки результатов использовалась программа Excel и программа SPSS, версия 19.0.

Для выявления достоверности различий применялся критерий Манна – Уитни, с целью рассмотрения содержательных связей между ответами на вопросы анкеты был использован корреляционный анализ Спирмена. Для уменьшения данных (снижения размерности) применялся факторный анализ.

В целом по выборке было обнаружено, что подавляющее число опрошенных учащихся чувствуют себя безопасно и комфортно в школе (83%), иногда или редко испытывают эти переживания 15%, и никогда не ощущают безопасность и комфортность 3% школьников. У 86% учащихся сложились доверительные отношения с педагогами в школе.

Для выявления достоверности различий в оценке исследуемых характеристик по критерию половой принадлежности применялся критерий Манна – Уитни. Из 21 вопроса по пяти характеристикам оценки жизнедеятельности были выявлены достоверные различия (табл. 1).

Таблица 1

Достоверность различий по половому признаку

	Оценка отношений в семье	Представления об обсуждении инцидентов насилия в деталях	Восприятие насилия как проблемы	Оценка телесных наказаний	Оценка общественной направленности деятельности в классе
Статистика U Манна – Уитни	46986,500	49701,000	47956,500	50110,000	47523,000
Асимпт. знач. (двухсторонняя)	0,000	0,032	0,004	0,003	0,001

Юноши значимо отличались от девушек в оценке отношений в семье как спокойных и дружных, в то время как девушки воспринимали семейную атмосферу как напряженную, с конфликтами и ссорами. В свою очередь, девушки достоверно отличались в понимании насилия в качестве очень серьезной проблемы, в то время как юноши были склонны считать насилие в одних ситуациях проблемой, в других – нет.

Юноши достоверно чаще отмечали, что им приходится от случая к случаю или редко сталкиваться с телесными наказаниями, которые учителя использовали в классе, в то время как девушки в большинстве отмечали, что никогда не наблюдали, чтобы учителя в их классе применяли физическое насилие.

Девушки были более склонны считать деятельность в классе как общественно направленную, и для них обсуждение инцидентов насилия в школе осуществлялось значительно чаще.

Поскольку по возрастному критерию группы школьников были не сбалансированы, достоверность различий между ними не рассматривалась.

Корреляционные взаимосвязи исследовались между полом, возрастом, классом, количеством лет обучения в данной школе и 21-м вопросом анкеты. Всего было обнаружено 133 корреляционных связи между ответами на заданные школьникам вопросы (39 корреляций на уровне значимости $p \leq 0,05$; 94 корреляции на уровне значимости $p \leq 0,01$). Такое большое количество корреляционных связей мы объяснили целостностью восприятия феномена жизнедеятельности школьниками и многозначностью обнаруженных взаимосвязей между их представлениями о показателях безопасности образовательной среды и воспитательным процессом, реализуемым в учреждении. Отметим, что вопросы были сформулированы на основе разного расположения ответов от положительного полюса к отрицательному полюсу с целью снижения стереотипности и желательности ответов. Поэтому в полученных результатах знак коэффициента корреляции связан с приписыванием ответу на вопрос рангового значения, в некоторых вопросах положительный и отрицательный полюс не совпадают, что сказывается на смысле прямой и обратной связи, поэтому при описании всем знакам давалась качественная интерпретация.

По причине большого объема полученных данных остановимся только на наиболее важных корреляциях с точки зрения роли воспитательной работы в школе и классе как факторов профилактики насилия и создания безопасной образовательной среды.

Было выявлено, что возраст взаимосвязан с оценкой авторитетности учителей, отношений в классе и тем, насколько учащимся приходится испытывать оскорбления, унижения и издевательства со стороны сверстников. Чем старше школьники, тем менее авторитетными они воспринимают учителей ($r = 0,180$), тем более спокойные и дружные для них отношения в классе ($r = 0,137$) и тем реже им приходится испытывать оскорбления, унижения и издевательства со стороны сверстников ($r = 0,169$).

Количество лет обучения в конкретной школе оказалось взаимосвязано с восприятием применения учителями физических наказаний: чем дольше обучение в школе, тем реже, по оценке учащихся, учителя применяли телесные наказания ($r = 0,101$).

Переживание безопасности и комфорта в школе было негативно взаимосвязано у учащихся с применением физических наказаний ($r = -0,126$), с ситуациями денежного вымогательства со стороны сверстников ($r = -0,126$) и с желанием в случае возможности перейти в другую школу ($r = -0,143$). Позитивно ощущение безопасности и комфорта в школе коррелировало с деятельностью в классе, которая способствует сплочению и профилактике конфликтов ($r = 0,154$). Доверительность и комфортность отношений учащихся с работниками школы увеличивалась при низком уровне унижений и оскорблений со стороны учителя в классе ($r = -0,139$), отсутствии телесных наказаний ($r = -0,110$), а также в случае организации деятельности, способствующей сплочению и профилактике конфликтов ($r = 0,131$).

Доверительные отношения с учителями, классным руководителем и другими работниками школы повышались в случае роста авторитета учителей в глазах учащихся ($r = 0,219$) и со снижением уровня проявления в школе насилия со стороны учителей ($r = 0,186$) и учащихся ($r = 0,118$). Доверительность отношений с работниками образовательного учреждения напрямую соотносилась для учащихся с оценкой отношений в семье как спокойных и дружных ($r = 0,155$), с представлением о том, что притеснение и травля одного человека другим человеком являются серьезной проблемой ($r = 0,111$), с восприятием отношений в классе как спокойных и дружных ($r = -0,124$).

Восприятие школьной среды как не содержащей угрозы насилия коррелировало с оценкой отношений в семье ($r = 0,131$) и в классе как спокойных и дружных ($r = -0,133$). При этом учителя в классе никогда не унижали и не оскорбляли учеников ($r = -0,451$), не применяли физические наказания ($r = 0,219$), так же как школьники не испытывали оскорбления, унижения, издевательства со стороны сверстников ($r = -0,142$).

Для тех учащихся, которые видели систематическое проведение воспитательной работы в школе с учениками, проявляющими насилие, притеснение и травля одного человека другим человеком воспринималась как очень серьезная проблема ($r = -0,105$). Отношения в классе в их представлениях характеризовались спокойствием и дружелюбием ($r = 0,084$ при $r \leq 0,05$), учителя никогда не унижали и не оскорбляли учеников ($r = 0,165$). Также эти учащиеся хорошо знали о том, что существуют и эффективно работают органы школьного ученического самоуправления ($r = -0,219$). При этом они имели прямое отношение к проводимым в классе мероприятиям, являясь либо активными участниками и инициаторами классных дел, либо участниками, которые не имели прямого отношения к организации этих мероприятий ($r = 0,174$). Учащиеся, которые видели систематическую воспитательную работу, были уверены в том, что внеурочная деятельность в классе имеет общественную направленность ($r = -0,165$) и способствует сплочению одноклассников и профилактике конфликтов ($r = -0,227$). Соответственно, школьники, которые воспринимали деятельность в классе как общественно полезную, также высоко оценивали сплоченность одноклассников и возможности профилактики конфликтов в классе (и наоборот) ($r = 0,288$).

Те школьники, для которых деятельность, организуемая в их классе, не способствовала сплочению одноклассников и профилактике конфликтов, редко чувствовали себя безопасно и комфортно в школе ($r = 0,154$), ни с одним из учителей в школе у них не сложились доверительные отношения ($r = 0,131$). По их мнению, в школе никогда не проводилась воспитательная работа с учениками, которые проявляют насилие, агрессию или издеваются над кем-то в школе ($r = -0,227$). Такие учащиеся оценивали свои отношения в классе (школе) как наполненные частыми конфликтами, скандалами и драками ($r = -0,179$). С их точки зрения,

учителя в классе очень часто (почти каждый день) унижали и оскорбляли учеников ($r = -0,130$), применяли физические наказания ($r = -0,144$), столь же часто им приходилось испытывать оскорбления, унижения, издевательства ($r = -0,158$) и оказываться жертвой денежных вымогательств со стороны сверстников ($r = -0,100$). Чем реже школьники принимали участие в мероприятиях в классе, тем более они были уверены, что внеурочная деятельность в классе не имеет общественной направленности ($r = -0,116$) и не способствует сплочению одноклассников и профилактике конфликтов ($r = -0,221$).

Наибольшее количество взаимосвязей с исследуемыми характеристиками жизнедеятельности обнаружено между оценкой проявления насилия со стороны учителей и сверстников, с восприятием доверительных отношений с работниками школы и качеством отношений в классе, а также с мнением, что деятельность, организуемая в классе, способствует сплочению и профилактике конфликтов.

Переживание безопасности и комфорта в школе у учащихся связано с низким уровнем физических наказаний, денежных вымогательств, с отсутствием желания в случае возможности перейти в другую школу и с восприятием деятельности в классе как способствующей сплочению одноклассников и профилактике конфликтов.

Доверительные и комфортные отношения с учителями, классным руководителем и другими работниками школы напрямую связаны с авторитетностью учителей, с низким уровнем проявления в школе насилия в его разных формах над учениками со стороны учителей и учащихся, с оценкой отношений в семье и в классе как спокойных и дружных. При возрастании понимания того, что притеснение и травля одного человека другим человеком являются серьезной проблемой и в случае организации в классе деятельности, способствующей сплочению школьников и профилактике конфликтов, доверительность отношений увеличивается.

Восприятие школьной среды как не содержащей угрозы насилия взаимосвязано с оценкой отношений в семье и в классе как спокойных и дружных, отсутствием в классе унижений, оскорблений и физических наказаний учеников педагогами и низким уровнем насилия со стороны сверстников.

Оценка отношений в классе и в школе как угрожающих связана с восприятием насилия со стороны учителей и сверстников, а также с отрицанием общественной направленности внеурочной деятельности и того, что деятельность в классе способствует сплочению и профилактике конфликтов. Чем выше уровень проявления насилия в школе и в классе, тем чаще школьники готовы перейти при возможности в другую школу.

Систематическое проведение воспитательной работы в школе с учениками, проявляющими насилие, а также существование органов ученического самоуправления увеличивает понимание того, что притеснение и травля одного человека другим человеком является очень серьезной проблемой, повышает восприятие отношений в классе как спокойных и дружных, без угроз насилия; повышает активность учащихся в проведении классных мероприятий и уверенность в том, что внеурочная деятельность в классе имеет общественную направленность, способствует сплочению и профилактике конфликтов.

С целью сведения большого числа различных характеристик к нескольким независимым и простым факторам, которые находятся в основе структуры полученных результатов, был использован факторный анализ (метод главных компонент, метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера). В результате было выявлено три базовых фактора (табл. 2).

В первый, биполярный, фактор вошли 12 показателей уровня безопасности среды через проявления в ней разнообразных форм насилия (со стороны сверстников, учителей, в школе, в классе, в семье), а также отношения в классе, школе и в семье. Наибольший вес в этом факторе получило описание насилия со стороны сверстников (0,688), что показывает высокую значимость данного проявления насилия для всех школьников, независимо от пола, возраста и класса. Этот фактор мы условно назвали «Безопасность отношений и проявления насилия в разных формах».

Во второй фактор, по психологической сути однополярный (напомним, что ответам на вопросы приписывались значения в разном порядке), вошло восемь характеристик жизнедеятельности школьников, которые по смыслу относятся к организации воспитательной работы в школе (самая большая факторная нагрузка: $-0,575$). Данная работа связана с существованием органов ученического самоуправления, вовлечением школьников в классные ме-

роприятия, с позитивной оценкой учащимися общественной направленности деятельности в классе. Воспитательная работа подразумевает обсуждение случаев насилия в школе и анализ инцидентов в деталях, формирование отношения учащихся к насилию как к серьезной проблеме, в результате чего в классах появляется сплоченность, и учащиеся становятся способны конструктивно разрешать конфликты. Это фактор был назван «Воспитательная работа с проблемой насилия». В этот же фактор с маленькими факторными нагрузками вошли такие социально-демографические особенности учащихся, как пол и количество лет обучения в школе, что, по нашему мнению, подчеркивает важность учета данных критериев при организации воспитательной работы в школе и классе, направленной на профилактику насилия и создание благоприятной безопасной образовательной среды.

Таблица 2

Матрица повернутых компонент

Характеристики жизнедеятельности учащихся	Компонента		
	1	2	3
Насилие со стороны сверстников	0,688		
Насилие со стороны учителей в классе	0,624		
Телесные наказания	0,616		
Отношения в классе и школе	0,606		
Денежные вымогательства	0,528		
Насилие в семье	-0,475		
Насилие со стороны учителей в школе	-0,461		
Насилие со стороны учащихся	-0,450		
Отношения в семье	-0,409		
Безопасность и комфортность в школе	-0,375		
Доверительность отношений в школе	-0,249		
Желание перейти в другую школу	0,182		
Воспитательная работа в школе		-0,575	
Сплоченность и разрешение конфликтов		0,519	
Обсуждение инцидентов в деталях		-0,486	
Наличие органов ученического самоуправления		0,482	
Насилие как проблема		0,439	
Участие в классных мероприятиях		-0,432	
Общественная направленность деятельности в классе		0,427	
Обсуждение насилия в школе		-0,412	
Пол		0,188	
Количество лет обучения в школе		-0,160	
Класс			0,873
Возраст			0,859
Авторитетность учителей			0,445
Вращение сошлось за 4 итерации			

Третий фактор включил всего три параметра: класс, возраст учеников и авторитетность учителей. Наибольшую факторную нагрузку получило обозначение класса, в котором обучаются школьники (0,873). Возраст и класс мы соотносим с уровнем развития учащихся, поэтому назвали данный фактор «Развитие учащихся и авторитетность учителей».

Таким образом, результаты исследования показали, что особенности жизнедеятельности учащихся в контексте опасности/безопасности семейной и образовательной среды в качестве главных факторов, позволяющих описывать многообразие данной феноменологии, имеют безопасность отношений в семье, школе и классе при низком уровне проявления разнообразных форм насилия; качественная организация воспитательной работы по профилактике и пропедевтике насилия; учет уровня развития учащихся и авторитетности для них учителей как фактора, связанного с созданием безопасных и комфортных отношений в образовательном учреждении и реализации педагогами воспитательных функций.

Примечания

1. Ковров В. В., Оганесян Н. Т. Обеспечение психологической безопасности в начальной школе // Педагогика. 2014. № 4. С. 63–64.

2. Иванов И. П. Звено в бесконечной цепи. Рязань, 1994. С. 13–14.

3. Там же.

4. Иванов И. П. Указ. соч.; Моргаевская А. Н. Анализ развития теории коллектива в отечественной педагогике // Письма в Emissia. Offline: электронный науч.-пед. журн. 2008. Декабрь. ART 1293. URL:

<http://www.emissia.org/offline/2008/1293.htm>; Новикова Л. И. Воспитание – воспитательная система – воспитательное пространство // Педагогика воспитания: избр. пед. тр. М.: Пер Сэ, 2010; Титова Е. В. Концептуальная модель педагогической теории коллектива // Письма в Emissia. Offline: электрон. науч.-пед. журн. 2011. Октябрь. ART 1657. URL: <http://www.emissia.org/offline/2011/1657.htm>.

5. Баева И. А. Концепция психологической безопасности образовательной среды. М., 2007. С. 18.

6. Там же.

7. Баева И. А. Концепция...; Баева И. А. Общепсихологические категории в практике исследования психологической безопасности образовательной среды // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 128. С. 27–39.

8. Ковров В. В., Мириманова М. С., Оганесян Н. Т. Воспитательная система образовательного учреждения как ресурс обеспечения психологической безопасности: учеб.-метод. пособие. М.: Экон-Информ, 2012.

9. Ковров В. В. Духовно-нравственное воспитание как фактор обеспечения психологического здоровья личности современного школьника в безопасной образовательной среде // Вестник ВятГГУ. 2012. № 3(3). С. 139–142; Ковров В. В., Оганесян Н. Т. Экспертиза воспитательной деятельности педагога по профилактике насилия в школе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. «Педагогика и психология». 2013. № 2(3); Ковров В. В., Мириманова М. С., Оганесян Н. Т. Воспитательная система образовательного учреждения как ресурс обеспечения психологической безопасности: учеб.-метод. пособие. М.: Экон-Информ, 2012.

10. Ковров В. В., Мириманова М. С., Оганесян Н. Т. Воспитательная система...

Notes

1. Kovrov V.V., Oganesyanyan N.T. *Obespechenie psikhologicheskoy bezopasnosti v nachal'noj shkole* [Provision of psychological safety in elementary school] // *Pedagogika - Pedagogika*, 2014, № 4, pp. 63-64.

2. Ivanov I.P. *Zveno v beskonechnoj tsepi* [Link in an endless chain]. Ryazan. 1994. Pp. 13-14.

3. Ibid.

4. I.P. Ivanov Op. cit.; Morgaevskaya A.N. *Analiz razvitiya teorii kollektiva v otechestvennoj pedagogike* [Analysis of the development of the theory of the collective in the domestic pedagogy] // *Pis'ma v Emissia - Letters to Emissia*. Offline: electronic scientific-ped. magazine. December 2008. ART 1293. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2008/1293.htm> (in Russ.); Novikova L.I. *Vospitanie – vospitatel'naya sistema – vospitatel'noe prostranstvo* [Education - educational system - educational space] // *Pedagogika vospitaniya - Pedagogy education: fav. ped. proc.* Moscow: Per Se. 2010; Titova E.V. *Kontseptual'naya model' pedagogicheskoy teorii kollektiva* [Conceptual model of pedagogical theory of the collective] // *Pis'ma v Emissia - Letters to Emissia*. Offline: electron. scientific-ped. magazine. October 2011. ART 1657. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2011/1657.htm> (in Russ.).

5. Baeva I.A. *Kontseptsiya psikhologicheskoy bezopasnosti obrazovatel'noj sredy* [Concept of psychological safety of the educational environment]. Moscow. 2007. P. 18.

6. Ibid.

7. Baeva I.A. *Kontseptsiya...* [Concept ...]; Baeva I.A. *Obshchepsikhologicheskie kategorii v praktike issledovaniya psikhologicheskoy bezopasnosti obrazovatel'noj sredy* [General psychological categories in the practice of psychological safety investigation of the educational environment] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena - News of the Herzen Russian State Pedagogical University*. 2010, № 128, pp. 27-39.

8. Carpet V.V., Mirimanova M.S., Oganesyanyan N.T. *Vospitatel'naya sistema obrazovatel'nogo uchrezhdeniya kak resurs obespecheniya psikhologicheskoy bezopasnosti: ucheb. metod posobie* [Educational system of educational institutions as a resource providing psychological security studies. method. tutorial] Moscow: Econ-Inform. 2012.

9. Kovrov V.V. *Dukhovno npravstvennoe vospitanie kak faktor obespecheniya psikhologicheskogo zdorov'ya lichnosti sovremennogo shkol'nika v bezopasnoj obrazovatel'noj srede* [Spiritual and moral education as a factor of psychological health of the person of the modern student in a safe learning environment] // *Vestnik VyatGGU - Herald of VyatSHU*. 2012, № 3 (3), pp. 139-142; Kovrov V.V., Oganesyanyan N.T. *EHkspertiza vospitatel'noj deyatel'nosti pedagoga po profilaktike nasiliya v shkole* [Examination of teacher's education activity for the prevention of violence in schools] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Ser. «Pedagogika i psikhologiya» - Herald of VyatkSHU. Ser. "Pedagogy and Psychology"*. 2013, № 2 (3); Kovrov V.V., Mirimanova M.S., Oganesyanyan N.T. *Vospitatel'naya sistema obrazovatel'nogo uchrezhdeniya kak resurs obespecheniya psikhologicheskoy bezopasnosti: ucheb. metod posobie*. [Educational system of educational institutions as a resource of providing psychological security studies. method. tutorial. Moscow: Econ-Inform. 2012.

10. Kovrov V.V., Mirimanova M.S., Oganesyanyan N.T. *Vospitatel'naya sistema...* [Educational system ...]

Интегративный подход в организации физической подготовки школьниц 12–14 лет

Повышение эффективности процесса физической подготовки школьниц 12–14 лет при сохранении стандартных условий возможно при использовании интегративного подхода в вопросе выбора средств и технологических приёмов, заимствованных из арсенала физкультурно-оздоровительных технологий.

Increase of efficiency of process of physical training of Schoolgirls 12–14 years, while maintaining the standard conditions is possible using an integrative approach in the choice of means and techniques borrowed from the Arsenal of sports and health improving technologies.

Ключевые слова: интегративный подход, физкультурно-оздоровительные технологии, физическая подготовленность, координационные способности, гибкость.

Keywords: integrative approach, sports and health-improving technologies, physical training, coordination abilities, flexibility.

Введение. Проблемы повышения эффективности физического воспитания подростящего поколения являются актуальными в теоретическом и практическом плане, поскольку рассматриваются в связи с вопросами здоровья: гармонизацией физического развития, совершенствованием резервных возможностей организма, закалённостью, формированием мотивации к реализации основ здорового образа жизни. Решение противоречий между целями современной системы образования и состоянием социально-педагогической сферой возможно при модернизации российского образования [1] за счёт обновления его содержания вообще и физкультурного образования учащихся средней и высшей школ в частности [2]. Объективные предпосылки модернизации школьных программ вообще и по физической культуре в частности определяют необходимость пересмотра содержательной части и методического обеспечения учебного процесса.

Определена необходимость использования многообразных подходов к построению учебного процесса на основе программ и физкультурно-оздоровительных методик [3], ориентированных на решение задач повышения оздоровительного эффекта физического воспитания и формирования «здорового образа жизни».

В результате собственного опроса [4], проведённого на базе школы № 373 г. Санкт-Петербурга среди 70 школьниц, определено, что:

- 100% респондентов считают, что занятия физическими упражнениями являются залогом должного уровня здоровья;
- активный образ жизни ведут чуть больше половины девушек (60,7%);
- за привнесение в содержание обязательного урока элементов фитнес-программ высказались 89,2% респондентов.

Таким образом, предполагается, что технология совершенствования содержания и организации педагогического процесса по физической культуре должна базироваться на использовании интегративного подхода как возможности когнитивного процесса развития личности, при учёте данных тестирования физической подготовленности.

Методика. Использование средств физкультурно-оздоровительных технологий, заимствованных из арсенала фитнес-индустрии, выполняемые под музыкальное сопровождение и включённые в различные части урока по физической культуре для школьниц, привносит элемент новизны и повышает интерес к занятиям, так как является нетрадиционным средством физической культуры.

Представляет особый интерес определение степени влияния включенных в основную часть традиционного урока комплексов средств физкультурно-оздоровительных техноло-

гий, на процесс изменения показателей физической подготовленности (координационные способности и гибкость) девочек среднего школьного возраста (12–14 лет):

– аэробика танцевальной направленности (общеобразовательная школа № 453 Выборгского района г. Санкт-Петербурга) – Гэ1 (n = 22), Гк1 (n = 20);

– адаптированной йоги (общеобразовательная школа № 641 Невского района г. Санкт-Петербурга) – Гэ2 (n = 20), Гк2 (n = 19). В основной части выполнялись дыхательные упражнения, упражнения на развитие подвижности суставов, растягивание и укрепление различных мышечных групп, на скручивание и перевернутые позы. В заключительной части – упражнения на расслабление с использованием элементов аутогенной тренировки.

Комплексы средств физкультурно-оздоровительных технологий (адаптированной йоги, силовые упражнения по системе Пилатес) включались в традиционный урок по физической культуре экспериментальной группы в основную часть с продолжительностью – 30 минут, частотой два раза в неделю. В контрольных группах (Гк1; Гк2) занятия проводились в соответствии со школьной программой по разделу «Гимнастика». Показатели проявления координационных способностей и гибкости у школьниц до начала эксперимента определены как однородные.

Включение комплекса силовых упражнений по системе Пилатес в формат учебного занятия со школьницами возможно при условии выполнения основных задач (образовательных, воспитательных и оздоровительных), присущих школьному уроку. Методической особенностью данного направления является выполнение физических упражнений в медленном темпе [5], при высокой концентрации внимания и осознания процесса мышечного действия.

Целью исследования являлось выявление уровня эффективности использования силовых упражнений по системе Пилатес, определяемого по динамике изменения показателей проявления силовых качеств, формирования навыка правильной осанки на занятиях физической культурой с девушками школьного возраста. В экспериментальной группе (Гэ3) участвовали 29 девушек. Уроки по физической культуре в контрольной группе (Гк3 n = 18) проходили без изменения структуры урока и в соответствии со школьной программой.

В экспериментальной группе в заключительной части урока девушки выполняли комплекс упражнений силового статического характера (16 упражнений) с продолжительностью 10 минут, что составляет 22,0% от общего времени урока. Упражнения, связанные с включением в работу небольших групп мышц, выполнялись с максимальным напряжением в течение 30 секунд. При работе больших мышечных групп время увеличивалось до минуты.

Эффективность использования силовых упражнений по системе Пилатес для развития физических качеств у девушек определялась по динамике результатов выполнения тестовых заданий для мышц пресса, спины и косых мышц живота.

Результаты. С целью оценки эффективности использования физкультурно-оздоровительных технологий на занятиях со школьницами среднего возраста (12–14 лет) на уроках физической культуры использовались двигательные тестовые задания на проявление уровня развития координационных способностей (челночный бег, балансирование – проба Ромберга) и гибкости (наклон вниз, шпагат) (табл. 1).

Таблица 1

Изменение показателей проявления координационных способностей девочек среднего школьного возраста

Показатели	Контрольная группа (Гк1)			Экспериментальная группа (Гэ1)		
	X ₁	%	p	X ₁	%	p
Челночный бег, с	10,2±0,08	4,9	> 0,05	10,4±0,07	23,1	< 0,05
Балансирование, с (проба Ромберга)	10,3±0,18	9,8	< 0,5	10,14±0,14	42,9	

Показатели проявления способности к балансированию и проявлению ловкости у девочек контрольной и экспериментальной групп до начала эксперимента соответствовали низкому уровню («удовлетворительный»). Итоговые показатели балансирования девочек экспериментальной группы значительно выше (14,5 с), чем в контрольной группе, и соответствуют «хорошему» уровню. Изменение значений бегового теста (челночный бег) в группе отмечено до «среднего» уровня, а в экспериментальной – до значения «отличного» уровня.

Использование средств адаптированной йоги в сочетании с дыхательными упражнениями направлено на развитие гибкости, статической и динамической силы. Однородность групп была выявлена по результатам первичного тестирования для определения уровня развития физического качества, которые соответствовали оценке «удовлетворительно», но не возрастно-половой норме (ВПН) (табл. 2).

Таблица 2

Проявление гибкости у девочек среднего школьного возраста

Группа	Тесты	X ₁ ±m	X ₂ ±m	p	Соответствие ВПН по окончанию эксперимента
Гк2	Наклон, см	2,0±1,4	5,6±1,3	≤ 0,05	-96,4%
	Шпагат, €	161±2,7	167±2,7	≥ 0,05	-2,0%
Гэ2	Наклон, см	2,5±1,4	12,0±1,4	≤ 0,05	8,3
	Шпагат, €	161±2,6	168±2,2	≥ 0,5	-1,2

Изменения абсолютных величин проявления гибкости в позвоночнике отмечены в обеих группах, но у девочек экспериментальной группы они в 2,1 раза выше, чем контрольной. Итоговые показатели выполнения «наклона» школьницами экспериментальной группы свидетельствуют о достижении уровня развития гибкости позвоночника, соответствующей возрастно-половой норме. Но изменение подвижности суставов нижних конечностей при выполнении упражнения «шпагат» определяется величинами прироста, которые не являются достоверными. Данные результаты можно объяснить использованием недостаточного количества упражнений, направленных на развитие подвижности в тазобедренном суставе.

Изменения показателей проявления силовых качеств у девушек в результате целенаправленного использования силовых упражнений по системе Пилатес определены на 95% уровне значимости и представлены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели проявления статической силы (с) у девушек, обучающихся в общеобразовательной школе

Группы	Пресс			Спина			Боковые мышцы		
	X1	%	p	X1	%	p	X1	%	p
Гэ3	32±2	53,1	≤ 0,5	52±2	26,9	≤ 0,05	14±3	85,7	≤ 0,5
Гк3	32±3	15,6	≥ 0,5	52±4	9,6	≥ 0,05	15±2	20,0	≥ 0,5

В экспериментальной группе средние показатели проявления статической силы различных мышечных групп являются достоверными, и величина относительного прироста значительно выше, чем в контрольной группе: в три раза – мышцы пресса, в три раза – спины, в четыре раза – боковые мышцы.

Выводы. Определено положительное влияние занятий физической культурой с применением средств аэробики танцевальной направленности на развитие координационных способностей школьниц среднего возраста. Использование в учебном процессе по физической культуре комплекса упражнений по системе «Йога» повышает эффективность занятий по развитию гибкости позвоночника у девочек 12–14 лет. Использование силовых упражнений по системе Пилатес в основной части урока с девочками среднего школьного возраста способствует процессу развития их силовых качеств и рекомендуется для использования в разделе общей физической подготовки на уроках физической культуры в общеобразовательной школе.

Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют заключить, что использование интегративного подхода при реализации учебной программы по физической культуре со школьницами 12–14 лет основано на включении средств физкультурно-оздоровительных технологий в традиционный урок по физической культуре. Данное положение позволяет оптимизировать педагогический процесс и удовлетворить интерес учащихся в вопросе привнесения новых и доступных средств фитнес-программ в обязательный школьный урок.

Исходя из полученных данных педагогического эксперимента, можно заключить, что занятия по традиционной школьной программе по физической культуре оказывает положительное влияние на процесс развития физических качеств, но в меньшей мере, чем занятия с использованием средств физкультурно-оздоровительных технологий при регламентации интенсивности выполняемой физической нагрузки.

Примечания

1. Пасюков П. Н. Региональная образовательная система как фактор устойчивого развития непрерывного физкультурно-педагогического образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2000.
2. Лукьяненко В. П. Концепция модернизации системы общего среднего физкультурного образования в России. М.: Сов. спорт, 2007.
3. Ломакина Е. Д. Инновационные программы, используемые в системе образования российских школ // Проблемы физкультурного образования: содержание, направленность, методика, организация: материалы 1-го Междунар. конгресса. Ч. 1. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2009. С. 125–127.
4. Венгерова Н. Н. Педагогические фитнес-технологии для учебного процесса по физической культуре // Физическая культура, спорт и здоровье: материалы Всерос. науч.-прак. конф. Виртуаль 16. Йошкар-Ола: Изд-во Марий. гос. пед. ун-та, 2010. С. 39–43.
5. Люйк Л. В. Развитие физических качеств у женщин 20–45 лет (коррекция осанки) // Современная гимнастика. Проблемы, тенденции, перспективы. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 172–177.

Notes

1. Pasyukov P.N. *Regional'naya obrazovatel'naya sistema kak faktor ustojchivogo razvitiya nepreryvnogo fizkul'turno pedagogicheskogo obrazovaniya: avtoref. dis. ... d ra ped. nauk* [Regional educational system as a factor of sustainable development of continuous physical training teacher education: autoref. dis. Dr. ped. sci]. Chelyabinsk. 2000.
2. Lukyanenko V.P. *Kontseptsiya modernizatsii sistemy obshchego srednego fizkul'turnogo obrazovaniya v Rossii* [Modernization concept of general secondary sports education in Russia]. Moscow: Sov. Sport. 2007.
3. Lomakina E.D. *Innovatsionnye programmy, ispol'zuemye v sisteme obrazovaniya rossijskikh shkol* [Innovative programs used in the system of education in Russian schools] // *Problemy fizkul'turnogo obrazovaniya: sodержanie, napravlennost', metodika, organizatsiya: materialy 1 go Mezhdunar. kongressa. CH. 1-* Problems of sports education: content, focus, methodology, organization: Proceedings of the 1st Internat. Kongress. Part 1. Belgorod: Publ. of Belgorod. State. University. 2009. Pp. 125-127.
4. Vengerova N.N. *Pedagogicheskie fitnes tekhnologii dlya uchebnogo protsessa po fizicheskoy kul'ture* [Pedagogical fitness technologies for the learning process of physical culture] // *Fizicheskaya kul'tura, sport i zdorov'e: materialy Vseros. nauch. prak. konf. Virtual' 16* - Physical Culture, Sport and Health: Proceedings of All-Russia scientific pract. conf. Virtual' 16. Yoshkar-Ola: Marij Publ. of State. ped. university. 2010. Pp. 39-43.
5. Lyuyk L.V. *Razvitie fizicheskikh kachestv u zhenshchin 20–45 let (korrektsiya osanki)* [Development of physical qualities of women 20-45 years (posture correction)] // *Sovremennaya gimnastika. Problemy, tendentsii, perspektivy* - Modern Gymnastics. Issues, trends and prospects. St. Petersburg: Herzen RSPU. 2011. Pp. 172-177.

УДК 159.9.072.422

Е. В. Сараева, С. Г. Николаев

**Связь толерантности к неопределенности
и мотивации достижения**

В статье описывается актуальность исследований толерантности к неопределенности как одного из наиболее эффективных механизмов функционирования человека в условиях неопределенности. Представлены результаты исследования связи толерантности – интолерантности к неопределенности и мотивации достижения, дается ее обоснование. Выдвигается предположение об интернальном локусе контроля как связующем звене толерантности к неопределенности и мотивации достижения, приведены результаты корреляционного анализа. Дано краткое описание и обоснование результатов исследования.

In the article topicality of researches of tolerance to ambiguity is being described as one of the most effective mechanisms of human functioning in situations of ambiguity. Results of the research of relationship between tolerance – intolerance to ambiguity and achievement motivation are presented, and its explanation is given. The conjecture about internal locus of control as one of connecting links between tolerance to ambiguity and achievement motivation is proposed, the results of the correlation analysis are presented. A brief description and explanation of the results of the research are given as well.

Ключевые слова: неопределенность, толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, мотивация достижения, локус контроля.

Keywords: ambiguity, tolerance to ambiguity, intolerance to ambiguity, achievement motivation, locus of control.

Современный мир – мир быстрых изменений и нестабильности. Реальность вынуждает человека все чаще и чаще оказываться в условиях неопределенности. Различные сферы функционирования человека постоянно изменяются или деформируются сильнейшим образом, а это, в свою очередь, не может не сказаться на его состоянии, успешности и эффективности. Жизнеспособность, успешность, благополучие и качество жизни современного человека зависят от его возможностей справляться с неопределенностью. Именно поэтому в современной науке растет актуальность изучения способов совладания с неопределенностью, а также условий и механизмов, позволяющих современному человеку «безболезненно» пребывать в условиях неопределенности.

По мнению ряда ученых [1], одним из психологических феноменов, позволяющих личности успешно функционировать в непредсказуемом пространстве современного мира, является толерантность к неопределенности. Поэтому растет актуальность исследований, направленных на изучение личности, толерантной к неопределенности, в поисках ответа на вопрос – что делает ее более эффективной в условиях неопределенности?

Делая очередной шаг в направлении изучения личности, толерантной к неопределенности, мы предположили, что толерантность к неопределенности имеет связь с мотивацией достижения успеха: люди с доминирующим типом мотивации достижения в большей степени толерантны к неопределенности, так как, по мнению ученых [2], практически в любой обстановке данная мотивация является одним из главных условий высокой эффективности.

Таким образом, цель исследования – выявить связь между толерантностью к неопределенности и мотивацией достижения на примере студенческой выборки. Объект исследования – толерантность к неопределенности и мотивационная сфера личности. Предмет исследования – связь толерантности к неопределенности и мотивации достижения.

Проблема толерантности к неопределенности более подробно разработана в зарубежной психологии в трудах Е. Френкль-Брунsvик, С. Баднера, А. Фурхама и других [3]; в отечественной психологии интерес к данной проблеме лишь начинает нарастать, что находит свое отражение в работах Е. Г. Луковицкой, М. Н. Юртаевой, Т. В. Корниловой [4]. Несмотря на наличие разных подходов к пониманию феномена, под толерантностью к неопределенности чаще всего понимают (расставляя различные акценты) способность человека принимать конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности, противостоять несвязности и противоречивости информации, а также готовность принимать решения в условиях неопределенности [5].

Проблема мотивации достижения является хорошо разработанной как в зарубежной (Х. Хекхаузен, Г. Мюррей и др.) так и в отечественной психологии (Е. П. Ильин, Т. О. Гордеева, М. Ш. Магомед-Эминов и др.) [6]. Под мотивацией достижения чаще всего понимают мотивацию, направленную на возможно лучшее выполнение любого вида деятельности, ориентированной на достижение некоторого результата, к которому может быть применен критерий успешности [7].

Анализ литературы по проблемам мотивации достижения и толерантности к неопределенности позволил нам выдвинуть следующие гипотезы:

1. Толерантность к неопределенности положительно коррелирует с мотивом достижения успеха, а интолерантность к неопределенности – отрицательно.

2. Группы с различным типом мотивации достижения значимо различаются по уровню толерантности-интолерантности к неопределенности: в группах испытуемых с мотивацией достижения толерантность к неопределенности выше, в то время как интолерантность к неопределенности выше в группах испытуемых с мотивацией избегания неудач.

Анализ психологической литературы позволил нам выдвинуть предположение, что одним из связующих звеньев между толерантностью к неопределенности и мотивацией достижения является интернальный локус контроля. Поэтому была выдвинута третья гипотеза:

3. Толерантность к неопределенности и мотивация достижения положительно коррелируют с интернальным локусом контроля.

Методики исследования: опросник толерантности-интолерантности к неопределенности (Т. В. Корнилова), тест-опросник А. Мехрабиана для измерения мотивации достижения (в модификации М. Ш. Магомед-Эминова), тест смысложизненных ориентаций Дж. Крамбо, Л. В. Махолика (в адаптации Д. А. Леонтьева); методы математической статистики (ранговый коэффициент корреляции Спирмена, U – критерий Манна-Уитни).

Математическая обработка данных проводилась с использованием программ Excel и SPSS 17.0.

В исследовании приняли участие восемьдесят студентов высших учебных заведений различных специальностей.

Обратимся к результатам исследования.

Данные корреляционного анализа между опросником Т. В. Корниловой и опросником А. Мехрабина представлены в табл. 1.

Таблица 1

Связь толерантности – интолерантности к неопределенности и мотивации достижения успеха

Конструкты	ТН	ИТН
Шкала мотивации достижения успеха и избегания неудачи	0,480 (при $p < 0.01$)	-0.425 (при $p < 0.01$)
Примечание:		
1. ТН – толерантность к неопределенности		
2. ИТН – интолерантность к неопределенности		

Из этого можно сделать вывод, что толерантность к неопределенности и мотивация достижения имеют умеренную положительную связь, а интолерантность к неопределенности и мотивация достижения имеют отрицательную связь. Следовательно, с возрастанием толерантности к неопределенности наблюдается увеличение мотивации достижения.

Иными словами, человек, толерантный к неопределенности, в большей степени мотивирован на достижение успеха, в то время как интолерантные к неопределенности в большей степени склонны демонстрировать мотивацию избегания неудачи.

Таким образом, первая гипотеза нашего исследования подтверждается.

Так как толерантность к неопределенности положительно коррелирует с мотивацией достижения, мы предположили, что между группами с различным типом мотивации есть значимые различия по уровню толерантности-интолерантности к неопределенности.

Для проверки данной гипотезы мы разбили всю выборку на две группы по типу мотивации: первая – испытуемые, мотивированные на достижение, вторая – испытуемые с мотивацией избегания неудачи. Далее при помощи U-критерия Манна – Уитни был проведен статистический анализ определения различий между группами по шкалам толерантности – интолерантности к неопределенности.

В результате было установлено, что уровень признака толерантности к неопределенности в группе испытуемых с мотивацией избегания неудачи значимо ниже, чем в выборке с мотивацией достижения, а уровень признака интолерантности к неопределенности значимо ниже в группе испытуемых с мотивацией достижения ($U_{\text{эмп}} = 32,5$ при $p < 0,01 = 403$ и $p < 0,05 = 460$ по шкале толерантности к неопределенности, а $U_{\text{эмп}} = 207,5$ при $p < 0,01 = 403$ и $p < 0,05 = 460$ по шкале интолерантности к неопределенности). Кроме того, были вычислены средние значения по шкалам, и в результате мы выяснили, что среднее значение по шкале толерантности к неопределенности выше в группе испытуемых с мотивацией достижения, а среднее значение по шкале интолерантности к неопределенности выше в группе с мотивацией избегания неудач. Таким образом, был сделан вывод, что вторая гипотеза нашего исследования подтвердилась.

Толерантность к неопределенности – это черта, которая в большей степени характерна для людей, мотивированных на достижения успеха. То есть люди, мотивированные на успех, чаще демонстрируют способность принимать конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности, противостоять несвязности и противоречивости информации, принимать неизвестное, не чувствовать себя неуютно перед неопределенностью.

Интолерантность к неопределенности – это черта, характерная в большей степени для испытуемых с доминирующей мотивацией избегания неудачи. То есть испытуемые с мотивацией избегания неудачи чаще оказываются менее эффективными в условиях неопределенности и менее терпимыми к отсутствию порядка и ясности.

Человек, толерантный к неопределенности, больше чем интолерантный ориентирован на успех. Для достижения успеха он готов принять ситуацию такой, какая она есть: неопределенной, сложной, двойственной, требующей физического и интеллектуального напряжения. Важным является именно результат – успех. Скорее всего, именно уверенность в собственном успехе позволяет человеку в ситуации неопределенности чувствовать себя более комфортно. Ориентация на успех – одна из составляющих толерантности к неопределенности. По всей видимости, мотив достижения – это один из тех факторов, который делает личность толерантной к неопределенности, более устойчивой и сильной.

Интолерантность же к ситуациям неопределенности может быть объяснена именно страхом перед потенциальной неудачей. Человек с доминирующим мотивом избегания неудач старается искать более легкие пути решения проблем, выбирать задачи невысокой сложности, так как боится провала. Испытывая страх перед тем, что неопределенность может оказаться для них неразрешимой, они отказываются от такой деятельности, поскольку чувствуют себя в ней неуютно или даже панически, каждый раз стараясь вернуться в зону комфорта. Ситуация неопределенности для них – вероятность потенциальной неудачи. Поэтому, вероятно, они заведомо стараются не попадать в такие ситуации, то есть избегают их.

Для проверки третьей гипотезы исследования мы использовали опросник смысловых ориентаций. Данный опросник был выбран, так как наряду со шкалами локуса контроля он содержит в себе и другие шкалы, то есть, таким образом, мы могли бы обнаружить корреляции, непредвиденные нами.

Результаты корреляции шкал СЖО, толерантности – интолерантности к неопределенности и мотивации достижения представлены в табл. 2.

Таблица 2

Корреляции шкал методики СЖО, мотивации достижения и толерантности – интолерантности к неопределенности						
Шкала мотивации достижения и избегания неудачи	Цель	Результат	Процесс	Локус контроля «Я»	Локус контроля «Жизнь»	Общий показатель осмысленности жизни
	0,260 (p < 0,05)	0,224 (p < 0,05)	0,224 (p < 0,05)	0,411 (p < 0,01)	0,368 (p < 0,05)	0,329 (p < 0,01)
ТН	Нет значимых связей	Нет значимых связей	Нет значимых связей	Нет значимых связей	0,436 (при p < 0,05)	Нет значимых связей
ИТН	Нет значимых связей					
Примечание: 1. ТН – толерантность к неопределенности 2. ИТН – интолерантность к неопределенности						

Из этого можно сделать вывод, что толерантность к неопределенности и мотивация достижения успеха и избегания неудачи имеют положительные корреляции с локусом контроля «Жизнь». Данный локус отражает убежденность личности в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в деятельности, убежденность в том, что жизнь человека подвластна сознательному контролю.

Заметим, что интолерантность к неопределенности не имеет значимых связей с интернальным локусом контроля.

Таким образом, мы можем сделать вывод о правильности нашего предположения, что толерантность к неопределенности и мотивация достижения в качестве общего звена имеют интернальный локус контроля. Уверенность в том, что жизнь контролируется, убежденность в том, что жизнь зависит только от самого человека и ни от кого больше, позволяют ему быть более толерантным к неопределенности. Быть более «собранным», готовым к сложностям и трудностям, к поиску путей разрешения неопределенности. Так же и с мотивом достижения успеха: вера в собственные силы мотивирует человека на успех. Человек, который верит в свои силы, готов к сложностям, и потому способен к более эффективному выполнению деятельности.

Мы предположили, что интернальный локус контроля является объединяющим звеном для толерантности к неопределенности и мотива достижения успеха. Однако, несмотря на то что общая связь между конструктами по показателю интернального локуса контроля обнаружена, уровень ее значимости невысок. Из этого мы можем заключить, что хотя интер-

нальный локус контроля, возможно, и связывает изучаемые нами конструкты, в полном объеме объяснить данную связь он не способен и недостаточен.

Тем не менее наличие невысокой связи также можно объяснить особенностями выборки или методического аппарата. В дальнейшей перспективе представляется возможным и желательным проведение исследования связи толерантности к неопределенности и мотивации достижения с локусом контроля при помощи другого психодиагностического инструментария, который бы предполагал наличие шкал не только интернального локуса контроля, но и экстернального. Также дальнейшие исследования возможны с применением дисперсионного анализа, который показал бы наличие влияния локуса контроля на изучаемые конструкты, что в свою очередь является очень ценной информацией.

Остальные четыре шкалы методики смысложизненных ориентаций оказались не способными объяснить особенности связи толерантности к неопределенности и мотивации достижения вопреки нашим ожиданиям. В связи с этим нам также представляется необходимым в дальнейших исследованиях по данной проблеме расширить методическую базу, пополнив ее различными личностными опросниками и тестами, для того чтобы наиболее полно раскрыть суть связи толерантности к неопределенности и мотивации достижения.

Выводы

Таким образом, на основании проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что гипотезы нашего исследования подтвердились в полном объеме. Толерантность к неопределенности имеет положительную связь с мотивацией достижения. На примере студенческой выборки мы смогли установить, что люди, мотивированные на достижение успеха, в большей степени толерантны к неопределенности. Из этого следует, что мотивация достижения успеха является одной из черт толерантных к неопределенности людей.

Так как мотивация достижения успеха является одним из основных факторов эффективности практически в любой деятельности, мы можем полагать, что она является одним из феноменов, повышающих эффективность и в условиях неопределенности путем повышения толерантности к ней. Таким образом, мы сделали еще один шаг навстречу познания личности, толерантной к неопределенности, обнаружив связь с мотивом достижения.

Также исследование показало, что одним из связующих звеньев между толерантностью к неопределенности и мотивом достижения может выступать интернальный локус контроля. Уверенность в контролируемости собственной жизни объединяет мотивацию достижения и толерантность к неопределенности.

Так как между конструктами была обнаружена двусторонняя связь, мы можем сделать вывод о том, что развивать толерантность к неопределенности можно не только посредством упражнений, направленных на развитие толерантности, но и при помощи развития мотива достижения.

В дальнейшем наше исследование может быть продолжено с применением более широкого спектра диагностических методик и статистических критериев, для того чтобы раскрыть всю специфику связи толерантности к неопределенности и мотивации достижения.

Современный мир изменчив. Практически каждый день появляется что-то новое, старое уходит или деформируется. Уверенность в завтрашнем дне уже не настолько сильная, как раньше. Огромные потоки информации, действующие на человека, также негативно влияют на благополучие, вынуждая современных людей постоянно пребывать в условиях неопределенности, множественности. Прогнозирование ситуаций и самопрогнозирование личности становится все сложнее и сложнее [8]. Именно поэтому сейчас, в наши дни, представляется необходимым изучать особенности личности, толерантной к неопределенности, вскрывать ее психологическую структуру, для того чтобы искать механизмы развития терпимости, повышая тем самым благополучие современного человека.

Примечания

1. Гусев А. И. К проблеме толерантности к неопределенности // Практическая психология и социальная работа. 2007. № 1; Дубенцов М. И. Категория неопределенности в психологической науке и профессиональном самоопределении личности // Современные научные исследования и инновации. 2011. Октябрь. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/3078>; Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.

2. Луковицкая Е. Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998; Ильин Е. П. Мотивация и мотивы: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2003.
3. Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional perceptual personality variable // Journal of Personality. 1949. Vol. 18. P. 108-143; Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable // Journal of Personality. Vol. 30. 1962. P. 29-59; Furnham A. Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications // Current Psychology. 1995. Vol. 14 (3). P. 179-200.
4. Корнилова Т. В. Указ. соч.; Луковицкая Е. Г. Указ. соч.; Юртаева М. Н. Когнитивно-стилевые и личностные характеристики толерантности к неопределенности: дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2011.
5. Корнилова Т. В. Указ. соч.
6. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения. СПб.: Речь, 2001. С. 17-23, 92-93; Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. М., 2006.
7. Гордеева Т. О. Указ. соч.
8. Сараева Е. В. Самопрогнозирование как механизм саморазвития // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 18. С. 86-90.

Notes

1. Gusev A.I. *K probleme tolerantnosti k neopredelennosti* [On the problem of tolerance to uncertainty] // *Prakticheskaya psikhologiya i sotsial'naya rabota* - Practical psychology and social work. 2007, № 1; Dubentsov M.I. *Kategoriya neopredelennosti v psikhologicheskoy nauke i professional'nom samoopredelenii lichnosti* [Category uncertainties in the science of psychology and professional self-identity] // *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* - Modern scientific research and innovation. October 2011. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/3078> (in russ.); Kornilova T.V. [The new questionnaire of tolerance - intolerance to uncertainty] // *Psychological Journal*. 2010, vol. 31, № 1, pp. 74-86.
2. Lukovitskaya E.G. *Sotsial'no psikhologicheskoe znachenie tolerantnosti k neopredelennosti: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Social psychological importance of tolerance for uncertainty: Dis. Candidate psychol. sci]. St. Petersburg. 1998; Ilyin E.P. *Motivatsiya i motivy: ucheb. posobie* [Motivation and theme: tutorial]. St. Petersburg: Piter. 2003.
3. Frenkel Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional perceptual personality variable // Journal of Personality. 1949. Vol. 18. Pp. 108-143; Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable // Journal of Personality. Vol. 30. 1962. Pp. 29-59; Furnham A. Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications // Current Psychology. 1995. Vol. 14 (3). Pp. 179-200.
4. Kornilova T.V. Op. cit.; Lukovitskaya E.G. Op. cit.; Yurtaeva M.N. *Kognitivno stilevye i lichnostnye kharakteristiki tolerantnosti k neopredelennosti: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Cognitive style and personality characteristics of tolerance to uncertainty: Dis. Candidate psychol. sci]. Ekaterinburg. 2011.
5. Kornilova T.V. Op. cit.
6. Hekhauzen H. *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [Psychology of achievement motivation]. St. Petersburg: Rech. 2001. Pp. 17-23, 92-93; Gordeeva T.S. [Psychology of achievement motivation]. Moscow. 2006.
7. Gordeeva T.S. Op. cit.
8. Sarajeva E.V. *Samoprognozirovanie kak mekhanizm samorazvitiya* [Self-forecasting as a mechanism of self-development] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* - Herald of VyatSHU. 2006, № 18, pp. 86-90.

УДК 159.9

Т. Д. Азарных

Алкогольное поведение при посттравматических стрессах в юношеском возрасте

Целью исследования являлось изучение связи между алкогольным поведением и выраженностью посттравматического стресса (ПТС), а также коморбидных состояний с учетом фактора пола. Определялись уровни: алкоголизма (AL, дополнительная шкала ММП1), ПТС [Миссисипская шкала, гражданский вариант (MS)], шкала оценки влияния травматических событий (IES-R)], а также коморбидных депрессии (BDI), тревожности, психопатологической симптоматики (SCL-90-R). Исследования проведены на студентах дневных отделений государственных вузов г. Воронежа в возрасте 18-20 лет (987 девушек и 402 юноши). Во всех случаях после стресса, приведшего к ПТС, прошло не менее полугодя. Установлена связь алкогольного поведения со всеми исследуемыми параметрами. Наиболее выражено алкогольное поведение независимо от пола у лиц с высокой тревожностью.

The Purpose of the study was to explore correlation between alcohol behaviour and posttraumatic stress (PTS) at juvenile age with gender factor consideration. Were Defined: the level of the alcoholism AL (MMPI), PTS [Missisipi scale, civil variant (MS), Impact of Event Scale-R (IES-R)], comorbidity depression (BDI), anxiety, symptomocomplexes (SCL-90-R). 987 girls and 402 male students of Voronezh' universities of the age 18–20 were tested during the study. In all the cases at least no more than six months has passed after stress effect. It was established relationship between alcoholic behaviour with all under investigation parameter. The most expressing alcoholic behaviour beside persons with high anxiety.

Ключевые слова: посттравматические стрессы, алкогольное поведение, тревожность, депрессия, юношеский возраст, пол.

Keywords: posttraumatic stress, alcohol behaviour, anxiety, depression, juvenile age, gender.

Посттравматические стрессы (ПТС), крайней выраженностью которых является посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), возникают после стрессов, связанных с переживанием страха, ужаса или беспомощности, и включают весь спектр нарушений психики [1]. При этом ПТСР в ряде случаев сопровождается коморбидной (совместно присутствующей) зависимостью от психоактивных веществ (ПАВ) [2]. Исследователями называется разный процент употребляющих ПАВ при ПТСР: от 23,5% у комбатантов призывников срочной службы [3] до 40–49% у комбатантов из силовых структур [4]. Согласно зарубежным исследованиям среди подростков 90% употребляющих ПАВ страдают полным или частичным ПТСР [5]. В случае с подростками и юношами ситуация усугубляется еще и тем, что прогноз формирования аддикции (зависимости) при начале алкоголизации в возрасте до 21 года является плохим, особенно – для женщин [6]. Однако для формирования зависимости требуется несколько лет, поэтому в подростковом и юношеском возрасте, поскольку зависимость еще не успевает сформироваться, правильнее говорить об алкогольном поведении, т. е. о донозологических формах [7].

Целью исследования являлось изучение связи между алкогольным поведением и выраженностью как самого ПТС, так и коморбидной симптоматики. В качестве гипотезы служило предположение о том, что связь алкогольного поведения при ПТС с исследуемыми параметрами будет различной по силе. Исследования проведены на студентах высших учебных заведений г. Воронежа инженерных и экономических специальностей в возрасте 18–20 лет (455 девушек и 135 юношей в группе с ПТС, 532 и 267 соответственно в контрольной). Определялись следующие показатели: уровни 1) ПТС по двум специфичным для него шкалам – а) Миссисипская шкала, гражданский вариант (MS) (Т. М. Keane) [8] и б) шкала оценки влияния травматических событий (ШОВТС или IES-R) (М. J. Horovitz) [9], 2) депрессии (BDI (А. Beck) [10], 3) психопатологической симптоматики (SCL-90-R) с девятью симптомокомплексами соматизации (SOM), обсессивности-компульсивности (О-С), межличностной сензитивности (INT), депрессии (DEPR) и дополнительной шкалы для ее дифференциальной диагностики (ADD), тревожности (ANX), враждебности (HOS), фобической тревожности (PHOB), паранойальности (PAR), психотизма (PSY) и индексов PST, GSI, первый из которых представляет собой сумму всех положительных ответов, а второй – частное от деления суммы всех баллов на число вопросов в тесте (L. R. Derogatis) [11], 4) тревожности (ANXT) (Дж. Тейлор), алкоголизма (AL) (в обоих случаях как дополнительные шкалы СМИЛ, модифицированный MMPI) [12]. Во всех случаях после стрессового события прошло не менее полугода. Деление на группы тяжести течения ПТС производилось на основе квартилей MS: нижний – «нет ПТС», два средних – «частичный ПТС» и верхний – «ПТС». Точками деления служили баллы 79 и 104 у девушек, 79 и 105 у юношей. В качестве контрольной служила группа, в которой были стрессы из опросника LEQ [13], но нет ПТС (532 девушки и 267 юношей). Все данные представлены в виде средней арифметической (M) и стандартного отклонения (SD), однако при определении статистической разницы между группами использовались как параметрические (t Стьюдента), так и непараметрические (U Манна – Уитни) методы сравнения. Последний – в случае отклонения данных от нормального распределения (по критерию Колмогорова – Смирнова). Определялись также коэффициенты корреляций по Спирмену (r_s). Статистическая разница между коэффициентами корреляций определялась по формулам для независимых выборок [14]. Обработка данных проводилась с использованием программы SPSS (версия 13).

Установлено, что независимо от пола выраженность шкалы алкоголизма AL при ПТС по сравнению с контрольной группой выше (табл. 1).

Таблица 1

Выраженность шкалы алкоголизма AL (баллы) при ПТС и в контрольной группе с учетом фактора пола

Пол	ПТС			Контрольная группа			Достоверность разницы между группами		Достоверность разницы между полами			
	M	SD	N	M	SD	N	U, t*	p#	ПТС		Контрольная группа	
									t	p	t	p
Женский	47,7	9,25	455	40,7	9,16	532	11,869*	,000	5,970*	,000	9,086*	,000
Мужской	53,2	10,47	135	46,8	8,34	267	11544,0	,000				

Примечания здесь и далее везде: # – ноль перед запятыми опущен, t* – критерий Стьюдента

При этом как при ПТС, так и в контрольной группе баллы по шкале алкоголизма выше у юношей, чем у девушек. Это значит, что в исследованной возрастной группе существует связь между ПТС и алкогольным поведением. Кроме того, выраженность алкогольного поведения у юношей выше, чем у девушек, как при ПТС, так и в контрольной группе.

Анализ по группам тяжести течения ПТС показывает, что выраженность шкалы алкоголизма AL независимо от пола растет, увеличиваясь в каждой последующей группе относительно предыдущей (табл. 2).

Таблица 2

Выраженность шкалы алкоголизма AL (баллы) в зависимости от тяжести течения ПТС с учетом фактора пола

Пол	Группы тяжести течения ПТС									Достоверность разницы между группами			
	Нет ПТС			Частичный ПТС			ПТС			Нет ПТС – частичный ПТС		Частичный ПТС – ПТС	
	M	SD	N	M	SD	N	M	SD	N	t	p	t	p
Женский	39,4	7,60	112	47,9	7,33	236	55,8	6,85	107	10,056	,000	9,388	,000
Мужской	44,6	6,12	34	52,9	9,30	69	63,2	7,66	32	4,742	,000	5,471	,000

Примечание: N – количество человек в группе

Это значит, что в исследованной возрастной группе независимо от пола алкогольное поведение не является предиктором ПТС, а усиливается по мере утяжеления его течения. Иначе говоря, прогнозировать, будут ли употреблять алкоголь при ПТС, нельзя: его начнут употреблять те, кто до ПТС этого не делал, и в большей степени те, у кого течение ПТС будет более тяжелым.

Таким образом, тяжело текущие ПТС сопряжены с алкогольным поведением. Однако тяжело текущие ПТС сопряжены также и с наличием психопатологической симптоматики, диагностируемой психометрически по опроснику SCL-90-R, а также депрессии BDI и тревожности ANXT. В частности, на этой же выборке установлено, что коэффициенты корреляций (r_s) между специфичной для ПТС MS и депрессией BDI равны 0,70 у девушек и 0,65 у юношей, тревожностью ANXT – 0,70 и 0,67, индексом общей тяжести стресса GSI (SCL-90-R) 0,61 и 0,62 соответственно ($p = 0,000$ во всех случаях). В свою очередь между индексом общей тяжести стресса GSI и каждым симптомокомплексом также установлена прямая корреляционная зависимость ($r_s = 0,73 \div 0,86$ у девушек и $r_s = 0,69 \div 0,90$ у юношей, $p = 0,000$ во всех случаях). Это значит, что чем тяжелее течение ПТС (выше MS), тем он в большей степени «нагружен» совместно присутствующими симптомокомплексами SCL-90-R, депрессией BDI и тревожностью ANXT. Поэтому можно предположить, что алкогольное поведение будет также связано прямой зависимостью с выраженностью этих показателей. Действительно, независимо от пола шкала алкоголизма AL имеет прямую корреляционную зависимость как со специфическими для ПТС MS, IES-R, так и с депрессией BDI, тревожностью ANXT (см. табл. 3).

Коэффициенты корреляции Спирмена (r_s) между шкалой алкоголизма (AL) и выраженностью ПТС (MS, IES-R), депрессии BDI и симптомокомплексов SCL-90-R с учетом фактора пола

Показатели	Девушки						Юноши					
	AL		Достоверность разницы коэффициентов корреляций по сравнению с парой:				AL		Достоверность разницы коэффициентов корреляций по сравнению с парой:			
	r	p	AL - ANXT	AL - MS	AL - BDI	AL - IES-R	r	p	AL - ANXT	AL - MS	AL - BDI	AL - IES-R
ANXT	,80	,000	-	,000	,000	,000	,84	,000	-	,000	,000	,000
MS	,67	,000	,000	-	,000	,000	,60	,000	,000	-	-	,002
BDI	,61	,000	,000	,025	-	,000	,53	,000	,000	-	-	-
SOM	,42	,000	,000	,000	,000	-	,43	,000	,000	,016	-	-
O-C	,54	,000	,000	,000	,043	,000	,55	,000	,000	-	-	,043
INT	,58	,000	,000	,007	-	,000	,47	,000	,000	,050	-	-
DEPR	,59	,000	,000	,016	-	,000	,51	,000	,000	-	-	-
ANX	,51	,000	,000	,000	,004	,000	,49	,000	,000	-	-	-
HOS	,47	,000	,000	,000	,000	,008	,35	,000	,000	,001	,012	-
PHOB	,51	,000	,000	,000	,007	,000	,46	,000	,000	,043	-	-
PAR	,46	,000	,000	,000	,000	,013	,40	,000	,000	,005	-	-
PSY	,50	,000	,000	,000	,002	,001	,44	,000	,000	,012	-	-
ADD	,50	,000	,000	,000	,001	,000	,41	,000	,000	,006	-	-
PST	,59	,000	,000	,006	-	,000	,54	,000	,000	-	-	-
GSI	,60	,000	,000	,019	-	,000	,54	,000	,000	-	-	-
IES-R	,35	,000	,000	,000	,000	-	,41	,000	,000	,002	-	-
N	-		455				135					

Примечание: знак (-) означает, что статистически значимая разница между коэффициентами корреляций отсутствует

Между шкалой алкоголизма AL независимо от пола установлена также корреляционная зависимость как с отдельными симптомокомплексами, так и с индексом GSI. Поскольку выше была установлена синхронность увеличения уровня симптомокомплексов при ПТС, то это значит, что алкогольное поведение напрямую связано с выраженностью эмоционального дискомфорта, проявляющегося не отдельно взятыми симптомокомплексами, а их совместным сочетанием, т. е. одновременно присутствующими тревожностью (нервозностью, напряжением, дрожью, паникой), фобиями (страхами), депрессией (сниженным настроением, отсутствием энергии, сил и удовольствия от жизни), обсессивностью-компульсивностью (переживанием мыслей, импульсов, действий как непрерывных, непреодолимых и чуждых Я), соматизацией (телесными болями и недомоганиями), межличностной сензитивностью (чрезвычайной чувствительностью и негативными ожиданиями в любых коммуникациях), враждебностью (агрессией, раздражительностью, гневом, негодованием), паранойяльностью (подозрительностью, страхом потери независимости), психотизмом (одиночеством, ощущением, что с телом и рассудком не все в порядке), а также нарушениями сна и пищевого поведения. Таким образом, предположение подтвердилось: наиболее выраженным алкогольное поведение будет при высоком уровне самого ПТС, осложненного коморбидными тревожностью, симптомокомплексами SCL-90-R и депрессией BDI. Самые высокие коэффициенты корреляций независимо от пола установлены по шкале алкоголизма AL с тревожностью ANXT. Однако для того чтобы такой вывод был корректным, нужно провести сравнение коэффициентов корреляций всех остальных показателей со шкалой AL и определить, является ли разница между этими коэффициентами статистически значимой. Сравнительный анализ имеет практическое значение, так как позволит определить группы риска по алкогольному поведению, а значит, по развитию алкогольной аддикции. В результате такого анализа установлено, что у девушек коэффициент корреляции MS со шкалой алкоголизма больше, чем со всеми остальными показателями (кроме ANXT), включая другую специфичную для ПТС IES-R. В свою очередь коэффициент корреляции с депрессией BDI выше, чем по IES-R, а также семи симптомокомплексам и шкале ADD, поэтому можно утверждать, что связь шкалы алкоголизма AL с BDI сильнее, чем SCL-90-R и IES-R. Однако коэффициент корреляции по другой специфичной для ПТС IES-R ниже, чем по всем симптомокомплексам и индексам SCL-90-R (за исключением SOM, по которому не имеет статистически значимой разницы). Таким образом, у девушек коэффициенты корреляций со шкалой алкоголизма AL по величине можно расположить в следующий ряд по убыванию: ANXT > MS > BDI > SCL-90-R > IES-R. Этот

ряд означает, что выраженность алкогольного поведения будет больше всего при ПТС, психометрически диагностируемом по MS или IES-R, но при одновременно высоком уровне тревожности ANXT. Если же уровень тревожности ANXT не известен, то выраженность алкогольного поведения будет тем выше, чем тяжелее текущий ПТС, диагностируемый по MS, а не IES-R. При диагностике ПТС по IES-R наибольшая выраженность этого поведения будет при высоком уровне как депрессии BDI, так и симптомокомплексов SCL-90-R, но при этом при высоком уровне депрессии BDI выше. При диагностике ПТС по MS дополнительной информации об алкогольном поведении ни депрессия BDI, ни симптомокомплексы, индексы SCL-90-R не несут.

У юношей коэффициент корреляции специфичной для ПТС MS со шкалой алкоголизма AL выше, чем по шести симптомокомплексам SOM, INT, NOS, PHOB, PAR, PSY, шкале ADD, а также IES-R и не имеет статистически значимой разницы по депрессии BDI. В свою очередь коэффициент корреляции по депрессии BDI со шкалой алкоголизма AL выше, чем по симптомокомплексу NOS, и не имеет статистически значимой разницы с таковым по IES-R. Наконец, коэффициент корреляции IES-R со шкалой алкоголизма AL меньше, чем по симптомокомплексу O-C. Установленные зависимости позволяют выделить два ряда по величине коэффициентов корреляций со шкалой алкоголизма AL по убыванию. Первый: ANXT > MS = BDI > SCL-90-R, второй: ANXT > MS > SCL-90-R > IES-R. Это значит, что алкогольное поведение будет наиболее выраженным при высоком уровне ПТС, определяемом как по MS, так и по IES-R, но с одновременно высоким уровнем тревожности ANXT. Если же уровень тревожности неизвестен, то выраженность алкогольного поведения будет тем выше, чем а) тяжелее текущий ПТС, диагностируемый по MS, а не IES-R; б) выше выраженность симптомокомплексов SCL-90-R при диагностике ПТС по IES-R. Дополнительной информации об алкогольном поведении при ПТС у юношей депрессия BDI не несет. Поскольку при диагностике ПТС не всегда возможно применение всего комплекса методик, использованных в данном исследовании, то полученные результаты позволяют составить прогноз возникновения алкогольного поведения, а значит зависимости на основании менее полной психометрической диагностики ПТС и коморбидных состояний.

Проведенное исследование затрагивает только один аспект алкогольного поведения, а именно, связанного с ПТС, и показывает, что самым значимым фактором, связанным с алкогольным поведением при ПТС, является тревожность. Этот вывод совпадает с результатами исследований наркологов, согласно которым тревожность является одной из характеристик зависимой личности [15]. Между тем тревожность в исследованной возрастной группе является результатом, а не предиктором ПТС [16]. Однако алкогольное поведение связывают также и с депрессивными состояниями, которые являются как причиной, так и результатом употребления алкоголя [17]. Поэтому обнаруженная в данном исследовании зависимость между алкогольным поведением и депрессией позволяет предположить, что в значительном проценте случаев за алкогольным поведением в юношеском возрасте может стоять нераспознанный ПТС.

Выводы: 1. Существует связь между алкогольным поведением в юношеском возрасте и ПТС. 2. Алкогольного поведения в качестве предиктора не существует, т. е. при ПТС начинают употреблять алкоголь те, кто до ПТС этого не делал. 3. Алкогольное поведение при ПТС наиболее выражено при тяжело текущем ПТС, осложненном коморбидной психопатологической симптоматикой, психометрически диагностируемой по SCL-90-R, а также тревожностью, депрессией BDI. При этом их связь с алкогольным поведением вариативна по силе и имеет особенности, сопряженные с полом. 4. Наиболее выражено алкогольное поведение при ПТС независимо от пола у лиц с высокой тревожностью. 5. При неизвестном уровне тревожности алкогольное поведение независимо от пола больше выражено также у лиц: а) с ПТС, диагностируемым по MS, а не IES-R; б) с ПТС, диагностируемым по IES-R, при высоком уровне психопатологической симптоматики (SCL-90-R). 6. Только у девушек с ПТС, диагностируемым по IES-R, при неизвестном уровне тревожности алкогольное поведение больше выражено при высоком уровне депрессии BDI, чем психопатологической симптоматики SCL-90-R.

Примечания

1. Тарабрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В. и др. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: «Когито-Центр», 2007. С. 13–14.
2. Петросян Т. Р. Зависимость от алкоголя у пациентов с посттравматическим стрессовым расстройством: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2008; Chilcoat H. D., Breslau N. Posttraumatic stress disorder and drug disorders: Testing causal pathways // Archives of General Psychiatry, 1998. 55. P. 913–917.
3. Дрига Б. В. Особенности боевых посттравматических стрессовых расстройств у военнослужащих, проходивших военную службу по призыву: автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2012.
4. Наров М. Ю. Нервно-психические стрессовые расстройства с коморбидными аддиктивными состояниями у сотрудников правоохранительных органов: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Томск, 2007; Остапенко А. В. Клинико-психологические характеристики личности участников локальных войн и их защитно-совладающего поведения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007.
5. Hawke J. M., Ford J. D., Kaminer Y., Burke R. Trauma and PTSD among youths in outpatient treatment for alcohol use disorders // J. of Child & Adolescent Trauma. 2009. № 2. P. 1–14.
6. Руководство по аддиктологии / под ред. В. Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007. С. 624.
7. Шамрей В., Лытаев А. Аддиктивное поведение у лиц призывного возраста (обзорная статья) // Юбилейная научная сессия «Психоневрология в современном мире» 14–18 мая 2007. СПб.: СПбНИПИ им. В. М. Бехтерева, 2007. С. 127–134.
8. Тарабрина Н. В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. Бланки методик. М.: «Когито-Центр», 2007. С. 36–54.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Собчик Л. Н. Компьютерная программа к психодиагностическому тесту СМЛ (вариант 3). Лицензия 05324. М.: Ин-т практ. психологии, 2001.
13. Тарабрина Н. В. Указ. соч. С. 64–69.
14. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. СПб.: Речь, 2008. С. 151–152.
15. Там же.
16. Руководство по аддиктологии. С. 34.
17. Азарных Т. Д. Тревожность и посттравматические стрессы // Академический журнал Западной Сибири. 2012. № 6. С. 38–39.

Notes

1. Tarabrina N.V., Agarkov V.A., Bykhovets Yu.V. et al. *Prakticheskoe rukovodstvo po psikhologii posttravmaticheskogo stressa* [A practical psychology guide of post-traumatic stress. Part 1 Theory and methods]. Moscow: "Cogito-Center". 2007. Pp. 13-14.
2. Petrosyan T.R. *Zavisimost' ot alkogolya u patsientov s posttravmaticheskimi stressovymi rasstrojstvom: avtoref. dis. ... kand. med. nauk* [Alcohol dependence in patients with post-traumatic stress disorder: autoref. dis. Candidate med. sci]. Moscow. 2008; Chilcoat HD, Breslau N. Posttraumatic stress disorder and drug disorders: Testing causal pathways // Archives of General Psychiatry. 1998. 55. Pp. 913-917.
3. Driga B.V. *Osobennosti boevykh posttravmaticheskikh stressovykh rasstrojstv u voennosluzhashchikh, prokhodivshikh voennuyu sluzhbu po prizyvu: avtoref. dis. ... kand. med. nauk* [Features of combat post-traumatic stress disorder in soldiers held military service: autoref. dis. Candidate. med. sci]. St. Petersburg. 2012.
4. Narov M.Yu. *Nervno psikhicheskie stressovye rasstrojstva s komorbidnymi addiktivnymi sostoyaniyami u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: avtoref. dis. ... d ra med. nauk* [Neuropsychologic stress disorder with comorbid addictive state law enforcement officers: author. dis. Dr. med. sci]. Tomsk. 2007; Ostapenko A.V. *Kliniko psikhologicheskie kharakteristiki lichnosti uchastnikov lokal'nykh vojn i ikh zashchitno sovladayushchego povedeniya: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Clinical-psychological characteristics of the individual members of local wars and their protective-overcoming behavior: autoref. dis. Candidate psychol. sci]. St. Petersburg. 2007.
5. Hawke JM, Ford JD, Kaminer Y., Burke R. Trauma and PTSD among youths in outpatient treatment for alcohol use disorders // J. of Child & Adolescent Trauma. 2009. № 2. P. 1-14.
6. *Rukovodstvo po addiktologii - Manual on addictology / ed. VD Mendelevich. Petersburg. Rech. 2007. P. 624.*
7. Shamrey V., A. Lytaev *Addiktivnoe povedenie u lits prizyvnoy vozrasta (obzornaya stat'ya)* [Addictive behavior in people of military age (Review)] // *Yubilejnaya nauchnaya sessiya «Psikhonevrologiya v sovremennom mire» 14–18 maya 2007- Anniversary Scientific Session "Psychoneurology in the modern world", May 14-18, 2007, St. Petersburg. : Bekhterev SPbNIPI. 2007. Pp. 127-134.*
8. Tarabrina N.V. *Prakticheskoe rukovodstvo po psikhologii posttravmaticheskogo stressa. CH. 2. Blanki metodik* [Practical Guide on psychology of post-traumatic stress. Part 2 Forms of techniques]. Moscow: "Cogito-Center". 2007. Pp. 36-54.

9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Sobchik L.N. *Komp'yuternaya programma k psikhodiagnosticheskomu testu SMIL (variant 3)* [Computer program for psychodiagnostic tests SMIL (option 3)]. License 05324. Moscow: Institute of pract. psychology. 2001.
13. Tarabrina N.V. Op. cit. Pp. 64-69.
14. Nasledov A.D. *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh: ucheb. posobie. 3 e izd., stereotip* [Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data: tutorial. 3 ed. Stereotype]. St. Petersburg: Rech. 2008. Pp. 151-152.
15. Ibid.
16. *Rukovodstvo po addiktologii* - Guide on addictology. P. 34.
17. Azarnyh T.D. *Trevozhnost' i posttravmaticheskie stressy* [Anxiety and post-traumatic stress] // *Akademicheskij zhurnal Zapadnoj Sibiri* - Academic Journal of Western Siberia. 2012, № 6, pp. 38-39.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗАРНЫХ Татьяна Дмитриевна – кандидат биологических наук, доцент по кафедре философии Воронежского государственного университета инженерных технологий. 394036, г. Воронеж, просп. Революции, д. 19.

E-mail: azarnykh_t@mail.ru

АНДРЕЕВ Алексей Евгеньевич – соискатель кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. 171157, Тверская область, г. Вышний Волочек, ул. Красноармейская, д. 30.

E-mail: aae@list.ru

БАЛАКИН Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций Уральского государственного университета путей сообщения. 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 66.

E-mail: SBalakin@usurt.ru

БЕЛАС Любомир – доктор философии, профессор по кафедре философии философского факультета Института философии и этики Прешовского университета, Словакия. University of Prešov in Prešov, 17. novembra 15, 080 01 PREŠOV, Slovak Republic.

E-mail: philfac@unipo.sk

БЕЛАСОВА Людмила – доктор педагогических наук, доцент, зав. кафедрой дошкольной и элементарной педагогики педагогического факультета Прешовского университета, Словакия. University of Prešov in Prešov, 17. novembra 15, 080 01 PREŠOV, Slovak Republic.

E-mail: philfac@unipo.sk

ВЕНГЕРОВА Наталья Николаевна – кандидат педагогических наук, профессор по кафедре физической культуры Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 191002, г. Санкт-Петербург, ул. Марата, д. 27.

E-mail: natalyavengerova@yandex.ru

ГУЖВА Дмитрий Геннадьевич – кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ. 119330, г. Москва, Университетский просп., д. 14, ИВИ.

E-mail: guchva@list.ru

ИЛЬЧЕНКО Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой классической и современной литературы Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: ilchenko2005@mail.ru

КАЗАКОВА Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре истории России Орловского государственного университета. 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

E-mail: kazaolga@yandex.ru

КАЛИНИЧЕВА Мария Марьяновна – кандидат технических наук, генеральный директор ООО Научно-проектный центр «Техническая эстетика». 125080, г. Москва, ул. Б. Набережная, д. 11, к. 3.

E-mail: mio-margo@mail.ru

КЛЁСТЕР Анна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре иностранных языков Омского государственного технического университета. 644050, г. Омск, просп. Мира, д. 11.

E-mail: annaklyoster@mail.ru

КОВРОВ Владимир Викентьевич – кандидат педагогических наук, профессор по кафедре педагогической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, НИЛ «Психологическая безопасность в образовании» Центр экстренной психологической помощи Московского городского психолого-педагогического университета. 127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29.

E-mail: lev23@list.ru

ЛЕБЕДЕВА Ольга Владимировна – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

МОТОРИНА Любовь Евстафьевна – кандидат философских наук, профессор по кафедре философии Московского авиационного института (национальный исследовательский университет). 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, А-80, ГСП-3.

E-mail: lubov-motorina@yandex.ru

НИКОЛАЕВ Сергей Геннадьевич – аспирант кафедры практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: davidmerteuil@yandex.ru

ПОРЧЕСКУ Галина Васильевна – ассистент кафедры лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_perevod@vshu.kirov.ru

РЕШЕТОВА Маргарита Владимировна – кандидат искусствоведения, доцент по кафедре «Средовой дизайн» Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова, научный консультант ООО НПЦ М. М. Калиничевой «Техническая эстетика». 125080, г. Москва, ул. Б. Набережная, д. 11, к. 3.

E-mail: mio-margo@mail.ru

РОГОВА Наталья Николаевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре уголовного права Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 99.

E-mail: natalia_r60@mail.ru

САМСОНОВА Анна Ивановна – аспирант кафедры зарубежной литературы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37.

E-mail: trina_des@mail.ru

САРАЕВА Елена Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

СОПОВА Майя Николаевна – аспирант кафедры культурологии и педагогической антропологии Коми государственного педагогического института; преподаватель, руководитель музея игрушки, методист Сыктывкарского гуманитарно-педагогического колледжа имени И. А. Куратова. 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 25.

E-mail: majyasopova@gmail.com

ФЕЩЕНКО Павел Николаевич – кандидат юридических наук, доцент по кафедре уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 99.

E-mail: fpn2005@mail.ru

ХЛОПНИНА Ольга Олеговна – аспирант кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет. 111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5.

E-mail: olga0813@yandex.ru

ЧЕМОДАНОВ Игорь Владиславович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ЧИСТЯКОВ Илья Александрович – магистр II курса, направление подготовки «Литературное образование», факультет гуманитарных наук Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: ilchenko2005@mail.ru

ЯКОВЛЕВА Ирина Викторовна – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: irina_aspirantka@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

AZARNYH Tatjana Dmitriewna – candidate of biological sciences, associate professor on the Department of philosophy of the Voronezh State University of Engineering Technology. 394036, Voronezh, 19 Revolution ave.

E-mail: azarnykh_t@mail.ru

ANDREEV Alexey Evgenievich – applicant on the Department of history of state institutions and public organizations of Historical Archives Institute of the Russian State University of Humanities. 171157, Tver region, Vishny Volochek, Krasnoarmeyskaya Str., 30.

E-mail: aae@list.ru

BALAKIN Sergey Vladimirovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department "Foreign Languages and Intercultural communications" of Ural State University of Railway Transport. 620034, Ekaterinburg, 6 Kolmogorov Str.

E-mail: SBalakin@usurt.ru

BELAS Lubomir – Ph.D., professor in the Department of Philosophy Faculty of Philosophy, Institute of Philosophy and Ethics of the University of Presov, Slovakia. University of Prešov in Prešov, 17. Novembra 15, 080 01 PREŠOV, Slovak Republic.

E-mail: philfac@unipo.sk

BELASOVA Ludmila – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of Department of preschool and elementary pedagogy of pedagogical faculty of Prešov University, Slovakia. University of Prešov in Prešov, 17. Novembra 15, 080 01 PREŠOV, Slovak Republic.

E-mail: philfac@unipo.sk

VENGEROVA Natalia Nikolaevna – candidate of pedagogical sciences, professor on the Department of Physical Culture of St. Petersburg State University of Economics. 191002, St. Petersburg, 27 Marat Str.

E-mail: natalyavengerova@yandex.ru

GUZHVA Dmitry Gennadyevich – Candidate of Historical Sciences, Head of Scientific Research Department of the Research Institute (Military History) of the General Staff Academy of the Armed forces of the Russian Federation. 119330, Moscow, University ave., 14, IVI

E-mail: guchva@list.ru

ILCHENKO Natalia Mikhailovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of classical and contemporary literature of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603950, Nizhny Novgorod, 1, Ulianov Street.

E-mail: ilchenko2005@mail.ru

KAZAKOVA Olga Yurjevna – Candidate of Historical Sciences, associate professor on the Department of the History of Russia of Orel State University. 302026, Orel, ul. Komsomolskaya. 95.

E-mail: kazaolga@yandex.ru

KALINICHEVA Maria Maryanovna – Candidate of Engineering Sciences, General Director of Research and Design Center "Technical aesthetics." 125080, Moscow, B. Naberezhnaya St., 11, block 3.

E-mail: mio margo@mail.ru

KLOESTER Anna Mikhailovna – candidate of philological sciences, associate professor on the Department "Foreign languages" of Omsk State Technical University. 644050, Omsk, 11 Mira ave.

E-mail: annaklyoster@mail.ru

KOVROV Vladimir Vikentievich – Ph.D., professor on the Department of educational psychology of MGPPU, NEIL "Psychological safety in Education" Center for Emergency Psychological Aid SEI HPE MGPPU. 127051, Moscow, 29 Sretenka Str.

E-mail: lev23@list.ru

LEBEDEVA Olga Vladirovna – doctor of pedagogical sciences, professor on the Department of pedagogy of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

MASHKOVTSSEV Andrey Anatolevich – Candidate of historical sciences, associate professor on the Department of National History of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

MOTORINA Lubov Evstafevna – Ph.D., professor in the Department of Philosophy of the Moscow Aviation Institute (National Research University), 125993, Moscow. Volokolamsk Shosse. 4, Moscow, A-80, GSP-3.

E-mail: lubov motorina@yandex.ru

NIKOLAEV Sergey Gennadyevich – graduate student on the Department of Praktical Psychology of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: davidmerteuil@yandex.ru

PORCHESKU Galina Vasilyevna – Assistant on the Department of Linguistics and translation of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: kaf_perevod@vshu.kirov.ru

RESHETOVA Margarita Vladimirovna – Candidate of Art Criticism, associate professor on the Department "Environmental design" of S.G. Stroganov Moscow State Art and Industry Academy. scientific consultant for SPC of M.M. Kalinicheva "Technical aesthetics." 125080, Moscow, B. Naberezhnaya St., 11, block 3.

E-mail: mio margo@mail.ru

ROGOVA Natalya Nikolaevna – PhD, Associate Professor of Criminal Law of Volga-Vyatka Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA). 610002, Kirov, Lenin Str., 99.

E-mail: natalia_r60@mail.ru

SAMSONOVA Anna Ivanovna – Department of Foreign Literature of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University. 603000, Nizhny Novgorod, 37 Boris Pokrovsky Str.

E-mail: trina_des@mail.ru

SARAEVA Elena Viktorovna – candidate of psychological sciences, Associate Professor, Head of the Department of Applied Psychology of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

SOPOVA Maya Nikolaevna – graduate student on the Department of Cultural Studies and pedagogical anthropology of Komi State Pedagogical Institute; Lecturer, Head of the Toy Museum, Methodist of Syktyvkar Humanitarian Pedagogical College named after I.A. Kuratov. 167000, Syktyvkar, ul. Communist., 25.

E-mail: majyasopova@gmail.com

FESHCHENKO Pavel Nikolaevich – PhD, Associate Professor of Criminal Law and Criminology of Volga-Vyatka Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA). 610002, Kirov, Lenin Str., 99.

E-mail: fpn2005@mail.ru

KHLOPONINA Olga Olegovna – graduate student on the Department of Philosophy, Culture study and Political Science, Moscow University of Humanities. 111395, Moscow, ul. Youth, d. 5.
E-mail: olga0813@yandex.ru

CHEMODANOV Igor Vladislavovich – candidate of historical sciences, associate professor on the Department of National History of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

CHISTYAKOV Ilya Sergeevich – Master of II year, course of training "Literary Education", Faculty of Humanities of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603950, Nizhny Novgorod, 1, Ulianov Street.
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

YAKOVLEVA Irina Viktorovna – graduate student on the Department of Russian History of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: irina_aspirantka@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 7 (2014)

Подписано в печать 25.06.2014 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Тираж 1000. Заказ № 102.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674